АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПУШКИНСКИЙ ДОМ

В. В. МИТРОФАНОВА

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1978

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. И. ЕРЕМИНА

$М \frac{70202\text{-}541}{042\,(02)\text{-}78}\,381\text{-}78$

Введение

Русские народные загадки не раз привлекали внимание ученых. И все-таки в их изучении больше неясного, неисследованного и спорного, чем ясного и изученного. Очень мало специальных статей и совсем нет монографических исследований о загадках. Загадки чаще интересовали как подсобный материал при изучении различных общих проблем. Так, А. Н. Афанасьев, исследуя «поэтические воззрения славян на природу», в качестве примеров, подтверждающих отдельные выводы, привлекал загадки, параллельно делая наблюдения над образами в них.[1] Ф. И. Буслаев обращался к загадкам в связи с изучением мифологии и относил их к «древнейшему периоду первых проблесков человеческого ума».[2] А. Н. Веселовский, рассматривая поэтические, выразительные средства фольклора, отметил в загадках отрицательный параллелизм.[3] Немало интересных наблюдений над генезисом и жизнью загадки, средой ее распространения, особенностями формы можно найти во вступительных заметках собирателей, публиковавших свои собрания,[4] и составителей к сводным сборникам.[5] В учеб-

---

[1] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов, т. I—III, М., 1865—1869.

[2] Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, СПб., 1861, с. 129.

[3] Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. — Собр. соч., т. I. СПб., 1913, с. 205—206.

[4] См., например, заметки Парихина (Маяк, 1842, т. 6, гл. III. Материалы, с. 47) и П. Ефименко (Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г., отд. I, с. 21—30).

[5] Худяков И. А. Великорусские загадки. М., 1861; Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. СПб., 1876 (в дальнейшем: Садовни-

ные пособия и обзоры истории литературы вкраплены довольно обширные статьи о загадках, содержащие интересные и ценные наблюдения. Немало исследований о русских народных загадках принадлежит советским фольклористам.

Наиболее изученными можно считать генезис, общественную функцию и бытование загадок. Об этом писали почти все исследователи, начиная с Ф. И. Буслаева и А. Н. Афанасьева. И все же полной ясности в этих вопросах нет. Нельзя отрицать связи загадок с тайной речью, но нельзя не замечать и их вхождения в обряд, магического значения в определенных условиях, обрядовых действах. Нельзя также согласиться, что в XIX веке загадка уже служила только развлекательным целям, а бытование ее в среде детей есть упадок, вырождение жанра.

Художественная специфика загадок, их поэтический строй, система образов, ритмика изучены еще меньше. Этим вопросам уделила внимание М. А. Рыбникова во вступительной статье к своему сборнику, рассматривая связь поэтической системы загадок с трудовой деятельностью их носителей — крестьян. Метафору в загадке изучал С. Г. Лазутин.[6] Некоторые вопросы поэтического и ритмического строения загадок освещены автором данной работы. Рассмотрение строения русских народных загадок структуралистскими методами проведено Ю. И. Левиным.[7] Однако, несмотря на довольно большое количество работ, в изучении художественной структуры и специфики русских народных загадок сделаны только первые шаги.

Так как монографического исследования, посвященного загадкам, нет, представляется необходимым обоб-

---

ков Д. Н. Загадки.., изд. 1-е); Рыбникова М. А. Загадки. М.—Л., «Academia», 1932.

[6] Лазутин С. Г. Метафоры в загадках (принципы их создания, виды и идейно-эстетические функции). — В кн.: Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976, с. 34—49.

[7] Левин Ю. И. Русские загадки: синтез, структура, отгадывание. — В кн.: Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 36—39; Левин Ю. И. Семантическая структура русской загадки. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. VI. Сб. научных статей в честь М. М. Бахтина (К 75-летию со дня рождения), с. 166—190 (Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1973, вып. 308).

щить те сведения, которые накоплены наукой в их изучении, а также подвести итоги почти вековому опыту публикации русских загадок, рассмотреть загадку как жанр, показать ее отношение к исторической и социальной действительности, ее поэтическую структуру, место в системе жанров и взаимоотношения с ними. Настоящее исследование обобщает отечественные работы о русских загадках, не касаясь вопросов изучения загадки международной, в частности славянской, фольклористикой, и, естественно, не претендует на то, чтобы решить или даже поставить все вопросы в изучении загадок.

Глава первая

Происхождение и изучение русских народных загадок

Первые документальные свидетельства о термине «загадка» и о том, что это был самостоятельный жанр, подвергавшийся осуждению церкви и правящих кругов наряду с обрядовыми играми, песнями и плясками, относятся к XVII веку. В «Памяти» Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину (1649 г.) о строгом наблюдении, чтобы служилые люди и крестьяне в воскресные и праздничные дни ходили в церковь, удалялись чародейства, избегали пьянства и не заводили непристойных игрищ, сказано: «...и многие человецы неразумьем веруют в сон, и в встречю, и в полаз, и в птичей грай, и загадки загадывают и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворием и кощунанием души свои губят».[1] Отсюда следует, что к середине XVII века загадки были распространены в народном быту и имели какое-то языческое, обрядовое значение.

Стремясь обнаружить загадки или упоминание о них в памятниках более древних, исследователи обращаются к «Повести временных лет», рассказу о мести княгини Ольги.[2] Как и в сказках, послы, не сумевшие отгадать символику иносказательной речи княгини, гибнут. В том же плане рассматривается и иносказательный

[1] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1842, с. 125.

[2] См. например, статью Д. С. Лихачева в кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., 1953, с. 164—166.

разговор Ярослава со своими сторонниками во вражеском стане, записанный в Новгородской первой летописи под 1016 годом.[3] Подобные иносказательные речи героев находим и в повествовательных произведениях древнерусской литературы, как оригинальных, так и переводных. Следует, однако, иметь в виду, что собственно загадок в названных произведениях нет. Едва ли следует видеть в этих примерах и свидетельство бытования загадок. Сомнительно также, что «загадка отразилась в летописи в своей наиболее древней форме, не успев еще перейти в область игры».[4] Всюду здесь имеем сведения об иносказательной речи. Утверждать, что это какая-то начальная форма загадок, можно только после исследования поэтики и генезиса этого жанра. Скорее всего она близка загадкам, но принципиально от них отличается.[5] Достоверных документальных сведений о загадках в письменных памятниках XI—XVI веков мы не имеем.

Некоторые материалы для изучения загадок древнего периода дают произведения, построенные в форме вопросов и ответов. М. Н. Сперанский писал: «Загадка может быть по характеру сближена с так называемой „вопросно-ответной“ книжной литературой (напр., «Беседа трех святителей»), где в форме загадки и следующей за ней отгадки дается объяснение тому или другому явлению, предмету или случаю (большею частью из области религиозной)».[6] Некоторые из вопросов «Беседы» были записаны в конце XIX века в качестве загадок,[7] но мы не знаем, бытовали ли они в устной традиции в XV—XVI веках или перешли туда уже значительно позднее. Многие из загадок, сходных с вопросами «Беседы», встречаются не только в русском фольклоре, но и в фольклоре других славянских народов, а также немцев, англичан, шведов. Возможно, у этих народов, как и у славян, вопросы из письменного памятника перешли в устную традицию.

---

[3] Там же, с. 214.

[4] Там же.

[5] Обо всех этих вопросах речь пойдет ниже.

[6] Сперанский М. Н. Русская устная словесность, ч. I. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. Пособие к лекциям на высших женских курсах. М., 1917. с. 455.

[7] Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. СПб., 1876, № 2194, 2200, 2207 (в дальнейшем: Садовников Д. Н. Загадки..., Изд. 1-е).

«Беседа трех святителей» — произведение, переведенное с греческого, на Русь оно пришло через болгарское посредство; имеются ее латинские и южнославянские списки. И те и другие «обращались в среде, не имевшей притязаний на широкую образованность»,[8] что облегчало переход в устный репертуар книжных вопросов-загадок. Поэтому «Беседа» имеет большое значение для изучения загадок, хотя и не является документальным свидетельством бытования их в XV—XVI веках.

Тесно связаны с загадками и другие произведения древнерусской литературы — «Пчелы», «Цветники», «Азбуковники». Одни из них связаны с «Беседой», другие самостоятельны. Н. В. Калачов отмечал, что в «Прописях» встречаются загадки, внесенные сюда, вероятно, из разных современных сборников.[9] Выписки из «Беседы», а также записи некоторых народных загадок встречаются на полях или свободных листах различных рукописей. Весь этот обширный и разрозненный материал собран и систематизирован В. Н. Перетцем.[10]

С загадками обычно связывается построенный в вопросно-ответной форме стих о Голубиной книге. Ф. И. Буслаев, одним из первых уделивший внимание этому произведению, отметил в нем «замысловатость вопросов, переходящих в загадку».[11] М. Н. Сперанский считал, что в «Голубиной книге значительная часть содержания (правда, заимствованного из книжного источника) отлилась в форму загадок».[12] Однако стих о Голубиной книге имеет с устными народными загадками очень слабую связь. Она проявляется только в принципе построения: вопросы и следующие за ними ответы. Ни один из вопросов не зарегистрирован в устном бытовании. Да и по характеру содержания вопросы стиха весьма далеки от народных загадок. В стихе о Голубиной

---

[8] Жданов И. Н. «Беседа трех святителей». — Журнал министерства народного просвещения, 1892, январь, с. 170.

[9] Калачов Н. В. Азбуки-прописи (Выписки из рукописных азбук и прописей конца XVII—начала XVIII веков). — Архив исторических и юридических сведений, относящихся до России. 1861, кн. III, отд. 3, с. 14.

[10] Перетц В. М. Студії над загадками. — Етнографічний вісник, 1932, кн. 10, с. 123—204.

[11] Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 18.

[12] Сперанский М. Н. Русская устная словесность, с. 455.

книге в форме вопросов и ответов разъясняется строение вселенной, как оно представлялось в то время. Русские народные загадки подобными вопросами не заняты. Они конкретны, вещественны и из космогонических явлений интересуются только видимыми: солнцем, месяцем, звездами и т. д., описывая их в конкретных, близких человеку-труженику образах. Вопросы: на чем держится земля, почему кит всем рыбам мать и т. д. — чужды русским народным загадкам.

Некоторые сведения о загадках древнего периода имеются в фольклоре, например в сказках и песнях. Данные о загадках из сказки несколько напоминают сведения из повествовательных произведений древнерусской литературы («Повести временных лет», «Повести о Петре и Февронии»). Определение круга сказочных сюжетов, включающих загадки, типов загадок, которые в них встречаются, сопоставление их с устными вариантами сделано И. М. Колесницкой. Работа ее «Загадка в сказке»[13] дает материал для суждения о загадках древнейшего периода, сохраненных сказкой.

Более надежные и древние сведения для изучения загадок можно обнаружить в песнях. Если текст сказки вообще подвижнее песенного и поэтому больше вероятности включения в сказку загадок последующих эпох, то песня меньше подвержена изменениям и позднейшим включениям. Загадки содержатся в песне о девице-семилетке, разгадывающей загадки молодца. Песня эта обрядовая,[14] но уже утратившая связь с обрядом, поэтому материал ее достаточно древен. Загадки в ней однотипны и относятся к загадкам-вопросам о явлениях природы.

Разрушенные, утратившие отгадку загадки встречаются иногда в сборниках пословиц. И. А. Худяков писал: «Из всех частей эпоса загадка ближе всего подходит по своему небольшому объему к пословице. Некоторые загадки представляют переход от пословицы к загадке и поэтому могут быть отнесены и к тем, и к другим».[15] Вопрос о связи

[13] Колесницкая И. М. Загадка в сказке. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1941, № 81, с. 98—142.

[14] Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели. — В кн.: Русский фольклор, т. XI. Л., 1968, с. 118—126.

[15] Худяков И. А. Великорусские загадки. — В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. VI. СПб., 1864, с. 14.

загадок и пословиц, а тем более о переходных между ними формах требует специального рассмотрения. Как бы то ни было, но отдельные загадки включались в сборники наряду с пословицами, и таким образом до нас дошли варианты загадок, бытовавшие в XVII веке и даже ранее, так как оригиналы сборников пословиц, где встречаются загадки, могут быть возведены и к более древним периодам. Естественно, что среди пословиц мы узнаем только те загадки, которые известны по записям XIX века. Никаких исчезнувших к XIX веку вариантов оттуда извлечь не удается, так как загадки в сборниках пословиц разрушены, в них исчезла отгадка. Например, в сборнике пословиц XVII века, опубликованном П. К. Симони, среди пословиц находим: «Бочка стонет — бояря пьют»; «Не всяк-то таков, что Иван Токмаков: и едучи на конь да поехал в огонь».[16] В этих записях легко узнать загадки:

Бочка стонет, бояре пьют. — Свинья с поросятами.

Никто не таков, как Иван Русаков:
Сядет на конь да поедет в огонь. — Горшок на ухвате.[17]

Сборник, опубликованный П. К. Симони, списан с оригинала конца XVI века. Можно предположить, что в XVI веке бытовали отмеченные загадки, но может быть и обратное движение: неясный смысл пословицы стремились расшифровать, и разъяснение образовывало отгадку.

Таковы прямые и косвенные свидетельства о загадках в русской письменности до XVIII века.

В XVIII веке начинают составляться рукописные и печатные сборники загадок. Печатные собрания загадок XVIII века неоднородны: это или публикации подлинно народных загадок, кратких, метафоричных, бытующих и по сей день,[18] или тяжеловесные стихотворные загадки, предназначенные для «невинного разделения праздного

---

[16] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий. Собр. и пригот. к печати Павел Симони, вып. 1. СПб., 1899, с. 79 и 126.

[17] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 885, 335.

[18] Загадка про печь, огонь, дым:

Мать толста, а дочь красна,
Сын хоробер, под небеса пошел.

(Парнасский щепетильник,
1770, май, с. 48)

времени» образованного общества и сочиненные авторами в духе литературы того времени.[19] Часто зерно этих загадок — народные краткие варианты, поэтому они тоже дают некоторое представление о репертуаре народных загадок XVIII века.

В рукописях XVIII—начала XIX века вносились загадки из печатных собраний того времени,[20] иногда записывались подлинно народные варианты.[21] Встречаются в рукописных сборниках XVIII века и загадки, восходящие к памятникам средневековой литературы.[22] Несмотря на то что записей загадок XVIII века значительно больше, чем за все предшествующее время, их все же очень немного и они не дают представления о всем репертуаре загадок того времени. Основа наших знаний о загадках — записи XIX—XX веков.

В первые десятилетия XIX века продолжалась традиция предшествующей поры: загадки вносились на свободные листы рукописей, переписывались в специальные небольшие тетради. Но с началом научного собирания и публикации произведений фольклора приходит новая пора и в собирании и публикации загадок. Зачинателями этого нового этапа были И. П. Сахаров,[23] И. М. Снегирев,[24] В. И. Даль.[25] Публикуя большие собрания пословиц, они уделили место и загадкам, сначала разбросав их среди пословиц, затем, поняв неудобство такого смешения, выделив их в особый раздел. Первым ввел публикацию загадок отдельно от пословиц И. П. Сахаров. Его сборники, принципы публикации и редактирования материала подверглись впоследствии резкой и справедливой критике. Критиковали и работу И. П. Сахарова по изда-

---

[19] Загадка про мельницу: «Я ничего не могу сделать, есть ли работе моей воздух и ветр не помогут. Имею крылья, которыми машу; но с места никогда не подымаюсь, и что я останавливаюсь: сие происходит не от страха, а по произволению людей». — В кн.: Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени, изд. В. А. Левшиным. М., 1773, с. 25, № 61.

[20] ГПБ, Собрание А. А. Титова, № 3269.

[21] ГПБ, Собрание П. П. Тиханова, № 220.

[22] Собрание БАН СССР 26. 5. 236; Собрание ГПБ О. XVII. 37.

[23] Сахаров И. П. Сказания русского народа, т. 1, кн. 2. СПб., 1841, с. 91—104.

[24] Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

[25] Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1861—1862.

нию загадок.[26] Н. Н. Виноградов поставил под сомнение подлинность «Русских народных загадок и притч» И. П. Сахарова. Он провел тщательный лингвистический анализ, сравнил публикацию И. П. Сахарова с записями Д. Н. Садовникова и, исходя из специфики народных загадок, доказал, что многие загадки в сборнике далеки от народных. Утверждая, что И. П. Сахаров редактировал и даже сочинял загадки, он взял под сомнение около четверти состава сборника. Несмотря на тщательность анализа, можно согласиться только с первым выводом Н. Н. Виноградова — с тем, что многие загадки в сборнике Сахарова далеки от народных. Но оказались они в сборнике не потому, что И. П. Сахаров их сочинил или отредактировал, а потому, что перешли туда из рукописных сборников начала века, а возможно, и из устной традиции. Их нарочито книжный, искусственный характер объясняется влиянием вариантов XVIII века, а не волей И. П. Сахарова. Если это влияние угадывается даже в некоторых записях XX века, то в середине XIX, когда еще продолжали бытовать и переписываться печатные и рукописные сборники XVIII столетия, оно было тем более сильным. Поэтому вполне возможно, что сборник И. П. Сахарова объективно отразил состояние репертуара загадок того времени. Как бы то ни было, почти два десятилетия он оставался единственным источником для изучения русских народных загадок, образцом для собирателей. По нему они проверяли ценность своих записей, с ним сверяли свои собрания и публикации.[27]

В 60-е годы XIX века наступает новый этап в публикации русских народных загадок. Издают свои сборники И. А. Худяков[28] и Д. Н. Садовников.[29] В их собрания вошли все загадки, известные к тому времени по записям и публикациям. Вступительные статьи содержат много ценных наблюдений над собранным материалом. Сборники эти целое столетие оставались основным пособием для изучения русских народных загадок.

---

[26] Виноградов Н. Н. И. П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи». — Журнал министерства народного просвещения, 1905, июнь, отд. II, с. 229—265.

[27] См., например: Русские народные загадки (собраны Г. Парихиным в г. Тихвине Новгородской губ.). — Маяк, 1842, т. 6, гл. III. Материалы, с. 47.

[28] Худяков И. А. Великорусские загадки. М., 1861.

[29] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е.

Собирание и публикация загадок в конце XIX и начале XX веков шли довольно активно, хотя сводных сборников и не появлялось. В журнале «Живая старина», в губернских ведомостях, земских изданиях публикуются как небольшие, так и крупные (до тысячи номеров) собрания.[30]

Особенно интенсивно идет собирание и публикация загадок северных и приуральских областей. Загадки Вологодской области записывали такие известные собиратели, как Н. А. Иваницкий,[31] П. А. Дилакторский,[32] Б. М. и Ю. М. Соколовы.[33] В приуральских областях работал В. Н. Серебренников.[34] Собиранием загадок Сибири занимались И. Чеканинский,[35] М. В. Красноженова,[36]

---

[30] См., например: Живая старина, 1901, вып. 1, с. 114—116 (Народные загадки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии А. Баловым); 1906, вып. 1, отд. II, с. 62—68 (Едемский М. Б. Загадки в Кокшенге Тотемского уезда Вологодской губ.); 1907, вып. 4, отд. V, с. 42—43 (Неуступов А. Этнографические мелочи из Кадниковского уезда Вологодской губ.), и др.; Олонецкие губернские ведомости, 1903, 28 окт. (Шайжин Н. Загадки, записанные в Нигижме Пудожского уезда); Календарь Вятской губернии на 1892 г., Вятка, 1891, отд. IV, с. 168—223 (Загадки Слободского уезда Вятской губ.).

[31] Записи Н. А. Иваницкого хранятся в архиве Географического общества СССР (р. 7, оп. 1, № 51) и в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 59, п. 4, № 2). — Опубл.: Вологодские губернские ведомости, 1883, № 18—19; Статистический сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом под ред. Н. А. Полиевктова, т. 3. Вологда, 1883, с. 307—312; Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Изд. подгот. Н. В. Новиков. Вологда, 1960, с. 199.

[32] Собрание П. Дилакторского. — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 59, п. 4, № 4). Опубл.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.—Л., 1961, с. 206.

[33] Сказки и песни Белозерского края. Зап. Борис и Юрий Соколовы. М., 1915, с. 518.

[34] Он же Аргентов Г. — См. в кн.: Меткое слово, песни, сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собр. В. Н. Серебренников. Пермь, 1964. Публикации загадок: Серебренников В. Н. Загадки как народное развлечение. Пермь, 1918; работы Г. Аргентова в журн. Кунгурско-Красноуфимский край, 1925, № 1, 2, 3, 8—10, 11—12.

[35] Сибирский архив, 1913, вып. IX—XI, с. 421—423.

[36] Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 78, п. 8). Опубл.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков, с. 221—248.

А. М. Астахова.[37] Некоторые сборники областного фольклора включают загадки, хотя и в ограниченном количестве.[38] Загадки, бытовавшие в средней полосе России, составили сборник М. А. Рыбниковой.[39]

Не все собрания публиковались, много записей хранится в архивах, особенно в архиве Географического общества Союза ССР, в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР, на кафедре фольклора Московского государственного университета. Большой вклад в собирание русских народных загадок внесли студенты, особенно в экспедициях последних десятилетий.[40]

Накопившийся к середине нашего столетия огромный материал дал возможность составить сводный сборник записанных за полтора столетия русских народных загадок. В него вошло пять с половиною тысяч номеров. Тысячи вариантов к ним указаны в комментариях.[41]

Постепенно сложились и правила записи народных загадок. Они изменялись с течением времени, но существенных перемен не происходило. Правила эти весьма далеки от совершенства. Так, если при записи былин и сказок собиратели как дореволюционной поры, так и нашего времени стремились к точной передаче произведения, сообщали связанные с его бытованием детали, подробно рассказывали об исполнителях, обладавших особенно большим репертуаром, то при записи загадок все это фиксировать не считалось необходимым. Многие собрания загадок имеют только пометку о месте записи. Подобный подход к записи загадок, характерный как для собирателей-любителей,[42] так и для собирателей-фольк-

---

[37] Записи в Тарбагатайском районе Бурят-Монгольской АССР. — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 42, п. 1, № 7 и 9; п. 3, № 5).

[38] См., например: Фольклор Саратовской области. Кн. первая. Сост. Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, с. 206.

[39] Рыбникова М. А. Загадки. — М.—Л., «Academia», 1932.

[40] См., например: 1) в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 165, п. 31, № 85, 86, 156, 199; п. 32, № 29); 2) на кафедре филол. фак. Московск. ун-та: 1957, Арханг. обл., п. 2, тетр. 14; 1958, Арханг. обл., п. 2, тетр. 10; п. 1, тетр. 3, 4, 5, 7 и др.

[41] Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968 (Памятники русского фольклора). Перечень публикаций и архивных собраний загадок см.: там же, с. 235—244.

[42] Рукописи, хранящиеся в архиве Географического общества СССР и присланные в свое время учителями и священниками

лористов,[43] стал традицией, продолжающей иногда действовать и до настоящего времени, хотя современные собиратели более строго относятся к паспортизации материала. Он отразился и на публикации русских народных загадок.

Как уже говорилось, публиковать загадки начали в XVIII веке. Уже тогда наметились два типа публикаций. Сборники, подобные «Загадкам, служащим для невинного разделения праздного времени», изданным В. А. Левшиным (М., 1773), можно считать началом популярных изданий для детей. Таких сборников было много в XIX веке, они издаются и в настоящее время по своим, исторически сложившимся, отвечающим задачам и требованиям педагогической науки принципам, в данной работе не рассматривающимся.

Другой тип издания загадок начал М. Д. Чулков небольшой публикацией в журнале «Парнасский щепетильник» (1770, май, с. 46). Здесь помещены подлинно народные загадки, не подвергшиеся какой-либо правке или стилизации, поэтому, хотя М. Д. Чулков и не преследовал научных целей, его публикацию можно поставить в один ряд с научными изданиями последующих лет. Но научные принципы публикации загадок складываются только в середине XIX века. Вначале издание загадок было тесно связано с публикацией пословиц, описанием обрядов и обычаев.[44] Затем, когда загадки заняли самостоятельное место в изучении фольклорных жанров, сложилось два типа научной публикации загадок: 1) собрания отдельных собирателей, представляющие материал одного района или деревни; 2) сводные сборники, извлекающие материал из разных собраний и представляющие русские народные загадки, распространенные повсеместно.

Материалы отдельных собирателей издавались в журналах, этнографических и краевых сборниках и т. д.

в ответ на вопросник Географического общества, в подавляющем большинстве для загадок сообщают только место записи.

[43] Собрание Н. А. Иваницкого в архиве Географического общества СССР (р. 7, оп. 1, № 51) и в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 59, п. 4, № 2).

[44] Снегирев И. М. 1) Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II. М., 1838; 2) Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

Реже встречаются публикации отдельных собраний особыми брошюрами.[45] По объему публикации бывают разные: среди них есть небольшие (5—10 номеров) и довольно обширные (до 1000 номеров). В большинстве случаев в таких собраниях загадки печатаются в прозаическую строку, отгадка — тут же в скобках. Варианты загадки помещаются под одним номером с основной загадкой. Размещение загадок чаще произвольное, только в очень больших собраниях загадки группируются по тематическим рубрикам. Готовя свою коллекцию к изданию, собиратели обычно указывали место записи и бытования загадок, но сведения об исполнителях давали очень редко.[46] Сообщения же об обстановке или обстоятельствах, при которых загадываются загадки, встречаются только в случаях, когда загадки включены в описание обряда или праздника.[47] Но таких очерков очень мало. Некоторые собиратели отбирали из своих записей для публикации только те загадки, которых не было в уже известных сводных сборниках И. П. Сахарова, И. А. Худякова, Д. Н. Садовникова. Они стремились пополнить репертуар русских народных загадок если не новыми загадками, то хотя бы новыми вариантами, видя в этом оправдание своих усилий. Так, в 1842 году Григорий Парихин, публикуя часть собранных им загадок, формулирует этот принцип следующим образом: «Одну и ту же загадку один загадывает так, другой иначе..., и извольте угадывать да доискиваться, который из них загадывает загадку правильно... Без сравнения вы этого не угадаете и не доищетесь. Вот причина, в уважение которой, сличая собранные мною загадки с загадками, напечатанными во второй части „Сказаний русского народа", я исключил из своего собрания только те, которые нашел напечатанными в сей книге слово в слово, и не распространил этого изгнания на другие однозначащие загадки, более

[45] См.: Серебренников В. М. Загадки как народное развлечение.

[46] О том, от кого записаны загадки, сообщают Ив. Чеканинский (Сибирский архив, 1913, № 9—11, с. 421) и А. М. Станиловский (Труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, 1912, № 7, с. 118).

[47] Терещенко А. Быт русского народа, ч. VII. СПб., 1848, с. 162—165; Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губ. — Записки Сибирского отделения Русского географического общества, 1858, кн. V, с. 26—33.

или менее сходные изложением, а счел за лучшее, для подтверждения вышесказанного, делать несколько выписок из поименованной книги. Впрочем, не желая выдавать известного за неизвестное, я сличал собранные мною загадки, кроме напечатанных во второй части „Сказаний русского народа“, еще с нижеследующими прежде изданными собраниями».[48] Несмотря на обоснованность и закономерность этого принципа, он имеет существенный недостаток: загадки, сходные с вариантами, уже помещенными в больших собраниях, оставались за пределами публикаций и никак не учитывались, а с исчезновением рукописи навсегда утрачивались для науки. Мы не знаем, какие загадки, совпадающие с вариантами сборника И. П. Сахарова, были зафиксированы Г. Парихиным в живом бытовании и не вошли в его публикацию. А это было бы очень интересно знать как для оценки сборника И. П. Сахарова, так и для исследования репертуара загадок в определенной местности и в определенное время.

Старые, традиционные принципы издания загадок продолжают существовать и в наше время. Во многих изданиях не сообщается, от кого записаны загадки,[49] хотя полные сведения встречаются чаще, чем в прежних публикациях.[50] Отбирая загадки для печати, собиратели не отмечают, какие варианты были ими исключены.[51]

В сборниках сводного типа обычно представляется материал из разных собраний, разных местностей. Первым таким сборником принято считать «Сказания русского народа» И. П. Сахарова, но действительно сводный сборник с обоснованным и продуманным отбором и расположением материала составлен И. А. Худяковым.

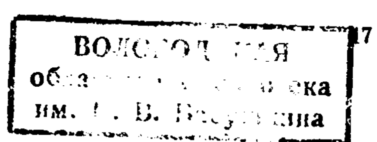
---

[48] Русские народные загадки (собраны Г. Парихиным в г. Тихвине Новгородской губ.). — Маяк, 1842, т. 6, гл. III. Материалы, с. 47—48.

[49] Аргентов Г. Прикамские загадки. — Уральский современник, 1940, № 3, с. 170; Песни и сказки Пензенской области. Сост. А. П. Анисимова. Под ред. Э. В. Померанцевой. Пенза, 1953, с. 99—100; Фольклор Чкаловской области. Сост. А. В. Бардин. Чкалов, 1940, с. 314; Леонтьев Н. П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939, с. 119.

[50] Фольклор Саратовской области, кн. 1. Сост. Т. М. Акимова. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, с. 212—225; Песни Севера. Частушки. Пословицы. Загадки. Сост. К. Копичев. Изд. 2-е. Архангельск, 1955, с. 121—132, 165.

[51] Тарасов Н. Из народных загадок. — Прикамье, 1941, № 2, с. 105—110.

И в первом, и во втором, дополненном, издании[52] загадки расположены по алфавиту отгадок; к основной загадке присоединены ее варианты; в примечаниях указаны варианты загадок других народов, а при некоторых есть указания на место записи. Но никаких сведений относительно исполнителей нет. В 1876 году Д. Н. Садовников издал более полный и совершенный сборник русских народных загадок.[53] В нем использованы записи составителя, а также архивные собрания и публикации предшественников. В тех случаях, когда составитель имел возможность, он указывал место записи, но выяснить, из какого источника взята та или иная загадка, можно только путем текстологического сравнения. В примечаниях приводятся близкие по смыслу загадки других народов, а также некоторые сведения о бытовании загадок. Загадки расположены по тематике отгадок; тексты их печатаются в стихотворную строку. Д. Н. Садовников хорошо понял сущность загадок, их связь с бытом и трудом русского крестьянина, а также почувствовал художественную природу загадок, их ритмический строй. Тематическая классификация с тех пор стала привычной. Но в русской науке было сделано несколько опытов, прежде чем Д. Н. Садовников предложил свою систему, оказавшуюся такой простой, естественной и органичной для загадок.

В сборниках XVIII века не прослеживается какой-либо системы в расположении загадок, как и в собрании Н. П. Сахарова, который, по словам Д. Н. Садовникова, «не держался другой системы, кроме нумерации», «Худяков, видимо, увлекся исключительно филологией»[54] и в своем собрании распределил загадки в алфавите отгадок. И, наконец, Д. Н. Садовников предложил расположение материала по тематике отгадок. Свою роль в тематическом расположении загадок сыграла аналогичная классификация пословиц в сборнике В. И. Даля, где среди пословиц встречаются и загадки. Взгляд В. И. Даля на пословицы и загадки как на отражение народной жизни разделялся Д. Н. Садовниковым, который более

---

[52] Худяков И. А. Великорусские загадки. М., 1861; Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. VI. СПб., 1864.
[53] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е.
[54] Там же, с. III.

четко видел границы исторической жизни народа, отраженной загадками в отличие от пословиц. Поясняя свою систематизацию, Д. Н. Садовников писал: «Цель ставилась такая: выяснить группировкой загадок бытовую обстановку и мировоззрение русского земледельца».[55] Однако кроме этой цели составитель достиг еще и другую — систематизировал загадки по тематическим разделам, что было связано с самой природой русских народных загадок, а также, видимо, с исторически сложившимися законами их бытования. М. А. Рыбникова привела свидетельство исследователя удмуртских загадок К. П. Герда,[56] показывающее, что загадки загадывались в определенное время года, зимой, когда закончены работы, природа спит. Загадывал старший, строго придерживаясь тематики (это облегчало отгадывание). Начинали с загадок о человеке, потом переходили к загадкам об окружающих предметах. Подобное же правило, возможно, существовало и у русских. Обычно при записи загадок они вспоминаются исполнителями и присутствующими по определенным группам.

Классификация загадок по темам не единственная. В. И. Чичеров, например, писал о возможности систематизировать загадки по их художественному строению: вопросы, метафорические и аллегорические загадки, арифметические, шуточные.[57] Подобная систематизация до некоторой степени осуществляется в собраниях, так как задачи, шутки всегда выделяются и при тематическом распределении материала. Но она неудобна тем, что отдел загадок аллегорических и метафорических будет очень велик и потребует внутри дополнительной систематизации. Классификацию, опирающуюся на строение загадок, предложил Ю. И. Левин, отметив «затруднительность построения удовлетворительной классификации загадок».[58]

В зарубежной науке предлагались и другие классификации. Примером может служить систематизация анг-

---

[55] Там же, с. IV.

[56] Рыбникова М. А. Загадки, с. 49.

[57] Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 322—325.

[58] Левин Ю. И. Семантическая структура русской загадки. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. VI. Сб. научных статей в честь М. М. Бахтина (К 75-летию со дня рождения), с. 171. (Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1973, вып. 308).

лийских загадок по тематике образов, а не предметов загадывания в сборнике А. Тейлора.[59] Мы не будем рассматривать эти классификации, их положительные и отрицательные стороны, так как считаем установившийся способ систематизации по тематике отгадок наиболее рациональным для русских народных загадок как для публикации, так и для обзора существующего материала. Той же систематизации придерживается и большинство исследователей загадок других славянских народов.[60]

Д. Н. Садовников предложил и принцип публикации вариантов загадок. Это до сих пор спорный вопрос. Почти каждая загадка имеет варианты, отличающиеся друг от друга словами, формулами и т. п. Собиратели и публикаторы обычно приводят варианты непосредственно за основной загадкой. Вынесение вариантов в примечания, как показал опыт И. А. Худякова (в первом издании его сборника), оказалось неудобным. Однако вопрос о том, что считать вариантом, каковы отличительные особенности основной загадки и варианта, где границы вариантов, остается до сих пор открытым и решается каждым составителем по-своему.[61]

В следующем свободном сборнике — «Загадки» — М. А. Рыбниковой (М., 1932) был поставлен вопрос о необходимости более точного указания места и времени записи загадки и ее исполнителя. Сборник включил, как подчеркнула составительница, «загадки определенного времени, никаких обогащений и округлений за счет прежних записей не производилось».[62] Сборник М. А. Рыбниковой представляет нечто среднее между публикацией одного собирателя и сборником сводного типа. Это собрание М. А. Рыбниковой, но записи производились не ею одною, а и ее многочисленными корреспондентами. Получился сводный сборник русских народных загадок, записанных разными людьми в Центральной

---

[59] Taylor Archer. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley and Los Angeles, 1951.

[60] Загадки (Українська народна творчість). Упорядкування, вступна стаття та примітки І. П. Березовського. Київ, 1962; Стойкова Стефана. Български народни гатанки. София, 1970; Загадкі (Беларуская народная творчасць). Складальнікі М. Я. Грынблат, А. І. Гурский. Мінск, 1972.

[61] См. наст. работу, с. 108.

[62] Рыбникова М. А. Загадки, с. 7.

России в 30-х годах XX столетия и дополненный некоторым количеством сибирских, северных и белорусских загадок, помещенных в особый раздел. Сборник делится на два раздела, загадки в которых не всегда повторяются: «Загадки по тематическим отделам» и «Загадки по районам и исполнителям». «Своеобразие загадок различных районов, — писала М. А. Рыбникова, — бросается в глаза. И потому к загадкам нужно было применить то, что давно соблюдается по отношению к сказкам и песням, то есть печатать их по районам».[63] Составительница впервые обратила внимание на необходимость указывать для загадок, как и для других фольклорных жанров, место записи и исполнителя. Размещение материала в сборнике соответствовало цели, которую поставила М. А. Рыбникова: показать состояние русской народной загадки в определенное время, в определенной местности и у определенных исполнителей. Но с точки зрения общих задач публикации загадок оно встретило возражения. «Этот принцип размещения загадок, — пишет В. П. Аникин, — возможен лишь в отдельных случаях и с той оговоркой, что размещение материала весьма условно: множество загадок встречается повсеместно, и считать ту или иную загадку архангельской или новгородской нет основания. Нельзя также общенародную загадку рассматривать как творчество отдельного человека».[64] Таким образом, естественное, казалось бы, требование — подойти к публикации загадок с тех же позиций, что и к публикации других фольклорных жанров, встретило возражения. Возник вопрос: загадка, записанная в Псковской области, общерусская или псковская; загаданная одним человеком и опубликованная как его репертуар — его личное творчество или общенародное? Думается, что здесь смешан вопрос о необходимости и целесообразности указывать при публикации загадки место ее записи и исполнителя с вопросом, можно ли на этом основании считать данную загадку принадлежащей данному человеку и данной местности.

Прежде чем решить задачу, имеют ли загадки местные особенности и можно ли общерусские загадки вклю-

[63] Там же.

[64] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок. — В кн.: Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. М., 1959, с. 29.

чить в отдел «новгородских» или «архангельских», закономерно поставить вопрос: а что такое вообще «местное» и «общерусское»? Как определяются местная и общерусская традиции? Естественно было бы изучить местные репертуары и, сопоставив результаты изучения, сделать выводы об общерусской и местной традициях. Но до сих пор суждения об общерусских загадках основывались на весьма приблизительных данных и само понятие «общерусское» применительно к загадкам неопределенно, хотя и часто употребляется в науке. Принято считать, что сборники загадок А. И. Худякова и Д. Н. Садовникова представляют общерусский репертуар. В определенном смысле это действительно так, ибо в сборники включены загадки из разных областей страны. Но в какой мере эти загадки являются общераспространенными? Некоторые варианты, конечно, распространены повсеместно, но какие конкретно, сказать трудно.

Наличие или отсутствие пометы о месте записи не может служить критерием общераспространенности или редкости загадок. Представляется сомнительным и критерий количества вариантов загадки. В сборники отбирались только варианты, имеющие существенные различия; варианты с незначительными изменениями не учитывались. Следовательно, загадка могла с незначительными изменениями повторяться во всех собраниях, служивших составителю источникам, и быть действительно общераспространенной, но в сборнике появиться только в одном варианте. С другой стороны, если загадка в одной или нескольких областях распространена в большом количестве вариантов, имеющих существенные отличия, то и в сборник она вошла с большим количеством их. А в других областях эта загадка может быть и совсем неизвестна. Популярность таких загадок, их общераспространенность оказывается мнимой. Так, очевидно, и было с некоторыми загадками из сборника Д. Н. Садовникова. Бросается в глаза, что наибольшее количество вариантов имеют загадки, построенные в виде рассказа, притчи. Такова, например, загадка про глиняный горшок:

Был я на копанце,
Был я на хлопанце,
Был на пожаре,
Был на базаре.
Молод был — людей кормил,

Стар стал — пеленаться стал,
Умер — мои кости негодящие
Бросили в ямку,
И собаки не гложут.[65]

Эта загадка в сборнике имеет 22 варианта. 11 вариантов у загадки: «Взят от земли, яко же Адам, ввержен в пещь огненную, яко три отрока, взят от пещи и возложен в колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи велиим гласом, и на глас его приде некая жена, яко же Мария Магдалина. И купивши его за медницу, принесе домой, но расплакася по своей матери, умре, и доныне его кости лежат не погребены».[66] Вряд ли эти загадки были более распространены, чем загадки про тот же горшок, имевшие значительно меньше вариантов:

Стоит старик в осеку,
Переселся со смеху.[67]

Помер Адам,
Ни богу, ни нам;
Ни душа на небо,
Ни кости в землю.[68]

Причина обилия вариантов приведенных выше загадок не в популярности, не в общераспространенности, а в трудности запоминания и отсюда — в возможности перестановок и замены слов. Кроме того, некоторые загадки могли быть очень популярны в определенных областях, но не общеупотребительны в других, а в сборнике они помещены в большом количестве вариантов без пометы о месте записи. Таковы, видимо, загадки про комара, которых много в сборнике Д. Н. Садовникова.[69] Изучение собраний загадок северных и центральных областей страны, сопоставление загадок в сборнике М. А. Рыбниковой заставляет думать, что больше всего загадок про комара в северных и таежных районах. И обилие загадок про комара у Д. Н. Садовникова — скорее всего не общерусская, а северная особенность.

---

[65] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е № 322.
[66] Там же, № 334.
[67] Там же, № 336.
[68] Там же, № 329.
[69] Всего 19 загадок и 34 варианта к ним.

Зыбкость понятий «общерусское», «общераспространенное» и «местное» в вопросе о загадках приводит к спорам. Так, работы о местных загадках, о репертуарах северных областей,[70] о профессиональных загадках (например, рыбацких[71]) неизбежно вызывают мысль: но ведь эти же загадки встречаются и в других районах? Да, встречаются, но это не мешает им бытовать и в данном районе. Возникают и другие вопросы: можно ли говорить о местных особенностях загадок? Существуют ли вообще местные загадки? Они, конечно, существуют, хотя и не в таких количествах, как считают некоторые. Так, северной можно признать загадку из сборника М. А. Рыбниковой: «В комнатах на лыжах ходе» (Кросна).[72] В загадках о растениях в разделе архангельских загадок того же сборника встречаются загадки о северных цветах и травах: бодреках, пучках,[73] а в загадках Мценского района[74] есть загадки про арбуз, вишню, подсолнух, которые не встречаются в Архангельской области. Если в сборниках или отдельных публикациях мы находим раздел «Архангельские загадки» или «Новгородские загадки», это совсем не значит, что загадки этих разделов нужно считать только архангельскими или только новгородскими, что здесь нет загадок, известных и в других областях; это значит, что мы имеем возможность составить представление о загадках, бытующих в Архангельской или Новгородской областях. Отсутствие помет о месте записи наносит ущерб науке, часто невосполнимый. Важность этих помет понимал, видимо, и Д. Н. Садовников; недаром он указывал место записи загадки, где мог это сделать.

Репертуар загадок и их своеобразие зависят не только от местности, где они бытуют, но и от вкусов и интересов тех людей, которые их загадывают. Так же как у сказочников, сказителей, песенников есть свой излюбленный репертуар, так же как сказочник выбирает те сказки, которые ему больше нравятся, лучше удаются при рассказывании, как песенник имеет свои любимые песни, так

---

[70] Колпакова Н. П. Северная загадка (Из записей фольклориста). — Звезда Севера, 1935, № 6, с. 64—70.

[71] Рыбацкие песни и сказы. Запись текстов, статья, примечания, словарь и указатель. Р. Липец. М., 1950.

[72] Рыбникова М. А. Загадки, с. 122, № 210.

[73] Там же, с. 111, № 49, 57.

[74] Там же, с. 79—80.

и любитель загадок выбирает то, что ему больше по душе, больше подходит к случаю. И этого нельзя не учитывать, хотя, конечно, нельзя рассматривать общенародную загадку как творчество отдельного человека.[75] Репертуар любого исполнителя имеет свои особенности, носит печать его вкусов, взглядов, знаний. Одни любят загадки о природе, другие — о грамоте и книжной мудрости, третьи предпочитают «неприличные» загадки.[76] Репертуар горожан отличается от репертуара крестьян. М. А. Рыбникова, записывая загадки в семье Худиных в городе Мценске, отмечала, что в их репертуаре преобладают «шарады, отвлеченные понятия, вопросы культуры и техники».[77] В собрании загадок М. В. Красноженовой, записанных от учащихся школ, ясно чувствуется специфика среды.[78]

Вопрос о связи взглядов и интересов людей, загадывающих загадки, с их репертуаром имеет и самостоятельное значение. Он связан с проблемой отражения в фольклоре взглядов и устремлений народа. Поэтому было бы чрезвычайно полезно знать, от кого записаны известные нам сейчас загадки. Мы предполагаем, что от крестьян. Но все ли? Можно с уверенностью сказать, что не все. Изучая социальное, идейное звучание той или иной загадки, можно сделать заключение о принадлежности ее городской, мещанской, крестьянской среде (что и сделала М. А. Рыбникова относительно некоторых загадок).[79] Но допустим, что мы путем текстологического и смыслового анализа докажем, что загадка носит характер городской или мещанский. А как к ней относились крестьяне? Загадывали они ее, или в их среде бытовал ее другой вариант? Все это можно предполагать только с той или иной степенью вероятности. И для истории загадок, для истории фольклора вообще отсутствие всех этих сведений — немалая потеря.

Необходимость сведений о людях, загадывавших загадки, для исследования истории и развития загадок, их

---

[75] См.: Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 29.

[76] Рыбникова М. А. Загадки, с. 95.

[77] Там же.

[78] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков, с. 279.

[79] Рыбникова М. А. Загадки, с. 23—37.

вариантов и их бытования можно проиллюстрировать на таком примере. В собраниях разных лет часто встречаются загадки про чай.

Возьмет черно,
Нальет красно;
Пан кричит — сладко,
А мужик кричит — гадко.[80]

Загадка изменялась, так как ее смысл не соответствовал действительному положению вещей:

Возьмет черно,
Нальет красно;
Поп кричит — гадко,
А мужик — сладко.[81]

Возьмешь — черно,
Нальешь — красно;
В старину говорили — гадко,
А теперь всем сладко.[82]

Возможно, что эта загадка была создана в первые годы появления в России чая, а потом постепенно изменялась. Тот ее вариант, где говорится, что «поп кричит — гадко», своим смыслом ведет к старообрядцам. Но сведений о среде, где записана загадка, нет. Только один вариант, тождественный с первым, приведенным выше, имеет эти сведения. А. М. Станиловский записал его в с. Исток на оз. Котокель в семье семейского Никифора Овчинникова.[83]

С проблемой исполнителя связан и вопрос, почему у русских больше, чем у других славян (украинцев, болгар), загадок на темы священной истории (про Адама, Моисея, Христа, крест и т. д.). Эти загадки в большинстве своем связаны с древнерусской рукописной литературой. Можно предположить, что основными их носителями могли быть любители старинной рукописной лите-

---

[80] Загадка с небольшими разночтениями встречается в сборниках: Д. Н. Садовникова (№ 562); М. А. Рыбниковой (№ 799, с. 300); И. А. Худякова (№ 1614); Загадки Слободского уезда Вятской губернии. Календарь Вятской губернии на 1892 г., отд. IV, с. 170, № 86; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков, с. 218, № 525.

[81] Сибирский архив, 1913, № 9—11, с. 421, № 5.

[82] Рыбникова М. А. Загадки, с. 300, № 800.

[83] Станиловский А. М. Записки. — Труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, 1912, № 7, с. 119.

ратуры, пополнявшие свой репертуар из рукописных сборников. Отсутствие сведений о людях, сообщавших загадки собирателям, не позволяет достаточно убедительно аргументировать это предположение, но сопоставление собраний разных областей и сводных сборников загадок делает его вполне возможным. Не случайно загадки на темы священной истории чаще всего встречаются в собраниях северных областей.[84] Видимо, там, на Севере, где дольше, чем в центральных областях, сохранялась рукописная старинная литература и было много ее любителей, загадки из рукописных сборников переходили в устное бытование, были достаточно распространены и записывались собирателями,[85] а потом попадали в сводные сборники как общерусский репертуар. Кроме того, что такие загадки были, по всей видимости, специфичны для северных собраний, они еще кочевали из сборника в сборник без указаний источника, усугубляя кажущуюся их многочисленность[86] и создавая впечатление обилия загадок на темы священной истории в русском фольклоре вообще.

Отсутствие сведений о знатоках и любителях загадок осложняет и вопрос об установлении подлинности текстов. Определить репертуар любителей старинной рукописной литературы, черпавших оттуда и загадки, нет возможности. Кроме того, загадки вообще легко усваиваются из книги, рукописи, и если там встречается загадка, близкая по своим художественным принципам к народной, то она легко переходит в устное бытование и в дальнейшем записывается в разных концах страны наравне с народными устными загадками. Все это настолько усложняет изучение загадок, что даже очень тщательно выполненные текстологические работы содержат иногда опрометчивые выводы и заключения при определении подлинности загадки.

---

[84] См. собрания Вологодской (Живая старина, 1903, вып. IV, с. 482—487) и Ярославской областей (там же, 1901, вып. 1, с. 114—116) и др.

[85] Так, среди записей, сделанных М. Б. Едемским от молодежи в Кокшенге Тотемского уезда Вологодской губернии, оказалось некоторое количество подобных загадок (Живая старина, 1906, вып. I, отд. II, с. 62—68).

[86] Как уже было отмечено, И. А. Худяков включил в свой сборник материалы В. И. Даля, а Д. Н. Садовников — большинство загадок из сборника И. А. Худякова.

Критика текста без учета исторических особенностей пополнения репертуара недостаточна, но это почти никогда не учитывалось. И кто знает, сколько загадок было исключено из собраний при подготовке их к печати по причине книжного характера. Примером этого может служить уведомление редакторов «Сборника загадок для детей»: «Редакция помещает этот сборник целиком, но долгом считает заметить, что некоторые загадки... дурно, не народною речью переделаны, а сочинены, как видно, для детей и, по правде сказать, довольно неумело и жеманно. Так после Пушкина для детей или для народа уже писать грешно и смешно».[87] Среди загадок, отмеченных редакторами как сочиненные, есть следующие.

№ 268. Ползу червяком, питаюсь цветком, потом засыпаю, себя зарываю, не ем, не гляжу, неподвижно лежу. Но вдруг оживаю я с новой весной, свой гробик стряхаю над травой молодой, лечу, веселюся, как птичка взовьюся, прекрасней в сто раз, чем прежде была я, и радую вас, по цветочкам порхая. — Бабочка.

№ 295. Я как песчинка мал, а землю покрываю; я с воздуха летаю; как пух, лежу я на полях, как алмаз, блещу при солнечных лучах. — Снег.

№ 301. Чист и ясен, как алмаз, дорог не бывает; он от матери рожден и сам ее рождает. — Лед.

Огорчение редакторов можно понять, но они все же хорошо сделали, что не исключили такие загадки из сборника: загадки в определенной среде, видимо, бытовали. Они действительно сочинены, но не после, а до Пушкина, в XVIII веке. Подобные загадки встречаются в сборнике конца XVIII — начала XIX века. Бытовали они и в устной традиции, хотя не очень широко и в определенной среде. Варианты их записаны и во второй половине XIX, и в XX веке. Загадка про снег записана М. А. Рыбниковой в Орле,[88] загадка про лед — в Ярославской,[89] Вят-

---

[87] Сборник загадок для детей. Сост. ученики Утинского двухклассного училища под руководством учителя К. Славина. — Живая старина, 1898, вып. III—IV, с. 425.

[88] Рыбникова М. А. Загадки, № 185, с. 245.

[89] Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом, вып. II. СПб., 1854, с. 75—79; Рыбникова М. А. Загадки, № 128, с. 241.

ской.[90] Казанской[91] губерниях. Возможно, что сходные загадки, особенно краткие, такие как загадка про лед, более широко бытовали и в устной традиции, но исключались из собраний по причине их книжного характера.

Закономерно поставить вопрос, правильно ли поступали собиратели и публикаторы, отвергая подобные загадки. Конечно, необходимо располагать подлинными народными текстами. Но если загадка из рукописи или из книги, явно сочиненная, совершенно очевидно связанная с литературной традицией, попадает в устное бытование и живет там столетие, сильно видоизменяясь или почти не изменяясь, то неужели собиратели и публикаторы педантично должны ее все время исключать из собраний? Думается, что этого делать не следовало. В популярные антологические издания такие загадки можно и не включать, но в научных изданиях, а тем более в рукописях собирателей они должны найти свое место. И это касается не только загадок, пришедших в фольклор из литературы в прошедшие века, но и тех, которые переходят в устное бытование из литературы в наше время. Репертуар загадок пополняется не только за счет устной традиции — немало дает загадкам (как, видимо, и другим фольклорным жанрам) литература, и от этого не следует отмахиваться.

Таково состояние текстологических и издательских вопросов, связанных с русскими народными загадками.

* * *

Вопрос о генезисе загадок и их роли в общественной и культурной жизни народа часто привлекал внимание ученых. Происхождение загадок все исследователи относили к глубокой древности. И это единственное разделяемое всеми утверждение в проблеме генезиса загадок и тесно связанных с нею вопросах их общественной функции.

Представители мифологической школы считали, что происхождение загадок связано с эпохой образования мифов, а их историческое развитие есть постепенное разру-

---

[90] Календарь Вятской губернии на 1892 г., отд. IV, № 814.

[91] Худяков И. А. Великорусские загадки. — В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. VI. СПб., 1864, № 719б.

шение, выветривание смысла. Ф. И. Буслаев, например, относил появление загадок к «древнейшему периоду первых проблесков человеческого ума».[92] Он писал, что загадки — это «остатки древнейшего эпического приема. Многие из них весьма древни и отзываются периодом мифическим».[93] К таким древнейшим загадкам Ф. И. Буслаев относил загадки, олицетворяющие светила. Пословица и загадка, по его мнению, составляют «дидактическую часть народного эпоса». Следовательно, как и вся эпическая поэзия, загадка, «первоначально имея в виду не забаву, а поучение, принимала на себя обязанность в период мифический передавать из рода в род познания о всем, что считалось тогда великим и существенным».[94] Возникнув в период седой древности, загадка, по мнению Ф. И. Буслаева, отразила жажду знания, интерес к «вопросам важнейших явлений жизни и мира».[95] Загадка в первоначальном своем виде была «не что иное, как смелый вопрос пробужденного ума о таинственных силах и явлениях природы. Но боязливая фантазия язычника, испугавшись смелости вопроса, тотчас же умела примириться с загадкою, предоставив ее своим богам и существам сверхъестественным как орудие к обузданию гордости человеческого разума, что явно видим из некоторых песен не только скандинавских, но и сербских и русских, где людям загадывают загадки вещие вилы и русалки».[96] Впоследствии загадки, по мнению Ф. И. Буслаева, «выдумывались простым народом в забаву на праздное время».[97]

Еще определеннее высказывался А. Н. Афанасьев: «Народные загадки сохранили для нас обломки старинного метафорического языка... В то время когда корни слов затемняются для народного сознания, богатый метафорический язык древнейшей эпохи, сроднивший между собой разнообразные предметы и явления, делается для большинства малодоступным, загадочным, хотя и надолго удерживается в народе силою привычки и сочув-

---

[92] Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, с. 129.

[93] Там же, с. 34.

[94] Там же, с. 128—129.

[95] Там же, с. 129.

[96] Там же, с. 128—129.

[97] Там же, с. 34.

ствием к старинному выражению».[98] И так возникшие на заре человеческой истории прекрасные метафорические выражения становятся непонятными, забываются, сохраняются только в качестве пережитка. О. Ф. Миллер уточняет эту мысль: «В древнейшую пору, по своей простоте и несложности, одни и те же верования в равной мере принадлежали всем в народе. Только с размножением и усложнением мифов, а равно и с тем затемнением их для общенародного понимания... первоначально ясное всем могло становиться загадочным, — а с тем вместе и появилась загадка».[99] Она становится достоянием жрецов, хранителей тайн прошлого и религии. Правда, О. Ф. Миллер признает, что неясно, как же совершился переход загадок от исключительного пользования узким кругом избранных к теперешнему обыденному и общедоступному состоянию. «Надобно полагать, что это было следствием постепенного упрощения загадок, упрощения, мало-помалу переходящего в решительное опошление».[100] Следовательно, заключающие в себе древнейшие мифологические представления загадки, когда-то понятные всем, постепенно стали достоянием избранных, а затем по непонятным причинам стали опять достоянием широкого круга людей, но измельчали и «опошлились», стали служить средством забавы, средством скоротать время. Старинные загадки затерялись среди новейших.

Увлечения ученых мифологической школы были очевидными, и против них возражали многие исследователи. Но древности происхождения загадок не оспаривал никто. Да и утверждение о связи происхождения загадок с верованиями, религиозными тайнами разделялось многими исследователями. Д. Н. Садовников, не во всем принимавший взгляды ученых мифологической школы, считал, что «происхождение загадки относится к темной древности, к тому времени, когда человек глядел на природу как на что-то живое, когда явления ее были для него подавляю-

---

[98] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов, т. I. М., 1865, с. 22—24.

[99] Миллер О. Ф. Опыт исторического обозрения русской словесности с хрестоматиею, расположенною по эпохам. Ч. I, вып. 1. Изд. 2-е. СПб., 1865, с. 61.

[100] Там же, с. 62.

щей, страшной тайной. Олицетворяя их, дикарь первобытных времен слагал свой образный миф, и многие из загадок носят на себе несомненный отпечаток этой мифологической древности».[101] А. Н. Пыпин писал: «Если теперь, с упадком старинных понятий, загадка низошла на степень обыкновенной забавы от нечего делать, то древнейшее значение ее соединилось с основными народными верованиями, поэтому загадывание и разрешение загадок приписывалось большею частью личностям мифологическим».[102] Ю. М. Соколов высказывал следующее суждение: «Загадка в древности служила культу, являясь раскрытием религиозной тайны или одной из форм передачи религиозных представлений — мифов. Это можно видеть хотя бы в легендах о сфинксе, в сообщениях о роли загадок в практике оракулов».[103]

Отвергнув заблуждения и преувеличения ученых мифологической школы, наука разрабатывала поставленные ими вопросы о связи загадок с верованиями и обрядами. Накапливая материал о вхождении загадок в свадебный обряд,[104] о связи их с различными земледельческими обрядами, например зимнего календарного цикла,[105] собирая рассказы и былички о состязании человека с мифическими существами с помощью загадок и о решении спорных вопросов путем загадывания и отгадывания загадок,[106] исследователи сделали выводы о магической роли загадок в определенных обрядовых ситуациях, о необходимости владения ими для людей, имеющих отношение

---

[101] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, с. I—II.

[102] Пыпин А. Н. Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 137.

[103] Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938, с. 217.

[104] Дерунов С. Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде. — Тр. Яросл. стат. ком., вып. V, с. 122—124; Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. II. СПб., 1900, с. 655; Дикарев. О царских загадках. — Этнографическое обозрение, 1896, № 4, с. 15; Мореева А. К. Традиционные формулы в приговорах дружек. — В кн.: Художественный фольклор, т. II—III. М., 1927, с. 121.

[105] Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963, с. 69—70.

[106] Бесараба И. В. Материалы для этнографии Херсонской губернии. — Сб. Отд. рус. яз. и словесности Академии наук, 1916, т. XCIV, № 4.

к обряду. Категорическая и безоговорочная связь загадок с религиозными представлениями была отвергнута, а выведение загадок, их происхождения только из сферы религиозной не удовлетворяло. Творческая мысль фольклористов искала новые данные, которые могли пролить свет на происхождение загадок.

Загадки очень тесно связаны с бытом. Это было ясно собирателям и составителям сборников, отразилось на классификации материала, отмечалось исследователями. Уже Д. Н. Садовниковым была сделана попытка связать происхождение загадок и изменение их общественной функции с жизнью и бытом.[107] А. В. Марков писал о связи агадок с «фоном, па котором они бытуют».[108] М. Н. Сперанский указывал на связь загадок с бытом.[109] Все очевиднее становилось, что ввиду тесной связи загадок материальной культурой, жизнью человека вопросы енезиса жанра необходимо ставить в зависимость т этих фактов. Ясным становилось и то, что на матеиале фольклора и этнографии только одного народа тот вопрос разрешить не удастся. Труды историков материальной культуры, подтвердив мнение о древности происхождения загадок и зависимости его от трудовой деятельности людей, позволили сделать еще один шаг в изучении генезиса загадок, связать этот вопрос с бытовыми и производственными запретами на произнесение отдельных слов в определенных ситуациях, с тайной речью. Загадки (метафорические и аллегорические, — *В. М.*) как особый жанр народного поэтического творчества возникли в глубокой древности, они были порождены условиями жизни первобытного общества. Основой их явилась общественно полезная трудовая деятельность людей, в процессе которой человек накапливал опыт и познавал мир».[110] Рассматривая развитие общественной функции загадок, В. И. Чичеров отмечал, что загадка тренировала сообразительность, умение сравнивать и сопоставлять, а потому вошла в обряд испытания зрелости ума человека.

---

[107] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, с. I—II.

[108] Марков А. В. О методе изучения загадок. — Этнографическое обозрение, 1909, № 4, с. 88.

[109] Сперанский М. Н. Русская устная словесность, с. 456—457.

[110] Чичеров В. И. Русское народное поэтическое творчество, с. 322.

С развитием верований загадка была включена в религиозный обряд и религиозную литературу. Иносказательность загадки сближает ее с тайной речью, зашифрованным языком.[111]

На сходство подставных слов в тайной речи с народными загадками обратил внимание еще Д. К. Зеленин.[112] И. М. Колесницкая, рассматривая загадки в сказке, сближает «загадочную», иносказательную речь сказок с загадками, видит в ней ступень, предшествующую формированию жанра загадки.[113] Она считает, что в древности, на том этапе, который зафиксирован сказкой и свадебной иносказательной речью, загадка еще не оформилась как жанр. Положение это справедливо было оспорено В. П. Аникиным,[114] который считает, что иносказательная, тайная речь и загадка существовали параллельно, причем загадка осуществляла подготовку человека к пользованию иносказательной речью. Опираясь на работы этнографов и историков, сообщения собирателей и путешественников, он обнаружил совпадение названий некоторых вещей и животных в загадках и в тайной речи, совпадение тематических кругов загадок и тематических кругов запретов на прямое название предметов или явлений.[115] Он показал, что есть все основания «связывать происхождение загадок с так называемой условной речью, речью околичностями во время особых положений».[116] Условная, тайная речь рыбаков, охотников и скотоводов, всевозможные иносказания не были, по мнению В. П. Аникина, предшествующим загадкам этапом, как думает И. М. Колесницкая, а существовали параллельно с загадками. Последние несли основной запас подставных

---

[111] Чичеров В. И. Русское народное поэтическое творчество, с. 323.

[112] Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IX, 1930, с. 143.

[113] Колесницкая И. М. 1) Загадка в сказке, с. 98—142; 2) Загадки. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, с. 213.

[114] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 26—27.

[115] Там же, с. 20—24.

[116] Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М., 1957, с. 56.

слов тайной речи. Их происхождение, таким образом, обусловлено существованием иносказательного способа выражения мысли, широким бытованием иносказаний в деловой и главным образом в бытовой и трудовой речи прошлого. Основной функцией загадки в связи с этим было тренировать молодежь в усвоении иносказательной речи. Когда обычай прибегать к тайной речи был оставлен, отпала и эта функция загадки. Загадка «приобрела новую общественную функцию, став явлением народного искусства слова».[117]

Таким образом, рассмотрению вопроса происхождения загадок и их общественной функции уделялось немало внимания. В его историографии имена крупнейших исследователей. Сделано немало интересных наблюдений и выводов. Установлена тесная связь загадок с обрядами, с магическими действиями, направленными на обеспечение урожая и успеха в скотоводстве и земледелии, с тайной речью в определенных условиях. Видимо, загадки создавались для обучения и закрепления навыков иносказания, для использования в обрядах. И тем не менее вопрос генезиса загадок нельзя считать решенным. Неясности и недоумения усугубляются тем, что рассмотрение общественной функции загадок, всегда тесно связанное с изучением их генезиса, у каждого исследователя сопровождается недоуменным вопросом: почему загадка, утратив ту или иную функцию, тут же приобретает новую, ничего не потеряв в результате таких серьезных катастроф? Еще О. Ф. Миллер, рассматривая древнейшую функцию загадок, говорил, что трудно сказать, как совершился переход загадок от узкого круга избранных к общему распространению.[118] Есть подобное же недоумение и в суждениях В. П. Аникина: «Естественно, что когда народ оставил обычай прибегать к тайной речи, то ненужной оказалась и загадка-вопрос. Но загадка не исчезла».[119] Почему же? Это не объясняется. Если загадка оказалась не нужна, что спасло ее от исчезновения? Почему она приобрела новую общественную функцию, став явлением искусства?

---

[117] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 28.

[118] Миллер О. Ф. Опыт исторического обозрения..., с. 62.

[119] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 28.

Почему загадка с такой легкостью меняет свое общественное назначение? Вопрос остается открытым. Дело, видимо, в том, что исследователи, увлекаясь ролью загадок в высоких общественных и религиозных сферах, не обращали внимания (или считали ее второстепенной) на более простую, но и более постоянную общественную функцию загадок, которая и сохраняла их ценность для народа, несмотря на утрату других назначений. Почти все фольклористы отмечали, что загадка учила в одни эпохи навыкам тайной речи, в другие — магическим заклинаниям враждебных человеку существ и т. д. Утратив одно значение, загадка приобретала другое, но никогда не теряла своей общественной функции, своего назначения — *учить*. Изменялись цели и задачи обучения, общественная же функция загадки — служить воспитанию в человеке тех или иных качеств — сохранилась до наших дней. Чтобы убедиться в правильности этого предположения, достаточно хотя бы бегло обозреть бытование и роль загадок в культурной жизни народа в разные эпохи.

Вопрос о бытовании загадок, среде их распространения в наше время может быть прояснен на основании сообщений собирателей. Наиболее обстоятельное описание бытования старинных и новых загадок дано К. Копичевым: «В годы своего юношества мне приходилось наблюдать в вологодской деревне, как после тяжелых дневных работ в пожнях Кубеноозерья, в августовские вечера, собирались старики и молодежь вокруг широко разведенного костра и устраивалось своеобразное соревнование по загадыванию и отгадыванию загадок».[120] Свидетельство это относится к 20-м годам нашего века, но его можно распространить и на следующее десятилетие. Н. П. Колпакова в 1934 году писала: «Загадки загадываются на посиделках, на отдыхе лесорубов в лесных избушках, у костра на сплаве, на улице во время игры ребятишек».[121] Но бытование загадок в среде взрослых — явление сегодня не столь распространенное. Более типичным, часто отмечаемым собирателями является бытование их в среде детей всех возрастов. Почти все записи загадок в наше время

---

[120] Частушки, пословицы, загадки. Сб. сост. К. Копичевым, Архангельск, 1954, с. 30.

[121] Колпакова Н. П. Северная загадка, с. 64—65.

сделаны со слов детей и пожилых женщин. Многие склонны видеть в этом упадок жанра, утрату им серьезного общественного значения, ограничение его функции развлечением взрослых и детей. Еще Ф. И. Буслаев писал, что загадки уже в XIX веке «выдумывались простым народом в забаву на праздное время».[122] Подобную же мысль высказывал и Д. Н. Садовников: «Народ стал смотреть на загадку как на праздное упражнение ума и предоставил ее почти исключительно детям».[123] Но это не совсем так. Бытование загадок в среде детей не может служить доказательством упадка жанра, его общественного значения, его функции.

В глубокой древности загадки у славян имели обрядовое значение, а также были связаны с тайной, иносказательной речью. Первые документальные сведения о бытовании загадок в России свидетельствуют о том, что в XVII веке загадки загадывались в дни рождества и Нового года (Васильев вечер), что они бытовали наряду с колядками и различными обрядовыми песнями,[124] в которых крестьянин-земледелец призывал благополучие и достаток в свой дом и урожай на поля. Такое обрядовое значение загадки имели и в глубокой древности. Об этом говорят предания, легенды, сказки и песни, которые являются единственным источником наших знаний о бытовании загадок в древние времена. Сведения эти подкрепляются наблюдениями над бытованием загадок у народов, находящихся на ранних ступенях развития. Можно предположить с большой долей уверенности, что загадки входили в зимний календарно-обрядовый цикл. Отгадывая загадки о явлениях природы, животных и растениях, человек стремился воздействовать на силы природы, покорить их себе. Не случайно поэтому в песнях и преданиях русалки, лешие и другие враждебные человеку существа, олицетворяющие силы природы, отпускают плененных людей, покоряются им или даже погибают, если человек отгадает предложенные ему загадки. Такое обрядовое, магическое назначение загадок целиком связано с трудовой деятельностью крестьянина-земледельца, с его жизнен-

---

[122] Буслаев Ф. И. Исторические очерки.., т. I, с. 34.

[123] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, с. II.

[124] Грамота Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского. — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею, т. IV, СПб., 1842, с. 124—125.

ными успехами. Знать загадки, уметь их отгадывать было необходимо. Загадки усваивались как необходимый комплекс жизненной мудрости.

Как уже отмечалось, загадки на древнейших этапах их развития были связаны кроме обряда с тайной речью, с запретами на прямое называние животных, рыб, растений и различных предметов в определенных условиях.[125] Не подменяя тайной речи, загадки помогали усвоить основные слова-замены, прививали навыки иносказательной речи, помогали научиться владеть ею. А умение понимать иносказание было необходимо и простым труженикам, и вождям, и государственным деятелям не только в период племенных объединений, но и на заре государственности. Загадочными речами обменивался Ярослав со своими лазутчиками во вражеском стане, а неумение понять иносказательную, загадочную речь княгини Ольги стоило древлянским послам жизни.[126]

Но если загадки входили в обряд непосредственно, должны были быть загаданы и отгаданы, чтобы оказать магическое действие, то в тайную речь, в иносказание загадка непосредственно не входила, ее роль была как бы подсобной. Загадка прививала навыки тайной речи, знакомила с образами и подставными словами, развивала сообразительность, умение владеть иносказанием. И здесь проявлялась та сторона бытования, та общественная функция загадок, на которой исследователи обычно не заостряли внимания: их воспитательная, так сказать, педагогическая функция. Загадка помогала овладеть образами и приемами иносказательной речи. С помощью загадок молодежь обучалась определенным, считавшимся необходимыми, навыкам. У некоторых народов устраивались «вечера загадок», где старшие загадывали молодежи загадки в определенном порядке, что облегчало их отгадывание и запоминание.[127] В конце обучения подразумевался экзамен. Загадки входили в обряд инициации: загадывая их, проверяли, достиг ли человек нужной зрелости ума, доста-

---

[125] Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 56—70.

[126] Русское народное поэтическое творчество, т. I, с. 164—166, 215.

[127] См. об этом: Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 56—70.

точно ли он догадлив и мудр.[128] Как своеобразный экзамен можно рассматривать и состязание в отгадывании загадок претендентами на престол, описанное во многих сказках.[129] Отгадывать загадки должен был и тот, кто хотел войти в чужой род, жениться.[130] Конечно, и в воспитании, и в экзамене загадки играли только подсобную роль, но участие их в этом очевидно. С течением времени, несмотря на изменение самих загадок и окружающей жизни, общественное назначение их — служить целям воспитания — сохранялось. Изменялись цели и задачи воспитания, изменялся удельный вес загадок в процессе воспитания, но функция была все той же. Это обеспечивало загадкам существование, развитие, уважение народа и тогда, когда загадки были неотъемлемой частью обряда, а умение говорить обиняками — признаком мудрости, и тогда, когда обряд утратил свое значение, а требования к государственным деятелям и мудрецам стали иными. Всегда нужно было воспитывать сообразительность, умение сопоставлять, поэтически мыслить, а именно этому учила загадка.

Отсутствие внимания к этой педагогической стороне общественного значения загадок и привело к тому, что в науке утвердилось мнение об упадке жанра, его сугубо развлекательном характере в среде детей. На самом же деле бытование загадки в детской аудитории не является признаком упадка и вырождения жанра. С загадками произошло совсем не то, что, например, с обрядовыми песнями, которые, утратив значение для взрослых, становятся развлечением для детей. Дети усваивают загадки от взрослых, преимущественно от пожилых женщин, которые чаще всего и являются первыми воспитательницами детей, а потом передают их друг другу, сочиняют, импровизируют. Загадки помогают детям развивать наблюдательность, учат сопоставлять, знакомят с яркими, красочными образами народной поэзии. Загадки охотно включаются в сборники занимательных вопросов, материалов для викторин и вечеров отдыха.

Любой жанр фольклора, в том числе и загадки, существует до тех пор, пока в обществе есть в нем необходи-

---

[128] См.: Чичеров В. И. Русское народное творчество. с. 322.
[129] Колесницкая И. М. Загадка в сказке, с. 99—113.
[130] Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 66.

мость. Загадка во все времена сохраняла свое исконное назначение: служить целям воспитания, обучения, хотя эти цели и менялись. В наше время, сохранив присущую им издревле воспитательную функцию, загадки бытуют в среде детей и школьников-подростков, а также людей, связанных с их воспитанием. Именно эта общественная функция помогает сохраниться старым традиционным загадкам, спасает их от забвения, а также открывает возможность создания новых загадок о новых предметах. В процесс создания и распространения загадок широко вовлекается книга, рукопись, поддерживая и расширяя таким образом устную традицию, внося новые детали в обычное понимание бытования фольклорного произведения.

Глава вторая

Действительность, отраженная в загадках

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРА ЗАГАДКИ

Определения загадок мы находим преимущественно в учебниках, хрестоматиях, справочниках, и они представляют интерес, так как даются обычно крупными специалистами. В учебнике Ю. М. Соколова сказано: «Загадка может быть определена как замысловатый вопрос, выражаемый обычно в форме метафоры». Далее следует разъяснение, что «метафоричность загадки не является совершенно обязательной».[1] Так же Ю. М. Соколов определял загадку и в статьях, написанных для первых изданий «Литературной энциклопедии» и «Большой советской энциклопедии».[2] Впоследствии исследователи отошли от этого положения, и только Э. В. Померанцева вернулась к нему: «Загадка представляет собою замысловатый вопрос, который чаще всего предлагается в форме метафоры».[3]

В. И. Чичеров так писал о загадке: «Загадка — иносказательное описание какого-либо предмета, данное обычно в форме вопроса».[4]

---

[1] Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938, с. 217.

[2] Литературная энциклопедия, т. 4. 1930, с. 263—264; БСЭ, т. 25. 1932, с. 757.

[3] Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Составили Э. В. Померанцева и С. И. Минц. М., 1963, с. 173. Так же определена загадка и в «Малой советской энциклопедии» (изд. 3-е, т. 3, 1959): «Загадка — замысловатый вопрос или иносказание, требующее ответа, выраженное в краткой и занимательной, иногда стихотворной форме» (без указания автора).

[4] Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 322.

Близко ему и утверждение П. Г. Богатырева: «Загадка представляет собой иносказательное изображение предмета или явления, которое предлагается отгадать».[5] В отличие от формулировки Ю. М. Соколова и Э. В. Померанцевой В. И. Чичеров и П. Г. Богатырев говорят не просто о вопросе, а об описании, изображении в вопросительной форме. Таковы же и высказывания авторов заметок в энциклопедиях 1952—1972 годов. «Загадка — краткое иносказательное описание какого-либо предмета или явления, данное обычно в форме вопроса»[6] (без указания автора). «Загадка — жанр народнопоэтического творчества у всех народов, иносказательное замысловатое поэтическое описание какого-либо предмета или явления, испытывающее сообразительность отгадывающего» (В. П. Аникин).[7] «Загадка — жанр народнопоэтического творчества у всех народов мира, поэтическое, часто иносказательное описание какого-либо предмета или явления»[8] (без указания автора).

И. М. Колесницкая, которой принадлежит раздел о загадках в учебнике П. Г. Богатырева и нескольких других учебных пособиях, пишет: «Загадка как художественное произведение устного народного творчества представляет собой иносказательное изображение какого-либо предмета или явления на основании черт сходства между скрытым предметом и тем, который его заменяет в загадке».[9] Отметив далее, что это касается загадок метафорических, она указывает, какие виды и формы загадок еще встречаются.

Более пространное, состоящее из двух частей определение принадлежит В. П. Аникину: 1) формальное — «мудреный вопрос, поданный в форме замысловатого, краткого, как правило, ритмически организованного описания какого-либо предмета или явления»; 2) опирающееся на функцию загадки — «поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно

---

[5] Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для филологических факультетов педагогических институтов. Под ред. Н. И. Кравцова. М., 1971, с. 91.

[6] БСЭ. Изд. 2-е. Т. 16. 1952, с. 291.

[7] Краткая литературная энциклопедия, т. 2. 1964, с. 970.

[8] БСЭ. Изд. 3-е. Т. 9. 1972, с. 270.

[9] Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, с. 207.

как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность».[10]

Подобным же образом, но избегая слова «описание», говорит о загадках А. Квятковский: «Загадка — замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде. Загадка является своеобразной формой остранения и строится обычно на принципе замедленной метафоры (вернее, симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма... Часть народных загадок построена в форме „каверзных вопросов"».[11]

Итак, загадка — иносказательный, замысловатый поэтический вопрос, требующий ответа; иносказательное, замысловатое поэтическое описание предмета; или и вопрос, и описание. Но при любой формулировке еще требуется разъяснение, дополнение.

Видимо, для того чтобы обосновать или отвергнуть ту или иную формулировку, необходимо рассмотреть загадку как жанр, очертить ту сферу действительности, с которой она связана, те законы, которым подчинено ее художественное строение. Наше определение и будет дано после рассмотрения этих вопросов (см. с. 133).

ТЕМАТИКА ЗАГАДОК

Специфика жанра в фольклоре создается как особенностями художественного изображения действительности, так и тем, какие явления становятся объектом этого изображения. Всякий жанр народного творчества отражает свой круг исторической деятельности людей, имеет свои темы, сюжеты и ситуации, изображает их согласно своим, только ему присущим законам. Это отличает его от других жанров, создает его своеобразие. Так, былина описывает героические события далекого прошлого, развертывает перед слушателем картины пиров, боев, столкновения сильных духом и телом людей, заботящихся не о себе, а о всей земле, о государстве, на-

---

[10] Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. М., 1957, с. 54—56.

[11] Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966, с. 110—111.

роде. Лирическая песня рассказывает о печали и радости простого, ничем не примечательного человека. Она строится по своим законам, но и тематика ее отличается от былинной. Смешения здесь, как и в художественных средствах, быть не может. Какую же сферу отражает загадка?

Загадки не углубляются в сложные исторические и психологические сюжеты, не разрабатывают больших тем. Они пристально рассматривают отдельные предметы и явления, окружающие человека, сопровождающие его в повседневной жизни. Мир загадки ограничен видимыми и осязаемыми предметами и явлениями. Загадка — единственный жанр фольклора, произведения которого посвящены незначительным, но постоянно присутствующим в жизни человека предметам и явлениям. Ни для какого жанра, кроме загадки, не представляет интереса простой сучок в бревне или доске, заслонка русской печки, оконное стекло, ледяная сосулька, ковш, иголка, ножницы и т. п. А загадка не только занимается всеми этими предметами, но умеет найти в них поэзию, включить этот будничный мир мелочей в такую яркую систему образов, что уже одним этим воспитывает в человеке стремление более пристально посмотреть на окружающий его мир, увидеть красоту в самых простых вещах.

Так же как окружающих человека вещей, загадок много. Учесть их все затруднительно, тем более подсчитать количество их вариантов и определить все незначительные изменения в них. В сводном сборнике «Загадки»[12] 5587 номеров. Если добавить к ним исключенные по этическим соображениям, это число возрастет до 6000. Почти к каждой загадке в комментарии приведен перечень вариантов. Можно считать, что всего зафиксировано и учтено в сборнике около сорока тысяч загадок, включая варианты. Не все источники могли быть учтены в сборнике; следовательно, уже к моменту выхода в свет указанного издания было записано больше загадок. Кроме того, каждый год приносит новые записи и среди них встречаются известные варианты известных загадок, новые варианты известных загадок, а также совсем новые, неизвестные загадки, созданные

---

[12] Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968 (Памятники русского фольклора).

недавно или обойденные собирателями. Так, в 1970 году Е. И. Чернова, жительница села Болдино Горьковской области, сообщила автору данной работы загадку про часы, не встреченную ранее в собраниях, хотя и не являющуюся новообразованием:

Что висело — на пол село,
Что болталось, то осталось. — Гири и маятник.

Загадка живет, в ее бытовании происходят утраты и приобретения, поэтому при всей тщательности подсчета и анализа архивов и собраний указать точное количество русских народных загадок невозможно.

Все многообразие русских народных загадок легко группируется по темам. Тематические отделы, их наименование, распределение в них загадок зависят от состава публикуемого собрания, количества загадок в нем, а также, в некоторых деталях, от субъективного понимания составителя. Исходя из опыта многих собирателей, для удобства обзора материала можно предложить следующую классификацию:

1. Загадки о явлениях природы, небе, земле, воде.
2. Загадки о растениях:
   а) встречающихся в лесу и на лугах,
   б) в саду и огороде.
3. Загадки о рыбах, земноводных, пресмыкающихся.
4. Загадки о насекомых.
5. Загадки о птицах.
6. Загадки о животных.
7. Загадки о человеке:
   а) о внешнем виде человека, частях его тела,
   б) о родственных отношениях, семье,
   в) об одежде и украшениях,
   г) о пище и питье,
   д) о средствах передвижения.
8. Загадки о трудовой деятельности человека:
   а) о посеве и обработке хлеба, пашне, покосе,
   б) о занятиях и ремеслах.
9. Загадки о жилище:
   а) о деревне, дворе, дворовом хозяйстве,
   б) о крестьянской избе,
   в) об отоплении и освещении,
   г) об убранстве дома,
   д) о посуде и утвари.

10. Загадки о музыкальных инструментах.
11. Загадки о грамоте, письме, книге, почте, буквах алфавита.
12. Загадки о времени, смене дня и ночи, годе и т. д.
13. Загадки о предметах, связанных с религией.
14. Шутки, шарады.
15. Задачи.[13]

Загадки о явлениях природы, небе, земле и воде охватывают круг явлений, доступных наблюдению любого человека, его зрению, осязанию и обонянию. Особенно многочисленны и разнообразны загадки про месяц, звезды и солнце на небе. Загадок про небо вне связи с солнцем, месяцем, звездами только две:

Синенька шубенка весь мир покрыла (8).[14]
Сито бито, золотом обито (9).

В этих загадках, как и в загадках про солнце и месяц, отразились впечатления простого наблюдателя, оценивающего и описывающего мир таким, каким он его видит. Землю как планету невозможно наблюдать простым глазом с земли, поэтому загадок о ней нет. Движения земли простой наблюдатель не замечает. Он видит, что по небу перемещаются солнце, звезды и месяц. И представление о неподвижности земли и движении светил находим в загадках про небо и землю, солнце и месяц, день и ночь:

Два стоят, два ходят и два минуются (4).

Необходимо отметить, что, отразив такое, распространенное в прошлом мнение о соотношении земли, неба и небесных светил, загадки остались чуждыми библейским легендам о строении вселенной, рассказам, что земля держится на трех китах, и т. п., хотя они, конечно, были

---

[13] Распределяя загадки в соответствующие отделы, мы руководствуемся общепринятыми бытовыми представлениями о принадлежности предмета к тому или иному разряду, а не классификацией специальных наук. Особенно это касается загадок о насекомых.

[14] Здесь и далее в скобках указывается номер загадки по кн.: Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова.

известны в народе, и некоторые другие библейские сюжеты в загадках отразились.

Звезды в загадках не отдельные созвездия или крупные звезды, а звезды вообще. Загадки эти многочисленны и разнообразны (10—126). В них небо — нечто твердое голубого или черного цвета (бархат, шатер, поле, шубейка, шапка, ковер, решето и т. п.). Звезды уподобляются каким-либо мелким предметам, рассыпавшимся по бархату, по всему миру. Их никому не собрать. Это горох, зерно, просо, огурцы, пирожки, репа, овцы, скот, золото, бисер, гвозди. Чаще всего встречаются загадки, где звезды — горох. Месяц в загадках — пастух (если звезды — овцы или скот), каравай или хлеба краюшка (если звезды — пирожки). В загадках только про месяц встречаются и другие уподобления: месяц — бык, конь, сивка, котел, корытце, чурка, тарелка, камень. Этих уподоблений в загадках про звезды и месяц не находим.

Кроме метафорических загадок о звездах и месяце бытуют односложные вопросы:[15]

Что чаще лесу? (46).

Что без учету (48).

Чего в решето не собрать? (50).

Что у нас выше леса стоячего,
выше облака ходячего,
краше мелких звезд? (124).

Небо представлялось людям таким же хозяйством, как и земное крестьянское.[16] Хозяин, старший там — солнце:

---

[15] О правомерности отнесения таких вопросов к загадкам см. раздел «Жанровые группы, близкие загадкам».

[16] А. Н. Афанасьев видел в уподоблении небесных светил быку, корове и т. п. отражение пастушечьего периода жизни народа, а загадки с подобными уподоблениями считал весьма древними (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов, т. I. М., 1865, с. 652). Вряд ли, однако, следует считать это доказательством древнейшего происхождения таких загадок. В. П. Аникин писал по этому поводу: «Загадка по традиции восходит к весьма древним временам, когда светила воспринимались как живые существа, но образы, взятые для сравнения: солнце — хозяин, месяц — пастух, говорят о поздних

Золот хозяин — на поле,
Серебрян пастух — с поля (129).

Младший уходит, а старший приходит (130).

Солнце и месяц никогда не видны на небе вместе:

Друг друга догоняют и один от другого прячутся (132).

Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется (133).

Загадок про солнце так же много, как и про месяц, но образы в них значительнее и в то же время ласковее и поэтичнее. Солнце — красная девушка, вертушечка, золотая коклюшечка, золотое яблочко, дуб-стародуб с птицей-вертеницей.[17] Отмечают загадки и невозможность смотреть на солнце, его тепло и необходимость для жизни на земле:

Печь не топится, дрова не курятся, а тепло (151).

Взглянешь — заплачешь, а краше его на свете нет (147).

Значительно реже встречается уподобление солнца животному:

Бурая корова через прясло глядит (155).

Белый бык в подворотню глядит (156).

Сивенький жеребчик в дверь не пролезет (157).

Возможно, что эти загадки более органичны для месяца, а к солнцу приурочены по ошибке. Солнечные лучи, свет проходят в любую щель, их не выгнать, но они уходят сами:

Придет в дом — не выгонишь колом,
Пора придет — сам уйдет (178).

напластованиях на древнее ядро загадки» (Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок. — В кн.: Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. М., 1959, с. 321 — в дальнейшем: Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 3-е).

[17] Этот образ А. Н. Афанасьев сопоставлял с древними поверьями о птице-солнце и с украинской загадкой (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения.., т. I, с. 517).

Солнце — золотое веретено, серое сукно, серая кошка, пресное молоко, золотая чурка или щука. В избе это поперечина, на которую нельзя опереться (188). Как и о месяце и звездах, о солнце немало вопросов:

Что без огня горит? (169).

Что без крыльев летит и без огня горит? (170).

Что выше леса, краше света, без огня горит? (172).

Уподобление солнце—огонь не редкость в загадках. Оно очень естественно объясняется теплом, излучаемым солнцем, и его видом. Нет необходимости искать корни образа в старинных преданиях, как это делает А. Н. Афанасьев: «Старинное поучение уверяет, что солнце, луна и звезды сотворены богом „из невещественного, рекше, негасимого огня". „Что без огня горит?" — спрашивает народная загадка и отвечает: солнце».[18]

Преувеличение очевидно, «старинные поучения» в приведенном примере носят христианский характер и для русских не являются столь старинными (не старше IX века). Таких примеров в исследовании А. Н. Афанасьева немало. Многие верные наблюдения сводятся на нет стремлением обязательно видеть в загадке древние представления, фантазию древнейшего человека и не интересоваться фантазией просто человека, хотя бы и нашего времени. Так же, как и в приведенном примере, это увлечение очевидно и в следующем: «Блестящие небесные светила: солнца, луна и звезды — казались поэтической фантазии древнего человека дорогими самоцветными каменьями».[19] Исследователь не учитывает, что для древнего человека драгоценный камень не имел такой цены, как для человека феодальной и капиталистической эпохи, и вряд ли уподобление солнца, например, яхонту было для него поэтичным и разумным. Кроме того, говоря о древнейшем человеке, А. Н. Афанасьев, видимо, не всегда имеет в виду первобытного человека и язычника. Все же А. Н. Афанасьев немало сделал для изучения народных загадок. Он очень тонко подметил их поэтичность, красоту метафор, исходящих из живых наблюдений над жизнью. Вот, например, как

[18] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 177.
[19] Там же, с. 214.

он говорит о загадках про глаза: «Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте, и поэтому как солнце олицетворялось в виде птицы, так и глаза народная загадка изображает в такой метафоре: „Сидит птица без крыльев, без хвоста, куда ни взглянет — правду скажет“».[20]

Очень любопытно, хотя и трудно доказуемо, суждение А. Н. Афанасьева о том, почему солнце в загадках часто женского рода: «Соединяя с понятием солнца плодородящую силу, древний человек сливал идею творчества с самим актом рождения и поэтому давал верховному небесному светилу женский пол... Народная загадка, означающая солнце, представляет его красною (т. е. блестящею) девою: красная девушка в окошко глядит».[21]

Некоторое количество загадок посвящено тени, главным образом тени от человека:

Ты только из дому, а она уже до риги шагнула (431).

Это постоянная спутница человека, от нее никак не избавиться. О тени есть вопросы:

Чего не догонишь? (416).

Что с земли не подымешь? (417).

Что в стену не вобьешь? (414).

Некоторые загадки про тень перекликаются с загадками про солнечный свет, что естественно, так как явления взаимосвязаны:

Мету, мету — не вымету,
Несу, несу — не вынесу;
Ночь придет — сама уйдет. — Тень (434). Солнце (177).

Одна загадка про тень построена так же, как шутливая загадка про букву «б» (5316—5319):

У тебя есть, у меня есть,
У дуба в поле, у рыбы в море (433).

---

[20] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 164—165.
[21] Там же, с. 71.

Очень поэтичны загадки про росу. Все они связаны с солнцем, описывая исчезновение росы утром или варьируя эту тему:

Заря-заряница по городу ходила, ключи обронила;
Месяц видел, солнце вскрало, а земля сохранила (198).

А. Н. Афанасьев видел в этой загадке отражение древнего предания про деву Зарю, а замещение в вариантах Зари-заряницы девой Марией (Мати Мария) считал перенесением функций Зари-заряницы на Богородицу.[22] Трудно сказать, так ли это. Ясно одно: загадка сложная, построена в виде рассказа, притчи, встречается в таком виде не только у русских. Возможно, она связана в своем первоначальном виде с книгой. Но ее мотивы варьируются, она хорошо прижилась в устном репертуаре, видимо, потому, что в ней отразились реальные факты, наблюдения: земля долго хранит сырость росы, которую солнце быстро осушает.

Изображая видимый, ощутимый мир природы, загадки и для создания образа пользуются знакомыми человеку картинами. Отвлеченных описаний не дается, образы зримы и конкретны. Даже такое явление, как ветер, изображается с точки зрения реального его действия:

Без рук, без ног, а ворота отворяет (211).

Свищет, гонит, вслед ему кланяются (242).

Ветер рычит, фырчит, гонит пыль, его слышно, но не видно. Некоторые загадки (их не так много) уподобляют ветер коню, которого не сдержать, не догнать. Таковы же и загадки про метель («Около села — лошадка весела» — 408). Они немногочисленны и похожи на загадки про ветер.

Большое количество загадок посвящено туче, дождю и снегу. Туча летит по небу, застилает солнце, ее гонит ветер. Это орлица, птица, гуси, кони буланы, сивые бараны. Но больше всего загадок про грозовую тучу с громом и молнией, дождем. Молнии — огневые стрелы, огонь. Гром — рев медведя, ржание жеребца, крик вола,

---

[22] Там же, с. 598—602.

шум, который слышен далеко на земле, хотя произведен на небе. Нигде в загадках не отразилось христианское представление об Илье-громовержце. Стрелы и ржание жеребца ни в одном варианте не связаны с колесницей этого святого. Они могут быть отнесены как к Илье-пророку, так и к Перуну. А. Н. Афанасьев, например, так и понимал некоторые загадки про грозовую тучу. «Корабль-тучу представляли плавающим гробом не только потому, что с ним связывается верование о переезде душ в царство блаженных, но и потому, что он служит печальным одром для молниеносного Перуна... В таком поэтическом образе изображает народная загадка весеннюю тучу, несущую бога громовика, пробужденного от зимнего сна: „Гроб плывет, мертвец ревет (или поет), ладан пышет, свечи горят“».[23]

В. П. Аникин, однако, считал образы этой загадки с отгадкой — грозовая туча — механическим перенесением из загадки про Попу.[24] Это подтверждается сравнением с рукописной традицией, но уподобление грозовой тучи гробу встречается и в близких названной загадке сокращенных вариантах.

Довольно много загадок про дождь. Он «и тонок и долог, а сядет — в траве не видать» (324). Он «приходит с неба и уходит в землю» (315), «горазд молотить» (319), а «рассыплется — никому не собрать» (321). Дождь часто называют «длинным Антошкой» (308—309), он поит землю (312).

Очень распространена загадка, которую, видимо, сочинили в XVIII веке (отзвуки ее встречаются в собраниях того времени). Во всяком случае склад ее отличается от всех прочих загадок про дождь:

> Меня частенько просят, ждут, а только покажусь, то прятаться начнут (328).

Загадки про мороз так же, как и загадки про ветер, описывают действие, видимый, ощутимый результат мороза. Это «не огонь, а жжется» (332), «без рук рисует, без зубов кусает» (337). Он «стоять не велит» (334), «ходит, стучит» (340), «через реку мост проложил» (344), или «без топора, без клинья мост мостил» (341). Мороз обычно

---

[23] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 579—580.

[24] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 325, № 2042.

называется стариком, дедом. Видимо, это связано с образом Деда Мороза в сказках. Имена для мороза подбираются тоже сказочные, легендарные: царь Давид, сам Самсон.

В сборнике Д. Н. Садовникова помещена загадка про мороз, скорее всего морозный иней, извлеченная, видимо, из старых рукописей:

> Стоит дуб без корня, без ветвей; сидит на нем птица врап; пришел к нему старик без ног, снял его без рук, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов (331).

В примечании к загадке сказано: «Сходна с загадкой о человеке и смерти в „Беседе трех святителей"».[25] А. Н. Афанасьев отмечал, что зафиксированы подобные литовская и старонемецкая загадки.[26] Не является ли это доказательством ее книжного происхождения?

Загадки про снег распространены в большом количестве вариантов. В них снег — покрывало, скатерть, шубейка (в отличие от неба — белые), укрывающие землю (363—368). Как и дождь (320), снег — «порхан», который летит в кафтане без пол (372), или это «Яшка — белая рубашка» (374), или «Тихон — с неба спихан» (375). Всюду подчеркивается белый цвет, толстый слой, согревающий зимой землю. Снег летит и лежит тихо, а когда начинает таять, вода журчит. Об этом немало загадок:

> Родится молчком и живет тишком,
> А как помрет, так и заорет (383).

Про снег есть загадки, связанные с рукописной и более поздней литературной традицией. В собрании М. В. Красноженовой,[27] содержащем загадки, записанные в Красноярском округе, есть загадка про снег, связанная с рукописной традицией:

> Летит без крыл, падает без ног;
> Жарит его повар без огня,
> И ест его барыня без рта (395).

---

[25] Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. СПб., 1876, с. 327, № 1992 (в дальнейшем: Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е).

[26] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 500.

[27] Хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Р. V, к. 78, п. 8).

Она напоминает загадку про иней из сборника Д. Н. Садовникова, о которой речь шла выше.

С литературой XVIII века связаны довольно распространенные загадки, сравнивающие снег с алмазом:

Чист и ясен, как алмаз,
Дорог не бываю;
Я от матери рожден,
Сам ее рождаю (396).

Я как песчинка мал, а землю покрываю,
Я из воды, а с воздуха летаю,
Как пух, лежу я на полях,
Как алмаз, блещу при солнечных лучах (397).

Так же, как про снег, загадывают и про лед. Он «на дворе — горой, а в избе — водой» (507), он — вода, но по воде же и плавает (510). Книжная загадка про снег («Чист и ясен, как алмаз...») значительно чаще загадывается про лед и с этой отгадкой широко распространена во всех областях страны (511—513). Д. Н. Садовников писал о ней: «Загадка эта происхождения недавнего и собственно не народная, но мне удавалось не раз слышать ее, нисколько не измененною, от крестьянских детей».[28]

Почти все загадки про воду — короткие вопросы:

Что шумит без ветра?
Что бежит без прогону? и т. д. (442—452).

Более разнообразны и интересны загадки про реку. Здесь тоже есть вопросы, похожие на вопросы о воде (457—459). В метафорических загадках отмечается, что река «ходит без ног» (462), «кричит и всех на себе носит» (460). Река «течет, течет — не вытечет» (469). Отмечается и то, что река замерзает зимой:

Зимой спит, а летом шумит.
Зимой ходят, а летом ездят (472—473).

Немало загадок про лед на реке. Это «чан-молчан — серебряна покрышка» (518), стекло, водяной мост, новая покрышка на старом лукошке и т. д. (515—520). Вода подо льдом уподобляется коню под ковром (525).

---

[28] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, с. 324, № 1495.

Загадки про реку, берега, камни, тростник построены преимущественно в форме диалога:

Криво, лукаво, куда побежало?
Стрижено да брито, дела тебе нету (484).

Среди загадок про реку сохранилась зафиксированная в «Беседе трех святителей» и других рукописных произведениях:

Мать детей сосет (475).

(Подразумевается река и впадающие в нее ручейки). Подобная же загадка есть про море и реки.[29]

А. Н. Афанасьев отметил, что «реки и потоки почитались у греков детьми, порожденными седым океаном: воззрение, разделяемое и славянами».[30] Скорее всего загадка связана с книгой, рукописью, с «Беседой трех святителей» или подобной ей и уже в рукописной традиции испытала влияние греческого сказания, а не свидетельствует о наличии подобного же у славян.

Таковы наиболее распространенные загадки о явлениях природы. Про камень, горизонт, радугу, град, туман, водяные пары, пепу загадки единичны и распространены в небольшом количестве вариантов. Загадки останавливаются, таким образом, на наиболее общераспространенных, повсеместно и часто наблюдаемых явлениях природы. Всюду наблюдают звезды, месяц, солнце — и загадок про них много. А комета, северное сияние — исключительное явление, поражающее воображение, но встречающееся редко, в ограниченном районе. О них загадки ничего не скажут, их опишут другие жанры. Загадки отражают обыденный, окружающий человека мир природы, наблюдаемый всеми людьми, а не редкие, хотя и поражающие воображение явления. Кроме того, это все загадки о природных явлениях, наблюдаемых в средней полосе России с ее снежными зимами, трескучими морозами, покрывающимися на зиму льдом и становящимися дорогами-реками. Загадки про море еди-

---

[29] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 1484, с. 324; Перетц В. М. Студії над загадками.— Етнографічний вісник, 1932, кн. 10, с. 123—204.

[30] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. II, с. 201.

ничны, как и про озеро и пруд, которые встречаются реже, чем реки. Любопытно, что и про болота, которыми так богата северо-западная часть России, загадок мало.

Загадки о растениях

Описание растений в загадках подчинено тем же закономерностям, что и описание явлений природы. Наиболее многочисленны загадки об общераспространенных деревьях. Загадка о дереве как родовом понятии известна нам одна:

Весной веселит, а летом холодит,
Осенью питает, зимой согревает (1700).

Более распространена загадка про сердцевину дерева (1701—1705). Она отмечает одно свойство: сердцевина дерева равна ему, но не видна.

Поэтичны загадки про лист дерева. Это Пан Панович или Ер Егорка, который упал в колодец, в озерко, на воду, воды не замутил и сам не потонул (1706—1710). Отмечает загадка и фазы жизни листа:

Сидит — зеленеет,
Летит — пожелтеет,
Падет — почернеет (1711).

Один раз зафиксирована книжная загадка про лист:

Летают, кружатся, на землю ложатся,
С земли не вставают и тут изгнивают (1712).

Загадки про лиственный и хвойный лес строятся на одном признаке: лиственные деревья обнажаются зимой, а хвойные — «зимой и летом одним цветом» (1718). Отгадки их разные: хвойное дерево, лиственное дерево, лес, ель и сосна, чернолесье и краснолесье. Нередко одна загадка имеет варианты отгадок в этом круге названий.

Говоря об отдельных породах деревьев, загадки больше всего внимания уделяют березе. Отмечается белый ствол:

Изба белена, а маковка зелена (1730).

Береза кудрява летом, а зимой без зелени:

Летом мохнатенька, зимой сучковатенька (1735).

Говорится о наличии двух слоев коры, что хорошо знакомо крестьянам, занимающимся различными поделками из бересты:

> На каком дереве две кожи? (1741).

Березовый сок — весеннее лакомство:

> Летом цветет, зимой греет,
> Настанет весна — потечет слеза (1742).

Последняя загадка является как бы начальной ступенькой к большой группе загадок, в которых отмечается та польза, которую извлекают из березы: берестой обвивают разбитый горшок («битому связь» — 1746), березовые дрова — лучшее топливо («в стужу согревает» — 1747) и сырье для приготовления дегтя («скрипячему поможенье» — 1748), березовой лучиной много веков освещалась крестьянская изба («мир освещает» — 1745), березовым веником парились в бане («нагому потешенье» — 1748), подметали пол («в избе обиходье» — 1743), березовым прутом грозили детям («малому загроза» — 1744). Ни одно дерево так универсально не использовалось русским человеком, и ни об одном дереве нет столько загадок.

Кроме березы довольно много загадок про орех и про шиповник. Загадки говорят прежде всего о плоде ореха:

> Стоит дерево мохнато.
> В мохнатом-то гладко,
> В гладком-то сладко (1776).

> Маленький горшочек, да кашка вкусна (1788).

> Маленький мужичок — костяная шубка (1795).

Сам же ореховый куст «богач не велик, а орешками наделит» (1797). Похожая загадка есть и про яблоню:

> Не мамынька родима, а гостинцами оделила (1817).

Других загадок про яблоню нет. Мало загадок и про яблоко. Одна по смыслу связана с религией: «Пришел спас, разговел всех нас» (1818); вторая напоминает загадку про огурец: «Без окошек, без дверей — шестеро людей» (1819); третья мало распространена и малопонятна: «Середь лесу дежа киснет» (1820).

Иногда загадки, более распространенные с отгадкой «желуди и свиньи», отгадываются как «яблоки и свиньи». Они варьируют один мотив:

Ходя ходит, виса висит,
Виса пала, ходя съела (1823).

Большое количество вариантов у загадок про шиповник, у которого отмечаются «ангельские» цветы и «дьявольские» когти (1834—1846). Все они довольно пространны, прозаичны, хотя и с созвучным окончанием слов. Возможно, что начало их в какой-то рукописной традиции или составлялись они по образцу загадок из старых рукописей:

Дерево древанское, листья шамаханские,
когти дьявольские, цветы ангельские (1835).

Загадки о других породах деревьев (про осину, липу, вербу) встречаются редко. Только про черемуху и рябину зафиксировано по пять-семь загадок.

Так же малочисленны и загадки о ягодах. Про малину, землянику, смородину, чернику, клюкву, морошку загадки единичны, а о других ягодах их нет совсем.

Много загадок о грибах как родовом понятии. Все они отмечают колпачок, шляпку и одну ногу:

Маленький, удаленький сквозь землю прошел,
красну шапочку нашел (1867).

Стоит Трошка на одной ножке,
Его ищут, а он пишкнет (1878).

Об отдельных видах грибов загадок нет. Только про груздь загадывают:

Зашел мужик в сосняк, нашел слизняк:
Бросить — жалко, съесть — сыро (1882),

да про мухомор есть загадка, пришедшая, видимо, из детских книг и аналогичная загадке про землянику (1855):

На лесной поляне красуется Татьяна,
Алый сарафан, белые крапинки (1881).

Единичны загадки и о цветах и травах. О цветах как родовом понятии загадок нет. Про одуванчик загадка, видимо, пришла из книг совсем недавно, а загадка про ро-

машку (1919, 1920) является вариантом сочиненной О. Тарнопольской.[31] Есть загадка-вопрос про папоротник, одна загадка про мох. Про крапиву, про пестик бытует по четыре загадки. Только репей, надоедающий человеку своими колючками, представлен многими загадками в большом количестве вариантов. Все они похожи на загадки про шиповник:

На поле Алтынском стоит дуб Талтынской,
когти дьявольские (1900).

На поле на Титенском стоит дуб Веретинский;
Кто к нему ни подойдет, тот добром не отойдет. (1908).

Видимо, травы и цветы интересовали составителей и носителей загадок только на покосе, поэтому о траве, косе, сене загадок много, а об отдельных травах и цветах — единичные варианты. Только те растения, которые не дают забыть о себе, не дают пройти мимо, — репей и крапива нашли отражение в загадках. Исключение составляет «пестик», возможно, потому, что им лакомятся дети:

Стоит дедюха в семи кожухах —
Не мужик, не баба (1924).

Овощи, растущие в крестьянском огороде, в загадках представлены довольно широко. Загадки про огурец, тыкву, дыню, арбуз однотипны. Почти половина загадок про огурец развивает тему дома без окон и дверей, но полного людей, голубей, лебедей (2419—2426). Такая же загадка про тыкву (2418). В других загадках огурец — «птица, несущая яйца за гнездом» (2430—2431), «Егор в зеленом халате или под зеленой фатой», «телятки гладки» (2437—2439). Про тыкву загадок немного. Кроме указанной, уподобляющей тыкву дому без окон и дверей, они отмечают, что тыква поднимается по тыну, изгороди:

Лез Мартын через тын.
Сам перелез, а голову на тыну оставил (2415).

Загадки про арбуз или перенесены из загадок про огурец, или сочинены для детской литературы:

Кафтан на мне зеленый
И сердце, как кумач;
На вкус, как сахар, сладок,
На вид похож на мяч (2409).

---

[31] Тарнопольская О. Загадки. М., 1940.

Без окошек, без дверей полна горница людей (2400).

Рябая курица по плетням дуется (2404).

Встречаются также краткие варианты первой загадки.

Довольно много загадок про горох, но часть из них перекликается с загадками о других овощах. Так, одна («Без рук, без ног ползет на батог» — 2443) перекликается с загадками про тыкву и хмель, что естественно, так как у этих растений есть общие свойства. На общем с огурцом свойстве основана и загадка:

Стоит дом без окон, без дверей, а полон людей (2454).

Четыре загадки напоминают загадку про гриб:

Кругленькой зерпятко в сыру землю ушел,
Синю шапочку нашел (2445).

Относительно мало (всего пять, не считая вариантов) загадок про картофель. Это, очевидно, связано со сравнительно недавним началом культивирования картофеля в русской деревне (еще в XVIII веке к картофелю относились с недоверием), что может служить косвенным доказательством древности русских народных загадок об овощах. Видимо, только за много веков могло накопиться большое количество загадок об одном предмете и их вариантов. Три загадки про картофель варьируют загадку про огурец:

Птица пустодом вьет гнезда за двором, несет яица за гнездом. — Огурец (2430).

Курочка пустодом свила гнездо за двором, яица несет, в землю кладет. — Картофель (2484).

Напоминает загадку про огурец и следующий вариант про картофель:

Между гор лежит толстый Егор (2486).

В загадках про лук и капусту есть общие варианты, основанные на том, что и капуста состоит из листьев, и лук из отдельных чешуек, которые уподобляются одежкам, ризам, латам, заплатам, шубам. Загадки про лук отличаются тем, что в них добавляется деталь: «Кто одежки снимает, тот слезы проливает». Про капусту за-

гадывают еще как про гриб: «на одной ножке», «в черну землю ушел, белу книгу нашел». Кочан капусты уподобляют голове и плеши. Загадки про лук (2488—2530) варьируют тему одежек и заплат, проливания слез.

Общие загадки есть об овощах, обладающих сходными свойствами: моркови, репе, редьке, брюкве, свекле. Варианты, отмечающие посев маленьким семечком, есть только у загадок про редьку и про репу:

Кину мякину — подниму толкач. — Редька (2580).

Кину кидком — вырастет клубком,
Под зеленым под садком, с хвостиком. — Репа (2595).

Общие для моркови и репы загадки отмечают сходство их строения, вида:

Красна, да не девка,
Хвостата, да не мышь. — Морковь (2573).

Кругла, да не деньга,
Красна, да не девка,
С хвостом, да не мышь. — Репа (2619).

Про морковь часто загадывают: «Девица (сестрица) в темнице, коса — на улице» (2561—2569). Свеклу уподобляют красным сапогам, репу — лепешке, клубку, обязательно добавляя при этом о наличии хвостика. Об этих овощах загадок много, а про турнепс, редиску — всего по одной, про брюкву — две, про хрен — три.

Похожи на загадки про репу варианты загадок про коноплю:

Брошу с бисеринку —
Вырастет с лесинку (2654).

В других загадках про коноплю описывается польза, которую приносит она человеку:

Выйду я в задние ворота;
Стоит не сосна, не коровья сестра:
Кожу носим, мясо бросим, голову едим (2661).

Про хмель загадки говорят как про золотую траву, тонкую, вьющуюся по тычине, которая

Весной растет, летом вьется,
Осенью цветет, зимой в дело идет (2677),

В крестьянских огородах сеяли мак, и загадки отразили красоту цветка. Они поэтичны, изобретательны по образам.

Пал порошок, стал городок,
Краше Казани, краше Астрахани (2536).

На тычинке городок, в нем семьсот воевод (2540).

Стоит дуб, полон круп,
Шапочкой накрыт, гвоздиком прибит (2546).

Иногда они повторяют загадки о других растениях, прибавляя что-нибудь свое:

Маленький, удаленький в землю ушел,
Красну шапочку нашел (2553).

Мертвым в землю упал,
Живым из земли встал,
Красну шапку уронил
И людей усыпил (2556).

Таким образом, отбор растений для загадывания не подчинен единому закону. Из всего многообразия лесной растительности предпочтение отдано березе, наиболее полезному для крестьянского хозяйства дереву. Загадок о дереве как таковом сравнительно мало. А о грибах загадывают как о родовом понятии, почти не интересуясь их видами. О растениях крестьянского огорода, об овощах загадок много. Можно сказать, что все разновидности огородных растений отражены в загадках. Но об овоще как таковом загадок нет.

Загадки о рыбах, земноводных, пресмыкающихся

Загадок о разных породах рыб мало. Есть две загадки про ерша, из которых одна, видимо, книжная. Одна загадка про рыбу-усача. Большинство загадок относится к рыбе как таковой. Здесь вопросы:

Что без голосу? (545).

Какого дитя мать не воспитает? (548).

Часты также загадки метафорические, образные. Наблюдая плавающую рыбу, создатели загадок отметили сере-

бряные монетки чешуи (547). Рыба представлялась удивительным существом, которое

Ног нет, а ходит,
Крылья есть, а летать не может (554).

Рот есть — не говорю,
Глаза есть — не мигаю (556).

Много загадок посвящено ловле рыбы неводом, вершей или иной плетеной снастью. Все они развивают тему молчаливых хозяев, которым не выйти из своего дома или двора, уходящего в окошки при появлении воров:

Дом шумит, хозяева молчат;
Пришли люди, хозяев забрали,
дом в окошки ушел (579).

Большое количество загадок про рака; они очень разнообразны. Это и «корабль о двенадцати лап» (591), «по ножницам — швец, по щетинке — чеботарь» (597). Загадки отмечают «многие ноги», «длинные усы». Некоторые построены по принципу отрицательного сравнения:

Два рога, а не бык,
Шесть ног без копыт (594).

Часть загадок, среди них вопросы, отмечает изменение цвета вареного рака:

Кого горе красит? (605).

Идет в баню черен, а выходит красен (601).

В загадках про лягушку отмечается противный голос, прыжки, «глаза бычьи, а сама с кулак» (613). Загадка, бытовавшая еще в XIX веке:

Под берегом сидит Тарас — кричать горазд (607),

в варианте из Архангельской области присоединена к строкам из детской песенки:

Вот по желтой по дорожке
Скачет, вытянувши ножки;
Этот толстый Тарас
Кричать громко горазд (615).

Единичны загадки про пиявку (отражают ее медицинское назначение), улитку, ящерицу, а про змею загадок много. И опять, как в загадках про рыбу, это не уж, не гадюка, а просто змея: шипуля, шмат железа, конь вороной, кафтан с яростью, свинья кубариста, гиря с хвостом. Во всех вариантах отмечается опасность прикосновения к названному предмету. Бытуют также загадки про змею, камень и саблю, змею и муравейник, змею и ружье (630—635). Во всех этих загадках змея — зло, сабля, ружье — тоже зло. Все они напоминают иносказательную речь, построены в форме рассказа.

Загадки о насекомых

Загадок о насекомых как о родовом понятии не загадывается, а есть про пчелу, муху. таракана и т. д. Про пчелу, улей, соты, мед загадок очень много. Они отражают знание особенностей жизни и развития пчелы: господство в улье матки («Без отца рождена, без матери жить не может» — 647); осевший рой («Лежит кучка поросят, кто ни тронет — завизжат» — 637); пчела, летящая за взяткой («Летит мохнатенький, летит за сладеньким» — 645); пчела, нападающая на врага («Маленькая собачка не ласт, не бает, а больно кусает» — 641); необходимость подкармливать пчел в зимний период («Корми меня до Ивана, сделаю из тебя пана» — 638). Много загадок про пчел в ульях, про соты, мед и воск. Чаще всего пчелы в таких загадках — девицы, старушки, бабы, вышивающие, ткущие, вяжущие в темнице или каморе чудный узор. Улей — хата, хлевец без окон и дверей, полный овец, воробьев, собак, которые кусают, провожают далеко. Иногда говорится, что в дупле тревога или ярмарка. Существуют загадки про соты, воск, мед, отмечается дороговизна воска, использование его в церкви, необходимость его для жизни пчелиной семьи. Поэтому человек, забирающий мед и воск из улья, уподобляется вору. Среди этих загадок преобладают восходящие к старой рукописной традиции:

> Стоит град на восток дверьми, приходят ко граду разбойники. Сила говорит: «Крадьте мой град, вышним на шердий, земным на потребу» (668).

Довольно распространена загадка про соты и мед (676), которая в том же варианте отгадывается и как рыба (559):

В подполе-подполье лежит пирог с морковью; есть хочется, лезть не хочется.

Для отгадки «рыба в воде» — она более органична, по распространена и с отгадкой «соты и мед».

Своеобразны и многочисленны загадки про муравьев и муравейник. Про муравья есть вопросы:

Кто трудолюбивее всех на свете? (712).

Кто на свете всех сильнее? (713).

Муравейник сравнивается с хатой без углов, котелком, кипящим в лесу, отмечается неутомимость его обитателей.

Большинство загадок про жука построено по методу отрицательного сравнения. Отмечается, что жук череп, но не бык, у него шесть ног без копыт, он летает, но не птица, роет землю, воет и т. п. Загадки про жука многочисленны и распространены, но однотипны по образам и строению:

Ворон, да не конь,
Счерна, да не медведь,
Рогат, да не бык,
Ноги есть, да без копыт.
Летит — так воет,
Сядет на землю — землю роет (741).

Среди загадок о насекомых самое большое количество загадывается про комара. Некоторые из них построены как рассказы и напоминают старинные притчи:

Сидит птичка на кусту, молится она Христу: «Батюшка Христос, надо всем ты дал мне волю, только не дал ты мне воли над всей рыбой в море» (767).

Эта власть комара над всем живущим отражена и в других загадках. Есть как бы загадка-ответ на приведенную выше загадку, возможно, прежде соединявшуюся с ней:

Спой песню промеж рождества и крещения, тогда дам тебе власть над рыбой в море (769).

Зимняя спячка насекомых, комара в частности, отражена и в других загадках. Остальные загадки про комара отмечают две детали: «Кто его убьет, свою кровь прольет» и «Нос долог, голос звонок». В различных сочетаниях они

создают более тридцати загадок и огромное количество вариантов.

Загадки про таракана варьируют загадки про жука, добавляя только специфические признаки: рыж, да не конь; ходит — не стучит. Про таракана и про муху загадывают:

Кто над нами вверх ногами? (832, 847).

Муха летает, но не птица, засыпает осенью. Своеобразных загадок про муху немного.

В загадках про блоху отмечается цвет, малый размер, высокий прыжок, рассказывается про ловлю блохи. По образам и их сочетанию эти загадки довольно изобретательны.

О других насекомых: червяке, светляке, бабочке, сверчке, осе — загадки единичны. Видимо, человек отмечал тех насекомых, которые досаждали ему в доме и на работе летом: мухи, блохи, комары, тараканы, — или приносили пользу, как пчела. К остальным он относился равнодушно, не замечая их, выделив почему-то только жука. Но про жука загадки говорят вообще, как о рыбах. Все жук, не отмечается то многообразие, которое можно наблюдать в природе.

Загадки о птицах

Загадки загадываются преимущественно о домашних птицах. Из живущих на воле загадывают о тех, которые гнездятся вблизи человеческого жилья (воробей, голубь, грач, скворец, ворона) или привлекают внимание своеобразием голоса (кулик, кукушка), внешним видом (цапля, журавль, дятел), образом жизни (филин, сова). Но не все загадки об этих птицах народные, многие пришли из книг, например загадка про грача (1035—1036). Есть несколько загадок про ястреба, нападающего на цыплят.

Из живущих на воле птиц две привлекают особое внимание: ласточка и сорока. Первая — вестница весны, всегда пользовалась любовью крестьянина. Она называется в загадках молодым коньком, бывавшим за морем, «спинка соболинка, брюшко беленько» (1029—1034). В загадках про сороку отмечается пестрое оперение и резкий крик птицы (1039—1047).

Из домашних птиц предпочтение в загадках отдано курице и петуху. Про индейку, утку всего несколько загадок. В загадках про петуха отмечается его пение и внешний облик:

Не княжеской породы, а ходит с короной;
Не ратный ездок, а с ремнем на ноге;
Не сторожем стоит, а всех рано будит (978).

Эти особенности петуха во множестве варьируются в загадках. Отразились в них и некоторые поверья и легенды:[32]

Не родился, не крестился,
А все дивятся, что его черти боятся (973).

Дважды рожден,
Ни разу не крещен
И в евангелие помещен (974).

Ни одна загадка не отмечает оперение петуха, а загадки про курицу, наоборот, варьируют одну тему — оперение:

Под тыном шла, сто рубах нашла;
Ветер подул, все рубахи раздул (956).

С курицей связаны и другие загадки: курица снесла яйцо, сидит на яйцах, курица с цыплятами. Есть несколько загадок и про цыпленка.

Кроме загадок об отдельных породах птиц бытуют также загадки о птице как о родовом понятии. Их четыре: один вопрос («Что без дороги?»); одна отмечает перелет птиц в дальние страны; другая называет птицу строителем без рук; третья — общая с загадками про цыпленка и про петуха (два раза родился).[33]

Про пух и перья насчитывается десять загадок. Большинство из них отмечают легкость пера («Чего на поветь не вскинешь?» — 895), а некоторые перекликаются с загадками про лист:

---

[32] Связь этой загадки с верованиями отметил В. П. Аникин в комментарии к сборнику Д. Н. Садовникова «Загадки...», изд. 3-е, с. 293, № 989.

[33] А. Н. Афанасьев отмечал, что в санскрите птица называется дважды рожденною (dvidža); то же он видел и в народных загадках (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. III, с. 215).

Ер Егорка упал в озерко,
Воды не сколыбнул и сам не утонул (890).

Про яйцо в загадках говорится, что это «бочечка без обручика», в которой не смешиваются два пива. В нескольких вариантах яичный желток уподобляется золоту, а белок — серебру. А. Н. Афанасьев видел в этом отражение предания о том, что солнце, небо и земля сотворены из яйца, а небесные светила уподоблялись благородным металлам.[34] Думается, что образ этот объясняется более просто — практическим наблюдением и сходством цвета, а не таким сложным многостепенным сопоставлением с преданием.

Таким образом, среди загадок о птицах есть загадки о птице как родовом понятии и об отдельных видах птиц, причем последних больше. С чем это связано? В одних случаях загадка выбирает общее, родовое (рыба, змея, птица, жук), а в других обращается к виду, как бы дробит, конкретизирует (береза, ель, хвойное, но не дерево вообще, морковь, репа, брюква, но не овощи и т. д.). В иных случаях допускается и общее (птица), и частное (курица, сорока). Как уже говорилось, загадки выбирают предметы, знакомые большому количеству людей, достаточно конкретные, обладающие известными многим специфическими чертами. Если мы скажем просто птица, рыба, гриб, змея, то сможем представить себе вполне конкретное, зримое и определенное явление. Можно нарисовать гриб, змею, рыбу, просто птицу. Но если нас попросят нарисовать насекомое, овощ, дерево, общего образа создать не удастся, на рисунке будет представлена муха, жук или паук, морковь или репа, береза или ель. Увидев в лесу змею, человек закричит: «Змея!», даже не разобравшись, гадюка это или безобидный уж. Увидел в реке плывущую рыбу, тоже скажет общее: «Рыба!». Не всякий сможет определить и заметить, какая именно это рыба: ерш, щука, окунь и т. д. Загадка идет за нашими зрительными ассоциациями, точно и метко отражает эту особенность наших представлений об окружающих предметах и явлениях. Утверждение М. А. Рыбниковой, что «видовое, а не родовое — вот что отмечает загадка»,[35] не

[34] Там же, т. I, с. 536.
[35] Рыбникова М. А. Загадки. М.—Л., «Academia», 1932, с. 15.

совсем точно. Загадка отмечает и родовое, если оно в представлении людей обладает достаточно конкретными, зримыми и своеобразными чертами, если большое количество людей могут «нарисовать портрет» этого «родового». Эту же закономерность будем наблюдать и в загадках следующих тематических разделов.

И еще одно уточнение к распространенному мнению о загадках можно сделать на основании рассмотренных тематических разделов. Считается, что загадки охватывают преимущественно предметы и явления жизни крестьянина-земледельца, отражают его труд, быт, мировоззрение. «Загадки в их тематике образуют круг примитивного мироведения. Природа, человеческое тело, мир животных и растений, трудовые процессы земледельца, орудия его труда, примитивная техника — вот основной объем охваченных загадкою явлений. И все это лишь в той мере, как оно обращено к трудовой практике крестьянина».[36] На первый взгляд, с этим нельзя не согласиться. Но при более пристальном рассмотрении оказывается, что этот мир крестьянина хорошо знаком и городскому жителю, особенно жителю старого города — не большого, не одетого в камень и асфальт, а маленького, включающего в себя мелкие хозяйства. В самом деле, какой житель такого города не знает пчелу, хотя и не занимается пчеловодством, муравья, жука, муху? Крестьянин мог бы подробнее рассказать о жуках, виды которых горожанин не различает. А горожанин восторгается бабочкой, не представляющей интереса для крестьянина. Загадка сгладит противоречия, примирит интересы. На примере загадок о птицах это особенно наглядно видно. Какой землепашец не знает грача, жаворонка, редко встречающихся горожанину? Кто из горожан не видел воробьев, стайками кочующих по дворам и улицам, для крестьянина совсем не интересных? Но обо всех этих птицах загадок мало. А вот про ласточку — вестницу весны, одинаково любимую как в городе, так и в деревне, много загадок, как и про сороку-воровку — наглую и надоедливую. Так же о домашней птице. Широко описаны только общераспространенные: петух, курица. А про индеек, гусей, уток, распространенных не повсеместно, загадок мало. Среди растений, упоминаемых в загадках, также преобладают хо-

[36] Там же, с. 13.

рошо знакомые и крестьянину, и горожанину. Точнее сказать, загадки отражают предметы и явления жизни труженика, не только крестьянина-земледельца, но и охотника, скотовода, ремесленника, огородника и т. д., и не только жителя деревни, но и города. Справедливо, что загадки обращены к трудовой практике, что сочиняются и загадываются они людьми, детально знающими назначение, употребление и изготовление орудий труда, пристально наблюдающими за окружающей природой. Но это труд и наблюдения, доступные широкому кругу людей, а не только крестьянину-земледельцу.

Уместно остановиться еще на одном вопросе. В. П. Аникин, связывая происхождение загадок с тайной речью, с запретами па произнесепие некоторых слов в определенных ситуациях, сопоставляя тематические круги загадок и тематические круги словесных запретов, приходит к выводу, что «предметная тематика загадок в своей основе по традиции восходит к тематическим кругам предметов и явлений, имевших условное обозначение в тайпой речи древности»,[37] и наличие или отсутствие загадок о тех или иных предметах связано с тем, было ли пазвапие этих предметов под запретом. Если прямо называть предмет было запрещено, то для усвоения иного названия, для тренировки на основе подставного слова создавалась загадка. Однако совпадение тематики словесных запретов и тематики загадок пе столь уже точно, что видно даже из примеров, приведенных В. П. Аникиным в доказательство своего предположения. Перечисляя запреты на прямое пазвапие птиц, исследователь упоминает: 1) имеющих промысловое зпачепие: утка, гусь, тетерев, глухарь и пр.; 2) приносящих вред в поле и огороде: воробей, коршун, ястреб; 3) связанных, согласно верованиям, с доброй или злой силой: ворон, филин, сова, ласточка, сорока и пр.[38] Но среди русских загадок нет загадок про тетерева, глухаря, ворону, очень мало про воробья, сову, филина, да и вряд ли зафиксированные загадки древние. Не следует, видимо, ставить тематику загадок в зависимость от тайной, условной речи. Возможно, что для генезиса какой-то части загадок, для древней-

[37] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 23.
[38] Там же, с. 24.

шего состава их репертуара эта зависимость была более существенной. По с течением времени на загадки наслаивались иные образы, они приобретали иные функции, и, рассматривая современный репертуар русских народных загадок, мы можем сказать, что они создаются и загадываются о предметах и явлениях, хорошо знакомых, часто встречающихся в трудовой практике и быту большому количеству людей в городе и деревне и не связанных с древнейшими запретами на произнесение некоторых слов и определений.

Загадки о животных

Как и загадки о птицах, загадки о животных в основном относятся к домашним. Загадок о животном как таковом нет, что вполне понятно, так как нельзя создать обобщающий образ животного.

Из диких зверей наибольшее внимание уделено волку — в связи с тем вредом, который он наносит крестьянскому хозяйству. Только четыре загадки говорят собственно про волка, остальные разрабатывают тему: волк утащил овцу или свинью, а собаки заметили и хозяин отнял. Медведю посвящено пять загадок. Одна из них представляет собою собственно не загадку, а юмористическую сценку, а другая («Всем пригнетыш» — 1273) — характеристика медведя из детской песенки, сказки.

Про лисицу и оленя всего по одной загадке. Загадка про крота связана с детской литературой (1287). Про летучую мышь одна загадка. Больше загадок про белку, зайца, ежа (пять-семь о каждом). Загадки про белку отмечают, что она живет на деревьях и летает, не имея крыльев (1296—1300). Загадки про зайца говорят, что он «зимой белый, а летом серый» (1282), быстро бегает и прыгает: «Через путь прядыш» (1283). Две загадки про зайца из десяти определенно связаны с детской литературой (1278, 1279). Во всех загадках про ежа (их известно нам семь) отмечаются его иглы:

Ползун ползет, иглы везет (1223).

В загадках о домашних животных больше всего внимания уделено корове, основной кормилице крестьянской семьи.

Про быка всего три загадки. Две из них сходны с загадками про корову, описывают внешний вид животного. Одна могла быть создана в южных районах, где на быках пашут; в ней как бы дается картина жизни животного:

Поколь был мал — в четыре дудки играл,
Больше стал — горы копал,
Умер — плясать пошел (1052).

Про корову, ее вымя, доение насчитывается более пятидесяти загадок. В них описывается внешний вид коровы:

Четыре четырки, две растопырки,
Одно махальце, два глядельца (1080).

У ног кузовок;
Кто за ней ходит, того она и кормит (1094);

рассказывается о доении:

Четыре брата в одну конурку из мешка льют (1101).

Села баба на сгибень,
Меж ног взяла бубен,
В обе руки по болтухе
И давай в бубен играть (1105).

Несмотря на большое количество загадок про корову, они отличаются разнообразием и изобретательностью, варьируя отмеченные мотивы.

Таковы же и загадки про лошадь. Их значительно меньше, чем про корову. Среди них есть вопрос:

Кто у нас без ответу? (1119).

Одна загадка, видимо, недавно пришла из литературы:

Не земледелец, не кузнец, не плотник,
А первый на селе работник (1120).

Остальные описывают внешний вид лошади по той же схеме, что и загадки про корову:

Двое прядут, четверо бегут, тысяча погоняет (1125).

Про ноги лошади загадывают:

Четыре деда назад бородами (1130).

Довольно разнообразны загадки про свинью и свинью с поросятами. Про поросят загадывают:

Попы церкву оборотили (1134).

Рой гору повалил (1136).

Сюда же относится загадка, встречающаяся без отгадки в рукописных собраниях пословиц:

Бочка стонет — бояре пьют (1138).

В загадках про свинью отмечается постоянное хрюканье:

На угор идет — кричит,
Под угор идет — кричит (1144).

В XIX век зафиксирована загадка про свинью, составленная в духе старинных притч, встречающаяся на листах старых рукописей:

Некто по полям хождаше,
Главу свою ниже плеч ношаше,
И прииде некто его заклаше,
Власы на огне сожже,
А тело на древи повеси (1148).

Сокращенные варианты этой загадки в современном ее оформлении довольно часто встречаются в записях:

По земле ходит, неба не видит.
Ничего не болит, а все стонет (1142).

Загадки, связанные с рукописной традицией, встречались и в других тематических отделах. Сомнительно, что они несколько веков подряд бытовали в устной передаче в таком тяжелом, трудно запоминающемся оформлении. Скорее всего они попадали в собрания от людей, знакомых с рукописными сборниками.

Не так много загадок про собаку, но они разнообразны по образам, подмеченным особенностям собаки. Здесь и помахивание хвостом: «Сек, сек, да на топорище и сел» (1165), и представление, будто собаку нельзя кормить много: «С работы не тощает, а с жиру бесится» (1164), и своеобразная переработка пословицы: «На сене лежит, сама не есть и другим не дает» (1169), и манера собаки лежать: «Ночью калачиком, днем скалочкой» (1178), и основное назначение собаки — стеречь дом: «Четверо стелют, двое светят, один лежит, никого не пускает» (1175).

Не менее разнообразны загадки про кошку, которая возле печки греется, мохнатая, усатая, хвост держит «колом», моется без воды, поет песенки, лапки у нее мягонькие, «а коготок востер». Больше всего загадок про кошку и мышь. Почти все они построены в форме разго-

вора мыши с петухом, тараканом. Мышь спрашивает, где кот (конечно, в иносказательной форме), а кот на печи спит. Мыши и коту даются самые разнообразные имена.

Загадки о человеке

а) О внешнем виде человека, частях его тела. О человеке вообще довольно распространена загадка:

Утром — на четырех ногах,
В полдень — на двух,
Вечером — на трех (1337).

Она знакома почти всем европейским народам. По преданию, ее загадывал сфинкс, погибший после того, как Эдип разгадал ее. Остальные загадки в разных комбинациях деталей так описывают внешний вид человека:

Стоят вилы,
На вилах грабли,
Над граблями ревун,
Над ревуном сапун,
Над сапуном глядун,
Над глядуном поле,
А за полем дремучий лес (1338).

Почти все части человеческого тела представлены в загадках, и таких загадок много. Если сравнить загадки разных тематических отделов, то можно сказать, что внимательнее всего человек наблюдал себя. Особенно много разнообразных загадок про глаза, зубы, язык. Глаза — братцы, яблочки, яички, озера, клубки, собольки и т. д. Уподоблений очень много. Отмечается, что глаза опушены ресницами, веки мигают, глаза не видят друг друга,[39] из глаз текут слезы. Особые загадки говорят о взгляде человека: «Что острее меча?» (1442). Это «длинные вожжи, до неба хватают, а вокруг головы не хватают». Так своеобразно отразила загадка невозможность видеть сзади.

Не менее многочисленны и разнообразны загадки про зубы. Они уподобляются овцам, курочкам, голубкам, яичкам, лебедям. Описывается и процесс еды:

---

[39] Ф. И. Буслаев отмечал сходство этой загадки с сербской пословицей: «Очи все видят, а себя не видят» (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, с. 72).

Белые силачи рубят калачи,
Красный говорун подкладывает (1513).

Этот мотив варьируется во многих загадках про еду. О языке загадка говорит как о доске, всегда мокрой, но не гниющей, мокром теленке, жеребце, который не может выскочить. Образы в загадках о языке многообразны, ярки и изобретательны.

Среди загадок о человеке есть загадки и о невещественных, отвлеченных понятиях: уме, мысли, сне. Все это как-то овеществляется. Мысль «в огне не горит, в воде не тонет» (1592). Ум «ни на меру, ни на вес, у всех людей есть» (1591). Сон «и рать и воеводу — всех повалил» (1595).

В образе птицы, срывающей цветы, никого не боящейся, имеющей власть над всеми, изображается в загадках смерть. Мимо дуба с этой птицей никому ни пройти, ни проехать (1630—1645). Большинство этих загадок построено в форме рассказа-притчи, лексика их несколько архаична. Возможно, они связаны с рукописной традицией, тем более что на страницах старых рукописей такие загадки встречаются.[40] Неясно, почему во всех загадках смерть — птица. А. Н. Афанасьев считал это связанным с тем, что заразу, мор разносит ветер. Птица тоже летает, отсюда и образ смерти-птицы.[41] Но это объяснение весьма спорно.

Несколько загадок есть про покойника, про гроб. Это кафтан, сшитый не для себя, а кому сшит, тот не видит. Такой мотив варьируется во многих загадках. Одна загадка про похороны, как считают исследователи, отразила начальные века распространения христианства на Руси:

Идут девки лесом, поют куролесом, несут пирог
с мясом (1665).

Д. Н. Садовников писал о ней: «Загадка времен язычества. „Куралесом“, как думают, искаженное греческое слово (кириэлейзон). Петь куралесом — петь невесть что».[42]

Исследователи считают, что некоторый след оставил в загадках и древний обычай везти покойника на санях.

---

[40] См.: Перетц В. М. Студії..., с. 169.

[41] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 527—528.

[42] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, с. 328, № 2105.

Про похороны существует довольно распространенная и встречающаяся в большом количестве вариантов загадка:

Певунчики поют, ревунчики ревут,
Текунчики текут, бегунчики бегут,
Сухо дерево везут.
В сухом дереве не пыхнет, не дыхнет,
не ворохнется (1668).

В. П. Аникин высказал предположение, что она составляла когда-то одно целое с загадкой про сани:

Поползушки ползут,
Побегушки бегут (4457).

В таком объединенном виде она говорила «о похоронах на санях — весьма древнем обычае, первые известия о котором идут с XI в.».[43]

б) Загадки о родственных отношениях, семье. Загадок на эту тему немного. Остроумно подмечены взаимоотношения в большой крестьянской семье:

Семь топоров в подлавице смирно лежат,
Две прялки рогами врозь (1686).

Бытует самостоятельно загадка из сказки:

Долг плачу и в долг даю, за окошко кидаю
— Отца кормлю, сына кормлю, дочь кормлю (1694).

Нередко загадки о семье соединяются с задачами:

Мать с дочерью, да мать с дочерью,
Да бабушка со внучкой, а всего трое (1696).

Родственные отношения хорошо представлены в образах загадок о разных предметах. М. А. Рыбникова писала, что в образах загадок отразился родовой круг родственных, семейных связей.[44] Вряд ли, однако, это родовой круг, скорее всего это круг большой патриархальной семьи, где «лютая свекровь семью стережет» (матица — 3006) или «стоит свекровь на току и грозится на сноху» (кошка и мышь — 1207).

в) Загадки об одежде и украшениях. Загадки описывают простую крестьянскую одежду в наибо-

[43] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 3-е, с. 295.
[44] Рыбникова М. А. Загадки, с. 30.

лее общих чертах. Мы не встретим загадок о своеобразной, тем более местной одежде, но найдем загадки почти обо всех общераспространенных частях костюма. Загадки про тулуп говорят, что он «тепел, как хата; зимой греет, весной тяпет» (3992—3994). Рубашка всем нужна (4007), скачет и пляшет вместе с хозяином и на покой с ним идет (4001—4004), у нее один вход и три выхода (4006). Загадки про брюки включают мотив раздвоения дороги. (3998). Шапка — «друг, без которого мужик из избы не выйдет» (4032). Пояс «днем обручем, почью змеей» (4025).

Больше всего загадок про лапти. Отмечается их внешний вид: головка и четыре хвостика — завязки, материал, из которого сделаны лапти, своеобразное плетение крестиками. Последнее варьируется в разных загадках:

В лес иду — клетки кладу,
Из лесу иду — перекладываю (4045).

Весь в крестах, а почету нет (4057).

В лесу родился, в руках крестился,
на ногах умер (4056).

Загадок про сапоги тоже много. Половина из них отражает то время, когда сапоги были дорогой, праздничной обувью, нередко неудобной, сжимающей ногу:

Праздник годовой, парень молодой,
Надеет туго, говорит, что любо (4074).

Надевать сапоги трудно, а снимать и того хуже: «Стал тащить, пуп трещит» (4071). Загадки про рукавицы и перчатки отмечают вид их: перчатки — «пять мальчиков, пять чуланчиков» (4095—4100), а рукавицы — «четыре вместе, а один в отделе» (4089—4091). Есть загадки про валенок, чулок, сарафан, пуговицу, кольцо, бусы, бисер, веер, булавку. Но обо всех этих предметах загадки единичны. Много загадок про серьги. Это колеса, берда, колья, лебеди, висящие под лесом (4123—4130).

В загадках об одежде определеннее, чем в других тематических отделах, можно выделить городские загадки. Так, например, загадка про халат («Надевают для спокою, а снимают для учтивости» — 4009) бесспорно городская. Загадка про бриллиант тоже городская и скорее всего идет от XVIII века:

Во мне играет чистая вода, хотя я сух;
Во мне сверкает огонь, хотя я не жгуч;
Я стою много золота, хотя и вешу мало (4154).

г) Загадки о пище и питье. Они загадываются о простейшей еде, не касаются сложных кулинарных изделий. Нет загадок про торт и пирожные, конфеты, различные виды мясных и рыбных блюд. Загадывают про кисель, лапшу, кашу, щи, пельмени, молоко и масло, пахт, яичницу и яйцо. Из питья — квас, брагу, пиво, водку, чай и кофе. Обо всем этом загадок небольшое количество. Часто одна загадка отгадывается по-разному. Так, например:

Бился баран с козлом,
Помутилась вода с песком. — Пахт (4334).

Бился Лука с Петром,
Помутилася вода с песком,
Были бы свидетели при том. — Затирка киселя (4319).

Бодался баран с овцой,
Замутилася вода с песком. — Квашня и мутовка (4207).

Помутилася вода с песком,
Побранилися Лука с Петром,
А я без Федора и в суд нейду. — Хлебы замешивают (4174).

На устье на Устьинском,
На берегу на Мурманском
Разодрался Лука с Петром,
Помутилася вода с песком,
А без Саввы судить нельзя. — Вода кипит (4372).

Загадка про звезды, о которой писал Афанасьев («Бежали овцы по липову мосту»),[45] встречается с разными отгадками и в разделе загадок о пище:

Бежит, бежит овечка по липовой дощечке,
Увидала зорю и пала в воду. — Булку на лопатке
сажают в печь (4212).

Бежали овцы по калиновому мосту,
Увидали зорю — покидались в воду. — Пельмени (4325).

Катилися каточки по липовым мосточкам,
Увидели зорю, бросились в воду. — Бруснику катают,
горох варят (4327).

---

[45] Эту загадку А. Н. Афанасьев считал свидетельством наличия у славян такого же, как у греков, убеждения, «что звезды выходят ночью из океана и потом, с восходом солнца, снова в него погружаются (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. II, с. 131).

Очень возможно, что изначальна загадка именно в этом отделе, где она распространена, и все ее детали объяснимы просто и естественно: и каточки или овцы, и заря, и калиновый или липовый мост.

В разделе загадок о пище и питье много кратких и образных загадок, не повторяющихся, очень выразительных. Половина их относится к хлебу и блинам. Про хлеб, про все стадии его изготовления: про муку, приготовление теста, выпечку каравая — загадывают много. Про блины тоже: про их печение, про сам блин.

В сборнике Д. Н. Садовникова помещена одна загадка про хлеб: «Пирог с молитвой, без начинки»,[46] попавшая туда из сборника И. А. Худякова.[47] Д. Н. Садовников, а вслед за ним и В. П. Аникин объясняют смысл этой загадки тем, что перед разрезанием каравая обычно крестились.[48] Но скорее всего молитва перед нарезанием хлеба здесь не при чем: речь идет о каравае, пироге, в котором нет начинки, вместо нее — молитва. Загадка «пирог с молитвой, без начинки» включила не только основной текст, но и объяснение, что значит «пирог с молитвой», т. е. без начинки. Загадка: «Пирог без начинки», или «Пирог с молитвой», а отгадка — каравай, хлеб. Это подтверждается вариантом, приведенным Д. Н. Садовниковым:

Что обедали? — Пирог без начинки. — Каравай.[49]

Эта ошибка из сборника Д. Н. Садовникова перешла, к сожалению, и в последний сводный сборник «Загадки».[50]

д) Загадки о средствах передвижения. Если судить о средствах передвижения по загадкам, то главным образом ездят на лошади, впряженной летом в телегу и зимой в сани. Есть небольшое количество загадок про всадника, оседланную лошадь, почти про все детали сбруи. Бытуют загадки-разговоры телеги, саней и

---

[46] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 480.

[47] Худяков И. А. Великорусские загадки, изд. 2-е. — В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. VI. СПб., 1864, № 1564.

[48] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, комментарий к № 508.

[49] Там же, изд. 1-е, № 2407.

[50] Загадки. Л., 1968, № 4232.

лошади о сезонности их работы. В загадках про сани в большинстве случаев говорится о полозьях:

Два волка бежат, оба на небо глядят (4445).

А загадки про телегу обычно говорят о колесах: это братья, которые не могут догнать друг друга.

Не меньше, чем про телегу и сани, загадок про лодку. Видимо, сказалось то обстоятельство, что во многих районах летнее сообщение шло исключительно по рекам, а также опыт рыболовов. Загадки про лодку разнообразны. Она «без рук, без ног на брюхе ползет» (4468),

На одном полозу хлеба на год привезу (4469).

Езда на лодке сопряжена с опасностью:

Едет воз без колес,
А дорога без песку, а кнут без леску,
Сидит, погоняет, на смерть поглядает (4471).

Отразились в загадках и современные средства передвижения: пароход, паровоз, автомобиль, трамвай, самолет.

Загадки о трудовой деятельности человека

а) Посев и обработка хлеба, пашня, покос. Этот отдел очень обширен. Здесь загадки про орудия труда земледельца, про злаки, произрастающие в поле, про урожай, покос и луга. Около десяти загадок посвящено пахотной земле, три загадки — пахарю и одна — самой пахоте. Последняя, помещенная в сборнике И. А. Худякова[51] и перепечатанная Д. Н. Садовниковым,[52] больше нигде в собраниях не встречается; она построена как иносказательная речь и имеет определенный социальный оттенок:

Идет Худ на гору, идет Худ под гору,
Говорил Худ Худу: «Ты худ, я худ;
Сядь Худ на Худ, погоняй Худ Худом
железным прутом» (1951).

Две загадки про пахаря сочинены, видимо, в городе и утверждают, что пахарь при работе поет песни: «сам пе-

[51] Худяков И. А. Великорусские загадки, изд. 2-е, № 1009.
[52] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 1197.

сенки поет» (1949); что «сам сыт бываю и других кормлю» (1948). Третья загадка про пахаря связана, видимо, с тайной речью: пахарь назван тюрьюрь (1950).

Много загадок про плуг, еще больше про соху, которой до революции пахали землю в большинстве крестьянских хозяйств. Подчеркивается раздвоенная «нога» сохи: «Баба-Яга — вилами нога» (1967), железные сошники:

Лиса во всю зиму боса,
Весна пришла — в сапогах пошла (1963).

Соха «весь мир кормит — сама голодна» (1965). В этом мотиве можно усмотреть отзвук социальных противоречий: труженик-крестьянин, кормилец всего мира, сам голоден. Так же, как и в загадке про иголку:

Весь свет обшила,
Сама нагая ходила (4077).

Есть загадки про трактор; они сочинены в традициях старинных загадок, но в то же время напоминают и литературные четверостишья:

На водопой не хожу,
Овса не прошу,
Коли хочешь, попашу,
Коли хочешь, помолчу (2016).

Загадки про посев озимого хлеба в большинстве случаев варьируют один мотив:

Загану загадку, брошу через грядку,
В год пущу, годовинку жду (2031).

Про посеянное зерно, про всходы, про рожь и колос, про овес загадки очень поэтичны:

Спит на кургане курочка с серьгами. — Овес (2087).

В поле тычинка — золотая вершинка. — Колос ржаной (2066).

В. Я. Пропп видел некоторую связь загадки про посеянное зерно с образом шутливого отпевания покойника в святочных календарных играх:[53]

[53] Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963, с. 69.

Покойник, покойпик умер во вторник,
Пришел поп кадить, а он в окошко глядит (2049).

Загадок про уборку и обработку хлеба очень много, отмечены почти все этапы этой работы, используемые орудия труда. Серп обычно «маленький, горбатенький все поле обежит, домой прибежит, всю зиму пролежит». Все загадки про серп — а их более сорока — варьируют эти мотивы. В загадках про споп отмечается, что оп связан, подпоясан; опи часто напоминают загадки про веник. Много загадок про скирд, суслон снопов. Они разнообразны и говорят о способах составления снопов.

Четыре брата стоят под пятым
Головками в куче, а спинками врозь (2265).

Девять братов под десятым на матери стоят (2266).

Много загадок про подвозку снопов к овину, про овин со снопами, про ток, ворошение хлеба па гумне, мешок с хлебом, метлу, носило. Но больше всего загадывают про цеп и про молотьбу цепами. Эти загадки очень разнообразны, они используют звукоподражание, описывают материал, из которого делают цепы, уподобляют молотьбу бою и пр.

Не меньше, чем про уборку хлеба, загадок про косу и сенокос. Образы их изобретательны и поэтичны. Коса чаще всего щука, белуга, свинья, сорочки, рыбина белужипа, тень. И всюду подчеркивается, что «леса пали», а «горы встали», т. е. па лугах появились стога сена.

б) Загадки о занятиях и ремеслах. Кроме обработки хлеба, своего основного занятия, русский крестьянин в натуральном хозяйстве делал еще множество дел. В некоторых случаях, когда требовалась бо́льшая специализация, ему помогали сельские ремесленники, те же крестьяне. В загадках отражены почти все виды работ и нехитрые инструменты сельского ремесла. Главным инструментом, без которого не сделать никакой поделки из дерева, не построить жилище, был топор.[54] В загадках про топор отмечается его основное назначение — рубить, поэтому чаще всего встречаем мотив: «клапяется, кланяется, придет домой — растянется» (4531). Топор «в лес идет — домой глядит, из лесу идет — в лес глядит» (4527). В избе его кладут под лавку, острием к стене:

Лицом — к стене, а спиной — к избе (4537).

---

[54] Загадками про топор начинает Д. Н. Садовников публикацию в своем сборнике «Загадки русского народа».

Загадки про пилу варьируют тему: «Быстро грызет, мелко жует, а сама не глотает» (4545). Распространена такая загадка про пилу:

Принялась она за дело,
Завизжала и запела;
Ела, ела дуб, дуб,
Поломала зуб, зуб (4550).

Есть загадки про кузницу, молот, кузнечные меха, цепь,[55] клещи, гвоздь, бурав, алмаз, долото, коловорот, кочетыг для плетения лаптей и т. д.

Хорошо описана в загадках обработка льна от ее начальной стадии до приготовления холста. Загадок о каждом предмете и процессе не много, но охват темы почти исчерпывающий.

Загадки о жилище

а) О деревне, дворе, дворовом хозяйстве. Загадки дают довольно полное представление о деревне и крестьянском дворе. От деревни к деревне ведет дорога, загадки про которую многочисленны:

Когда свет зародился,
Тогда дуб повалился,
И теперь лежит (2700).

Если бы дорога встала, то до неба бы достала, если бы ей руки, она бы вора связала, а рот да глаза, она бы все рассказала (2704—2737). К каждому дому от дороги: тропка:

Одна мать к каждому дому — ребенок (2752).

На дороге глубокие колеи, верстовые столбы. Вдоль дороги тянется изгородь, которая охраняет поле:

Вьется, плетется, в лес волокется (2766).

— Редкой, крепкой, куда пошел?
— Кудряво, тебя стерегу (2776).

---

[55] Загадку про цепь: «Узловат Кузьма, развязать нельзя» (4562) — А. Н. Афанасьев считал отразившей имя покровителя кузнецов и ремесленников св. Кузьмы (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I, с. 561).

Недалеко от деревни стоит мельница:

Голова трясется, брылы дрожат,
Зубы вертятся, а из горла белый пар валит (2835).

Если это мельница водяная, то:

Сидит баба на юру,
Ноги свесила в реку (2839).

Если мельница ветряная:

Крыльями машет, а улететь не может (2857).

Отмечается и дороговизна помола:

Сидит баба на кочке,
Развесила усочки,
Не жнет, не молотит,
Только денежки колотит (2863).

Много загадок про жернова. Здесь есть притчи, идущие из древнерусской рукописной литературы:

Некоторая вещь под землей лежала, солнце ее не видало, адамовы внуки взяли ее на руки, посадили на престол, и стали ей верные и неверные кланяться (2880).

В деревнях были распространены ручные жернова, поэтому, видимо, так много о них загадок. Они уподобляются баранам, боровкам, морю и т. д. Мука, сыплющаяся из-под них, — пена, заюшка. В. П. Аникин считает,[56] что загадки про жернова весьма древние, так как в них находим уподобление боровкам:

Два борова дерутся, промеж ними пена бежит (2903).

Исследователь утверждает, что это след того времени, когда боровками называли баранов.

Открыв ворота изгороди, про которые тоже есть загадки, мы увидим амбарушки, сарай, поленницы дров у домов, бани в отдалении от жилых построек. Про банную каменку, банный веник загадок много, наверное, потому, что русский крестьянин любил попариться. В деревне мы увидим колодец с высоким оцепом и бадьей:

Стоит Орина выше овина,
Клонится, не переломится (2798).

[56] Аникин В. П. Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок. — Советская этнография, 1960, № 4, с. 47.

В деревне есть и кабак:

На край бережка стоит меленка
Не толкет, не мелет, только денежки берет (2813).

б) Загадки про крестьянскую избу. Крестьянская изба в загадках отражена во всех ее деталях. Стены, сложенные из бревен, проложены мхом: «Что гость, то постеля» (2987); они имеют гладкую внутреннюю поверхность и не тесаны снаружи: «На улице краюшки, в избе ломотки» (2984). Матица: «Мать в избе, рукава на дворе» (3003) — поддерживает потолок («Лютая свекровь семью стережет, свекровь рассердится — семья разбежится» — 3006). Пол и потолок «видятся, да не сойдутся» (3017), «одна коптится, другая топчется» (3015).[57] Грядки, голбец, брусья, окна, двери, притолоки дверные, залавочки, ставни, дверные петли и крюки, задвижки и замки[58] — все есть в загадках. Причем повторений и перекличек с другими отделами мало; загадки ярки и оригинальны, в их образы вложено много фантазии. Все в них учтено: и внешний вид, и материал,[59] из которого данная деталь, и функция, и название, и специфика.[60] Даже сучки и щели в бревнах нашли отражение в загадках.

в) Загадки об отоплении и освещении дома. Центральное место в крестьянской избе занимает печь. Ее «из избы не вытащишь» (3326), в ней хлебы пекут, на ней греются («Кто хлебы пек, на того бы и

---

[57] Д. Н. Садовников (Загадки..., изд. 1-е, с. 313) считал эту загадку указанием «на курные избы великорусских крестьян».

[58] Про загадку о замке Д. Н. Садовников (Загадки..., изд. 1-е, с. 314, № 102) писал: («Почти все загадки о замке и ключе очень двусмысленны, и некоторые не могли войти в этот сборник. Процент подобных загадок довольно велик, и можно смело сказать, что они принадлежат к числу самых распространенных... В основе многих лежат, вероятно, мифические представления и параллели, потерявшие для нас теперь значение и смысл». О двусмысленных загадках речь пойдет ниже; здесь можно только заметить, что говорить о мифических параллелях в загадках о предметах, совсем недавно появившихся, едва ли следует.

[59] Например, загадка про двери: «Елка смахнется, все люди оглянутся» (3132).

[60] Дверь крестьянской избы всегда отворялась наружу, в сени, загадка говорит: «В сенях ходит, а в избу не заходит» (3128).

лег» — 3333), она тепла зимой и холодна летом (3318). Загадка про печь, огонь и дым известна в записях еще XVIII века:

Мать толста, дочь красна,
Сын храбер под небеса ушел (3335).

Об этой загадке Д. Н. Садовников писал: «Одна из очень образных и распространенных загадок. Ее, наравне с загадками об игле, огурце, хлебе и некоторыми другими, знает в деревне каждый шестилетний ребенок. Они первые приходят ему на память».[61]

Рассказано и об углях в печи, и о полене, и о головешке, и об угаре, чаде. Много загадок про огонь, бегущий по лучине («Красненький котик по шестику ходит» — 3246), все пожирающий («Жевать не жую, а все пожираю» — 3235).[62] Еще больше загадок про дым. Он рождается раньше огня, взметается к небу и т. п. Сохранились загадки, описавшие дым в курной избе, хотя они могут быть отнесены и к дыму, просто набравшемуся в дом из неисправной печи:

Серое сукно тянется в окно (3218).

Ходит хам по избам,
Лезет хам ко глазам,
Отворю окошко: «Выйди хам хоть немножко» (3219).

Немало загадок относится к предметам, связанным с печью. Кочерга («Черный конь прыгает в огонь» — 3479; «Черный ворон золото клюет» — 3478) — всегда черный, вороной, сизый конь, корова или горбатая старуха, кривая собака, клюкова царица. Ухват — рогатый бычок, рогат, да не бык, два рога одна нога. Помело для выметания пода печи имеет самые разнообразные уподобления: собака, медведь, дед с бородой, волк, медвежья нога и т. п., но всегда отмечается лохматость.

---

[61] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, с. 314, № 144.

[62] Эту пожирающую силу огня, отраженную в загадках, отметил А. Н. Афанасьев (Поэтические воззрения.., т. II, с. 39). Загадку о высекании огня: «В камне спал, по железу стал, по дереву пошел, как сокол полетел» (3194) — он считал отражением предания о том, что огонь укрылся от воды в камень (там же, т. I, с. 255).

Освещение крестьянского дома представлено в загадках довольно полно: можно даже проследить историю освещения. Лучина изготовляется из полена («Разберу беляну одними руками, не собрать беляны всеми городами» — 3280), закрепляется в светце («Стоит волк на дубах, держит корочку в зубах» — 3268), с нее падают угли («Старый старичок под себя тюрю мнет» — 3274). А вот свеча «стоит столбом, горит огнем, ни жару, ни пару, ни угольев» (3283); ее «тело сально, душа портяна» (3291). Керосиновая лампа более сложна:

Стоит столб,
На столбе бочка,
А в бочке огонь (3305).

У нее «кишка в воде, а язык в огне» (3307). И, наконец, загадки про электрическую лампочку:

Висит груша — нельзя скушать (3309).

В связи с рассмотрением загадок о доме, его убранстве, отоплении и освещении целесообразно поставить вопрос, сохраняют ли загадки представления об архаичных предметах быта и обихода, или они в достаточной мере современны. Существует довольно распространенное мнение, что загадки широко охватывают жизнь, откликаются на все ее явления,[63] отражают исчезнувшие предметы быта и обихода.[64] Загадка широко охватывает жизнь, но только в части видимого, конкретного, осязаемого мира вещей и явлений, известных большому кругу людей в городе и деревне. Отражение в загадках исчезнувших предметов быта и обихода, что особенно видно в загадках про крестьянскую избу, ограничено. Каких-либо архаичных деталей в этих загадках обнаружить не удается. Нет сведений об окнах, затянутых бычьим пузырем или слюдой, об иных, кроме печки и каменки в бане, формах очага. Есть загадки про волоковое окно. Это архаизм для нашего времени, но не для XIX века — времени записи таких загадок (3085—3094). Кроме того, загадки эти прикрепляются впоследствии к сходным по функции и виду деталям: ставень, форточка, задвижка (3162, 3101, 3085—3094).

---

[63] Чичеров В. И. Русское народное творчество, с. 327.
[64] Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 72.

Изображая конкретный мир вещей и явлений, окружающих человека, загадки дают богатый материал для истории материальной культуры, быта и труда. Но все сведения с уверенностью можно отнести только к тому времени, когда загадки записаны. Это могут быть очень древние сведения, так как большинство предметов, о которых загадываются загадки, существует на протяжении веков. Но как нет загадок о предметах, известных немногим людям, так и нет их и об исчезнувших из обихода предметах.

Чтобы загадка была отгадана, нужно, чтобы предмет, его вид, функция, свойства были хорошо известны людям. Отраженный в загадках мир предметов и явлений в значительной мере устойчив и уверенно может быть отнесен к тому периоду, когда загадка бытовала, была зафиксирована. Изменения в быте и труде людей можно проследить только в случае, если загадки записывались в течение длительного времени, когда происходило исчезновение одних и появление других предметов, как это мы видели в загадках об освещении дома. История освещения занимает небольшой период: все это время записывались загадки. Если бы записи середины XIX века не донесли до нас загадок про светец, вряд ли мы знали бы их в таком большом количестве, да и вообще знали бы. Кто может сейчас отгадать загадку о светце, если увидеть его можно только в музее? С уходом предметов из быта и обихода человека уходит и загадка, с появлением новых предметов — появляются и новые загадки. Поиски в загадках архаичных деталей, описаний исчезнувших предметов следует вести с учетом указанного обстоятельства.

В связи с этим необходимо отметить одну деталь. Многие публикаторы выделяют в собраниях особый отдел — «Современные загадки» или даже «Загадки советского периода». Думается, что этого делать не следует, так как в устной передаче бытуют только современные загадки, о современных предметах, отгадываемые современными людьми. Те же, что относятся к предметам, вышедшим из обихода, извлекаются из старых записей. Загадки — старинный жанр и в то же время современный. Загадки про солнце могут быть очень древними, но они же и современны. Говорить можно не об архаических и современных загадках (так делить их можно только разве по художественной специфике; попытка такого деления и будет сде-

лана ниже при рассмотрении исторического развития жанра), а о выявлении загадок о новых предметах.

г) Загадки об убранстве дома. Убранство крестьянского дома было нехитрым, и загадок о нем немного. Именно потому, что это загадки об элементарных вещах, понятны и в городе, они бытовали и в городской среде. Больше всего загадок про стол, стул, рукомойник, зыбку, часы и веник. Единичны загадки про зеркало, картину, портрет, скамейку, шкаф, кровать и подушку. Единичные загадки про зеркало сохранили в своих образах любопытные детали старинного изготовления рамок для зеркала из кожи,[65] из соломы, а не только из дерева:

Поле водяно, огороды кожаны (3575).

Золото гумешко. овсяный бережок (3577).

Ток серебрян, берега мякинны (3578).

О кровати загадывают, обязательно подразумевая, что она с периной или с перовыми подушками:

Четыре ноги, да не зверь,
Есть перья, да не птица (3528).

Значительно больше загадок про постель, убирающуюся на день и расстилаемую на ночь:

Днем — комком, ночью — поженкой (3519).

Загадки про стол и стул развивают мотив «четыре брата под одной шляпой». В загадках про часы подчеркивается, что они ходят, не сходя с места; считают наш век, стучат. Про веник загадывают, пожалуй, больше всего. Он и гудок, и паутя, и маленький шарик, и Макарчик, Ерофейко, Афанасий. Он «подпоясан коротенько, по избе бегает», а «устряпался гудок, сел в уголок» (3642).

В загадках про зыбку подчеркивается постоянное движения зыбки на очепе:

Без рук, без ног,
Все скок да толк (3535).

---

[65] Подробное объяснение загадок про зеркало дано В. П. Аникиным в комментарии к 3-му изданию сборника Д. Н. Садовникова «Загадки»..., с. 272, № 279—281.

Стоит пои голенаст,
Он и кланяться горазд (3537).

Кланяется и рукомойник. В большинстве загадок имеется в виду глиняный рукомойник, висящий на веревочках:

Два рожка, два ушка, посредине донышко (3490).

Висит кикла[66] на двух жилках (3494).

Но есть загадки и про медный или жестяной рукомойник:

Медный кабачок, воробушка целовальничек (3497).

Над кислой рекой колокольчики звонки (3493).

В. П. Аникин объясняет загадку, где рукомойник — медный кабачок, таким образом: «Одна из прекрасных народных загадок, говорящая о тонком чувстве поэзии у крестьянина. Медный кабачок, рукомойник из меди, назван целовальником, то есть тем, кто поит. Воробьи, живущие под стрехой у крестьянских изб, часто находят чистую воду для питья в открытых подвесных рукомойниках.[67]

Среди загадок про рукомойник есть одна, попавшая сюда, видимо, случайно:

На море невестка колыблется,
На небе деверья дивуются,
Как она, черт, не оборвется (3498).

Загадка записана Г. Парихиным в Новгородской губернии.[68] Из его собрания (хотя об этом и нет указаний) она, видимо, попала к И. А. Худякову[69] и к Д. Н. Садовникову.[70] Такая же загадка была опубликована И. П. Сахаровым.[71] В сущности эти два варианта, кочевавшие по

---

[66] «Кикла» — только в сборнике Д. Н. Садовникова и И. А. Худякова, у других собирателей — «Килка», видимо, от «кила»; перечень вариантов см.: Загадки. Л., 1968, с. 209.

[67] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 272, № 262, комментарий В. П. Аникина.

[68] Русские народные загадки (собраны Г. Парихиным в г. Тихвине Новгородской губ.). — Маяк, 1842, т. 6, гл. III, с. 50, № 24.

[69] Худяков И. А. Великорусские загадки, изд. 2-е, № 1197.

[70] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 261.

[71] Сахаров И. П. Сказания русского народа, кн. 2. СПб., 1841, с. 100, № 155.

сборникам без указания источника. Так благодаря традиции не указывать источник публикации в сводном сборнике создается ложное представление о распространенности одной записи. Загадка эта, очевидно, по ошибке прикреплена к рукомойнику. В 30-х годах нашего века она была записана Н. П. Колпаковой на Терском берегу Белого моря с другой отгадкой:

На море невестки колеблются,
В лесе деревья дивуются,
Стать волочить, рукава омочить. — Рыбу ловят неводом.

С такой отгадкой загадка более ясна (хотя запись ее явно дефектна), образы и смысл лучше согласуются с загадываемыми предметами.[72] Возможно, что она была переосмыслена в районах, далеких от рыболовства, лодок и неводов.

д) Загадки о посуде и утвари. Среди загадок о посуде преобладают загадки про глиняный горшок. Тут просто горшок, горшок на ухвате, на столе, в печи. В многообразных загадках про горшок доминируют рассказы о его изготовлении и назначении. Почти все загадки представляют собою варианты своеобразной «биографии» глиняного горшка:

Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре. Молод был — людей кормил, стар стал — пеленаться стал, умер — мои кости негодящие бросили в ямку, и собаки не гложут (3699).

Одни загадки разрабатывают рассказ полностью, другие берут только детали. Встречаются варианты, рассказывающие об этом в духе библейских легенд:[73]

Взят от земли, как Адам, посажен на колесницу, как Илия, вывезен на торг, как Иосиф; берут, покупают, для дому набирают; принесут — он растужится, расплачется, помрет — не горюют, похоронят — не плачут (3697).

---

[72] Колпакова Н. П. Северная загадка (Из записей фольклориста). — Звезда Севера, 1935, № 6, с. 67, № 24.

[73] Форму притчи этих загадок, смесь книжного, церковнославянского с разговорным в языке отмечал Д. Н. Садовников (Загадки..., изд. 1-е, с. 316, № 334).

Загадки про горшок на ухвате разрабатывают два мотива:

Нет такого мудреца, как Ивана хитреца:
Сел на конь и поехал в огонь (3750).

Загнала на двор быка,
Во хлеву рога, а хвост в руках (3757).

Загадки об остальной посуде крестьянского обихода малочисленны. Несколько загадок про чугун отмечают его черный цвет. Есть загадки про подойник, ушат, кадку, туес, котел, лоханку на ножках, квасник, жбан, кувшин, корыто, кринку, блюдо, чашку, сковороду, поварешку, солоницу, бутылку, нож и вилку, корзинку. Набор посуды и утвари достаточно богатый, но загадок о каждом из этих предметов немного. Несколько выделяются по количеству посвященных им загадок ведро и коромысло, ковшик, самовар, сито. Загадки очень лаконично рассказывают о материале, из которого делают сито для просеивания муки, и о способе изготовления:

Дело свято с липы снято.
Через колено гнуто. шилом ткнуто,
По краешкам тпрусенька, посередке тпру! (3932).

Загадки про утюг пришли в устное бытование из детских книг совсем недавно. Их книжный характер очевиден, но в записях они встречаются часто.

Загадки о музыкальных инструментах

Загадки о музыкальных инструментах единичны. Есть несколько загадок про балалайку, гудок. Все они отмечают один мотив: «В лесу вырос, на стене вывис, на руках плачет, кто слушает, скачет» (4790). Есть загадки про гитару, скрипку, гармонь, барабаны. Про рояль говорят: «Стоит корова орать здорова» (4804). Загадка эта, встречающаяся в записях второй четверти XX века, сочинена, возможно, школьниками. Много загадок о радио. Часть из них напоминает загадки о почте и письме: «За морем птичка поет, сюда голос подает» (4808). Некоторые пришли из книги и представляют собою короткие стишки (4813, 4814).

Загадки о грамоте и письме, книге, почте, буквах алфавита

Загадки о грамоте и письме возникли не ранее распространения на Руси письменности, так же как загадки о предметах и служителях христианской религии — не ранее введения христианства. Можно установить, ранее какого века эти загадки не могли появиться, но в какой из последующих веков возникла та или иная загадка, сказать трудно. Все они свидетельствуют о большом культурном и общественном сдвиге в жизни народа, говорят о том, что загадка — живой, активный жанр, откликающийся на крупные явления жизни общества. В данном случае значительная веха в культурной жизни была отмечена появлением целой серии новых загадок. Можно сказать, что загадки охватывают все основные предметы, связанные с грамотой, с письмом. Но так же, как в других разделах, загадок об ушедших из обихода предметах не зафиксировано. Загадывают про гусиное перо («Жил, был — не говорил, умер — чудеса творит, все говорит» — 4828) и про карандаш («В деревянной рубашке черная душа» — 4824). Но про те принадлежности письма, которыми пользовались в XIII—XV веках, загадок нет. Или их и не было, или они утрачены с утратой предмета. Гусиное перо в XIX веке, времени записи загадок про него, еще применялось в живой практике, потому и загадок про гусиное перо записано немало.

Загадки загадываются о чернилах, буквах, книге, письме, газете, почте, о почтальоне с письмом, об очках, помогающих читать. Больше всего загадок про бумагу, буквы и пишущего. Они развертывают мотив поля, пашни и семян, которые сеет знающий. Много загадок про книгу, которая рассказывает без языка и без голоса, про почтовое письмо, где большинство загадок варьирует мотив: «В лесу дрова рубят, домой щепки летят» (4886). Об остальных предметах, связанных с письмом и чтением, загадки единичны. Следует отметить, что в разделе о грамоте много загадок, которые напоминают видоизмененные загадки о других бытовых предметах или носят книжный характер. Так, среди загадок про карандаш, немало вариантов, пришедших, видимо, из детской литературы:

Черный Ивашка, деревянная рубашка,
Где пройдет, там след остается (4820),

Среди загадок про гусиное перо некоторые напоминают притчи о глиняном горшке, о петухе:

Дважды рожден, ни разу не крещен, взяли его, зарезали, сердце вынули, и дали ему пить, и стал он говорить (4836).

Родился от плоти, нет во мне крови, читать не умею, писать горазд; кто голову мою срубит и сердце мое вынет, того я научать буду (4831).

Загадки про бумагу, буквы и пишущего похожи на загадки про небо, звезды, месяц. Сюда даже попала такая: «Поле белеганско, скотина чернеганска, один пастух, как ракитов куст» (4845). Есть загадки про бумагу и буквы, восходящие к древнерусской литературе. Они напоминают загадки про время, про снег, также связанные с рукописями: «Бысть некая вещь, светла, распростерта, на ней черны птицы, две призирают, три созидают, один повелевает» (4854). Загадка про письмо («Я молча говорю издалека с тобою, не слышу, не смотрю, но то, что видели и слышали, — открою» — 4878) сочинена, видимо, в XVIII веке. Про почтальона с письмом загадывают почти так же, как про священника с евангелием:

Идет мужик, не баба.
Несет пирог, не сгибень (4908).

Но это не значит, что все загадки о грамоте и письме заимствованы. Среди них много оригинальных, не связанных ни с образами других разделов, ни с литературой.

К загадкам о предметах, связанных с грамотой, письмом, книгой, примыкают загадки про буквы алфавита, которые сочинялись прежде, сочиняются и в наше время. Их отгадывание требует внимания, сообразительности и, конечно, грамотности. Они занимают промежуточное положение между собственно загадками и шарадами. Это, например, такие:

У бога есть, у царя нет,
У Бориса впереди, а у Глеба назади,
У бабы две, а у девки ни одной. — Буква «б» (5316).

Распространены также вопросы о названиях букв как славянского, так и нового алфавита: [74]

---

[74] О возможности отнесения их к загадкам см. раздел «Жанровые группы, близкие загадкам».

Что возле земли стоит? — Иже (5323).

Знаешь город Уфу?
Ну-ка скажи, что посреди Уфы стоит? — Буква «ф» (5339).

Загадки о времени, смене дня и ночи, годе и т. п.

Понятие о времени вообще отразилось в загадках-вопросах:

Что возвратить нельзя? (4917).

Что быстрее мысли? (4918).

Есть загадки о смене времен года, про зиму, весну, лето, осень. Больше всего загадок про год, месяцы, дни недели. Большинство из них построено в виде рассказа-притчи. Год — это куст, дерево с двенадцатью сучками или гнездами. Иногда это старик, у которого двенадцать сыновей. Возможно, что подобные загадки восходят к рукописным источникам. Загадки про день и ночь, неделю менее сложны. Они подчеркивают темноту ночи и сравнивают ее с темным крылом, сукном, кошкой, волом. День соответственно белого цвета. День и ночь антагонисты, они не могут быть вместе.[75] Белый вол, сокол поднимает людей, а черный — «всех повалил».

Загадки о предметах, связанных с религией

Наиболее распространенные из загадок о предметах, связанных с религией, загадки про церковь, колокольню, колокол и колокольный звон, священника и людей в церкви. Про крест, часовню, дьячка, евангелие, лампаду, крещение, монашек загадки единичны. Среди всех этих загадок мало вариантов с печатью книжного происхождения. Некоторые являются переосмыслением загадок о других предметах. Так, отдельные варианты загадок про колокол и звон перекликаются с загадками про тучу и гром:

Ржет жеребец на перегороде,
Слышно его голос во Новегороде. — Гром (290).
Колокол и звон (5055).

---

[75] Это отмечал А. Н. Афанасьев (Поэтические воззрения..., т. I, с. 104).

Большинство загадок оригинальны, изобретательны, часто дерзки по образам: колокол — бык; церковь — клеть, тычина; священник — петух-певец. В. П. Аникин утверждает, что это связано с тайной речью, с запретом прямо называть некоторые предметы в определенных ситуациях. На охоте, рыбной ловле, в лесу, в поле да и дома нельзя было произносить названия христианского бога, святых: это могло оскорбить языческих хозяев природы и дома. В связи с необходимостью усвоить тайные названия и возникали загадки о предметах культа, которые нельзя было называть.[76] Отчасти это может быть и так, хотя запретов было, видимо, значительно больше, а загадки охватывали и другие, не входившие в число запрещенных предметы. Кроме того, дерзость, сниженность образов этих загадок вряд ли связаны с запретами. Все это предположения, но бесспорно, что обилие загадок о предметах и служителях культа не свидетельствует о религиозности русского народа. Как раз наоборот: именно отсутствие почтения к предметам и служителям христианской религии позволило сочинять дерзкие, остроумные загадки, а это их качество обеспечило им устойчивость и распространенность в устном репертуаре. Большинство из них было сочинено в традиционной народной манере, что тоже способствовало их устойчивости.

Загадок о религиозных праздниках мало. Это главным образом загадки о постах. Значительно больше загадок о героях и событиях религиозных легенд. Здесь Адам и Ева, Лот с женой, Каин, Моисей, Ноев ковчег и т. д. Преимущественно это вопросы:

Кто и родился, да не умер? — Илья-пророк (5161).

Кому жена была солона? — Лоту (5165).

Все они мало распространены и почти не имеют вариантов. Для их разгадывания нужно знание Библии, Евангелия, чего, конечно, не было у широких народных масс. Мы можем предположить, что загадки эти попали в собрания из рукописей или записаны от людей начитанных, религиозных. Но точно ничего сказать нельзя, так как

---

[76] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок, с. 21—23.

в записях и публикациях русских народных загадок, как уже отмечалось, в большинстве случаев отсутствует указание, от кого и где записано.[77]

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАГАДКАХ

Как было показано, загадки в своей тематике не выходят из круга предметов и явлений, близких человеку в его повседневной жизни и труде, наблюдаемых, видимых, осязаемых, часто встречающихся, известных большому количеству людей в их личной практике. Загадки связаны с частными, конкретными предметами, а не с общими, отвлеченными понятиями. Нет загадок о событиях, в том числе и о событиях исторических. Но ни один жанр фольклора не может быть абсолютно безразличен к тем социальным и историческим факторам, которые определяют жизнь его носителей. Исторические события отразились в загадках косвенным путем.

Отзвуки исторических событий можно обнаружить в тех описаниях, рассказах и образах, которые иносказательно изображают предмет загадывания. Так, например, в загадках про коробочку с семенами мака, про сон видим картину укрепленного города, войска и воеводы в допетровской Руси:

На тычинке городок,
В нем семьсот воевод. — Маковка (2540).

И рать и воеводу — всех повалил. — Сон (1595).

Возможно, что воспоминание об укрепленных городах древности есть и в загадках про ложки вокруг чашки, про людей за столом:

Вокруг ямы с булавами (4280).

Те же образы и в загадке о еде ложкой:

Волокут кривульку через тып да на улку (4295).

---

[77] Этим разделом мы завершаем тематический обзор загадок. О шутках и задачах, обычно публикуемых в сборниках, речь пойдет ниже, в разделе «Жанровые группы, близкие загадкам».

Правда, последняя загадка, может быть, имеет в виду изгородь, плетень в средне- или южнорусских деревнях, а не тын старого города. По поводу загадки про ветер («Летит тархан по всем торгам, без пол кафтан, без пуговиц») В. П. Аникин писал: «Тархан — вотчинник, свободный от всех податей. Здесь тархану уподоблен ветер, он свободен, с него никто не возьмет подать. Загадка сложена в средневековье и отражает старинные порядки».[78]

Какую-то связь с завоеванием Казанского ханства Иваном IV имеет название «поле Арское», которое часто встречается в загадках. Среди русского населения Татарской АССР бытует много загадок, где упоминается Арск,[79] Арское поле. Так, в сборнике «Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР» помещена следующая загадка:

На поле на Арском,
На рубице татарском
Стоят столбы белены,
На них шапочки зелены. — Березы.

На поле на Арском
Стоят ногти-когти дьявольские. — Репей.[80]

Составительница сборника В. Ф. Павлова считает, что это отголосок далекого прошлого Казани, картина Арского поля, бывшего пустыря в Казани, поросшего травой и репейниками.[81] Думается, однако, что это предположение верно только отчасти, и здесь мы имеем дело с более далекими историческими воспоминаниями, такими же, как в загадках про молотьбу на току:

На поле на Арском, на порубеже татарском
Лежат все побиты, бороды побриты, а брюха распороты
(2328).

Арское поле, часто в сочетании с татарским или ногайским рубежом, находим в загадках, записанных в самых

[78] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 323, примеч. В. П. Аникина к № 1990, с. 323.

[79] Арск — районный центр в Татарской АССР. Арское поле — название пустыря в старой Казани.

[80] Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. Сост. В. Ф. Павлова. Под ред. В. И. Чичерова. Казань, 1955, с. 222, № 65—66.

[81] Там же, с. 17—18.

различных областях. Только историческими воспоминаниями, но никак не местными деталями, известными ограниченному кругу людей, можно объяснить присутствие этих названий в загадках разных районов.

Другой пример исторической реалии. В загадке, рассказывающей о разговоре крысы и петуха, кот часто именуется «кесарей», «косарей». Д. Н. Садовников считал, что слово «кесарей» напоминает «кис-кис».[82] Более прав, очевидно, В. П. Аникин: «Корень этих слов при некотором и явном искажении связан со словом кесарь, что означает царь. Таков был титул римских императоров. Отъезжая за границу, Петр I поручил управление Россией князю — кесарю Ромодановскому. Нет ли у загадки какого-нибудь иронического смысла в духе лубочной сатиры на Петра и его приближенных, как мыши кота хоронили».[83]

М. А. Рыбникова, рассматривая социальную природу загадок, доказывала, что преобладающее большинство загадок создано и бытовало в среде тружеников, крестьян.[84] Об этом свидетельствуют отбор предметов для загадывания, образы загадок, а также то знание предмета, способа его изготовления, назначения, всесторонней его пользы или вреда, которое обнаруживает непосредственного участника производственного процесса. Исследовательница отмечала, что вещь в загадке «дается определенного круга и с определенной точки зрения, производственная установка ясна».[85] Социальная ориентация загадок ощущается не только в том, какой предмет и как подан, но также и в том, «с помощью какого образа, какой метафорой предмет выражен».[86] Так, в загадках про месяц образы определены особенностями жизни скотовода (в тех вариантах, которые уподобляют месяц быку, жеребцу) и землепашца (где месяц — краюшка хлеба, пирог, звезды — горох и т. д.).[87] С этим нельзя не согласиться, но необходимо иметь в виду, что связь загадок с первобытным скотоводческим бытом может быть весьма отдаленной и нельзя все загадки с образом животного

---

[82] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, с. 325, № 1561.
[83] Там же, изд. 3-е, с. 313, № 1626.
[84] Рыбникова М. А. Загадки, с. 33.
[85] Там же, с. 30.
[86] Там же, с. 25.
[87] Там же, с. 25—29.

или вообще деталью скотоводческого быта возводить к доземледельческой поре жизни народа, как это иногда делалось А. И. Афанасьевым, Ф. И. Буслаевым и др., делается до сих пор, несмотря на то что ошибки ученых мифологической школы давно всеми поняты. Та же М. А. Рыбникова писала по поводу сочинения школьниками новых загадок: «Тенденцию назвать доску „полем“ мы встречаем и у тех современных подростков, которые совершенно далеки от земледелия: земледелия нет, но в сознании держится упорно какой-то ряд исключительно прочных ассоциаций».[88] Не следует преувеличивать в загадках черты скотоводческого быта или быта крестьянина-земледельца, но демократическая, трудовая ориентация загадок очевидна.

Многие загадки имеют определенное и направленное социальное звучание, хотя говорят не о людях и не об их отношениях, как пословицы. Чаще всего общественный смысл в загадках достигается двумя способами: 1) уподоблением самых обычных, обыденных предметов быта представителям правящих классов, 2) избранием бытовых, подчеркнуто сниженных предметов уподобления в загадках о служителях и предметах культа. И в том, и в другом случае создается комический эффект. Так, например, когда в загадке про кочан капусты говорится, что «стоит попок низок, сто на нем ризок» (2478), первое ощущение отгадывающего — удивление: он озадачен, воображение рисует низенького попа, который и в одной-то ризе почти круглый, а в ста и совсем шарообразный. Оказывается, что это кочан капусты. Есть ли здесь насмешка над попом, над служителем культа? Прямого социального звучания загадка не имеет, но она достаточно дерзка. Это уподобление кочана капусты попу не случайно и не так уже безобидно, если учесть, что в других вариантах этой загадки просто говорится: «Ни высок, ни низок», «Антипка низок» (2473—2480).

Подобный же пример находим в загадках про курицу, где обычное наименование курицы — Параша, Малаша, Харитонова жена и т. д. (955—959) заменяется барыней, барышней. В этой, как и в предыдущей, загадке есть ирония, насмешка, что особенно ощущается в контексте, в той картине, которая рисуется воображению:

---

[88] Там же, с. 44.

У барыни семьдесят семь платьев;
Выйдет на улицу — спина гола. — Курица (954).

Нередко барыне уподобляется также печь (3327). В. П. Аникин писал по этому поводу: «Сравнение печи с барыней характерно для насмешливо-иронического склада крестьянского ума: печь и толста, и бела, и грузна — настоящая барыня. В таких сравнениях определенно сказывается классовый характер эстетических оценок народа».[89] Насмешливое отношение к господам видит В. П. Аникин и в уподоблении помела барыне.[90]

Определенное отношение к господам можно видеть и в картине молотьбы:

На поляне, на кургане подрались дворяне;
Не видать ни костей, ни мастей,
Только видно, где дрались (2334).

В. П. Аникин видел насмешливо-отрицательное отношение к дворянам в том, что «о масти говорят применительно к лошадям, а здесь — люди».[91] Думается, насмешка здесь шире, она во всей картине.

Непочтительное обыгрывание христианско-церковных представлений о душе и теле, характерное для крестьянского сознания, видит В. П. Аникин[92] в загадке про свечу:

Тело бело, душа портяная, маковка золотая (1292).

В загадке про петуха он усматривает «кощунственный образ священнослужителя или монаха с долгими волосами. Это диковинное существо стоит на двух когтях»:[93]

Стоит Хам на двух когтях, власы его до земли,
голос до господа бога (991).

Вольное обращение с церковно-религиозными темами, «сплошное кощунство с точки зрения церковника», очевидно в загадках про петуха, уподобивших птицу пророку, певчему, пономарю.[94] Дерзки уподобления и в за-

[89] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, комментарий к № 130.
[90] Там же, № 336, с. 273.
[91] Там же, № 1299, с. 303.
[92] Там же, № 219, с. 270.
[93] Там же, № 990, с. 293.
[94] Там же, № 989, с. 293.

гадке про каменку:

Архиерейская шляпочка,
Вся она в заплаточках (2939).

Еще более неприглядная картина в загадке про замок:

На реке на Клязьме два бога огрязли,
Пришел Спас, выткнул Миколе глаз (3172).

Все это и смешно и кощунственно. Так путем уподобления бытовых предметов представителям господствующих классов, мотивам и героям религиозных легенд, предметам церковного обихода в загадках достигается иронический эффект; безобидная на первый взгляд загадка приобретает социальную окраску.

Иронический оттенок создается и путем уподобления предметов культа и его служителей подчеркнуто низким предметам: «На каменной горке воют волки». — Колокол и звон (5061); «Бык ревет, хвост до неба дерет». — Колокол (5071); «Во ельничке густом, во березничке частом олень машет хвостом». — Поп кадит (5088).

Колокол — бык или вол, поп — ворон, олень, машущий хвостом, — во всех этих уподоблениях мало уважения, они очевидно насмешливы по отношению к предметам загадывания, поэтому социальный смысл их не менее ясен, чем в загадках, прямо направленных против служителей культа, таких как следующая:

Кто с живого и с мертвого дерет? — Поп (5094).

Изображая конкретный мир вещей и явлений, окружающих человека, мир, далекий от социальной и классовой борьбы, исторических сдвигов и битв, загадки все же не беспристрастны, не безразличны к той классовой и социальной среде, в которой они бытуют и создаются.

Глава третья

Художественное своеобразие и историческое развитие загадок

В художественных принципах, манере построения загадки, ее образов не представляется возможным проследить сколько-нибудь значительное единство. Единообразие обнаруживается только в трех особенностях строения загадок: чтобы не перестать быть загадкой, она должна 1) так построить образ, чтобы не назвать прямо предмет, о котором идет речь; 2) обязательно иметь отгадку; 3) быть предельно краткой, хотя может и отличаться одна от другой композиционно.

СТРОЕНИЕ ОБРАЗА

Существенной особенностью загадки является то, что предмет, о котором загадывается, не может быть назван прямо. Он называется только в отгадке, а не в самой загадке, где о нем должно быть сказано то, что поможет его угадать. Способов построения образа в загадке, способов запутывания отгадывающего и наведения его на правильный путь отгадывания существует много. В этом плане представляет интерес статья Ю. И. Левина «Семантическая структура русской загадки».[1] Мы не ведем исследование загадки с применением структуралистских методов, поэтому подробно на этой работе не останавливаемся. Отметим только, что в названной статье очень де-

[1] Труды по знаковым системам, т. VI. Сб. научных статей в честь М. М. Бахтина (К 75-летию со дня рождения), с. 166—190 (Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1973, вып. 308).

тально рассмотрен вопрос о составлении и путях отгадывания загадок, а основные ее выводы не расходятся с теми, что достигнуты предшествующими исследователями и обобщаются здесь.

Один из способов построения образа в загадке — замещение. Нередко в определениях загадок говорится, что они представляют собою «иносказательное описание» предмета. Но описание, причем не всегда иносказательное, есть только в части загадок, не называющих предмет, а лишь сообщающих об его свойствах (см. об этом ниже). В большинстве загадок нет описания предметов и явлений, которые названы в отгадке и которые мы условно назовем «предметом загадывания». Обычно описывается нечто совсем другое: в загадке про огурец — не огурец, а горница без окон, без дверей; про капусту — Филат, на котором сто лат; про месяц и звезды — пастух и овцы на поле, и т. д. Всюду, где образ загадки веществен, предмет загадывания заменен другим,[2] который и описывается.

Изучение загадок убеждает в том, что предметы замещения в них избираются преимущественно из того же круга явлений, что и предметы загадывания: из окружающего человека в повседневной жизни. Это изба, горница, сито, ступка, ток, пирог, кувшин и т. п. Предпочтение отдается одушевленным предметам, но и неодушевленные говорят и двигаются, т. е. в загадках велика роль олицетворения. Об этом писала М. А. Рыбникова, отмечавшая, что в загадках предметы находятся в движении, говорят, действуют, трудятся.[3] Действительно, топор в загадках «в лес идет», «клапяется», пила «ест и жует», лапша «сидит на ложке». Кроме того, в большинстве загадок о неодушевленных предметах замещающее слово обозначает одушевленный предмет: морковь — красная девица, ведра — братья, мялица для льна — собака, крылья мотовила — сестры и т. д. Здесь и птицы, и на-

---

[2] Об этом говорил еще А. Н. Веселовский в статье «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (Собр. соч., т. I. СПб., 1913, с. 205).

[3] Рыбникова М. А. Загадки. М.—Л., «Academia», 1932, с. 24—25.

секомые, и животные, и братья, и сестры, и кумовья, и Абакумы, и Фалалей. Многие замены связаны с домашними животными: овечки, собаки, кот, бык, вол. Почти все виды домашних, а также наиболее знакомые крестьянину разновидности диких животных можно обнаружить среди предметов замещения в загадках. Причем конкретность образов, замен в загадках такова же, как и в предметах загадывания. Все это не животное как родовое понятие, но лошадь, корова, собака. Только общее понятие «птица» встречается среди замещающих, хотя так же часто употребляются орел, сорока, утка и т. д.

Мир предметов замещения несколько более широк и и в охвате, и в разнообразии, а также во времени, чем мир предметов загадывания. Например, семейные, родственные отношения людей в образной системе загадок представлены шире, чем в отгадках. Как уже говорилось, мало загадок о предметах, вышедших из обихода, нет загадок об исторических событиях. В заменах же этот мир представлен. В предметах замещения сохранились названия старинных должностных лиц, воспоминания о старинных укрепленных городах, оружии, знаках отличия.

В выборе предметов замещения наблюдается определенная закономерность, стремление к контрасту. Загадка старается нарядить предметы загадывания в более яркие, фантастические, зачастую исторические одежды. Так же как в свадебном обряде жених и невеста на какое-то время становятся князем и княгиней, так и в загадках обыкновенная кочерга становится конем, ковшик — уткой, колеса — братьями, овин или стог сена — Егорием, опершимся на копье. И это не всегда потому, что предметы похожи (кочерга непохожа на коня). Очевидно, в загадке действует закон поэтизации обыденной жизни. Кроме того, наблюдается тенденция противопоставления мира отгадок и мира загадок: предметы бытовые, простые уподобляются более поэтичным, красивым, одушевленным, более возвышенным, а серьезные, одушевленные, религиозные замещаются бытовыми и даже подчеркнуто сниженными. Так, в загадках о человеке, про его руки, ноги, голову предметы замещения — грабли, вилы, горшок, короб (1335—1376). Бутылка — церковка, горенка (3987—3988), церковь — клеть, плетень, тычина, баба, столб, соха (4996—5008). В. П. Аникин считает «контраст той картины, которая создается иносказанием,

и той, которая подразумевается», одним из «принципов народнопоэтической образности в загадках».[4]

Некоторую закономерность в выборе предметов замещения можно наблюдать при сравнении загадок из разных областей труда и быта. Характер замены в загадках о разных предметах обусловлен различием внешнего вида и свойств предметов загадывания. Но не только этим. Так, в загадках про небо говорится о пологе, шатре, шубе, простыне, т. е. о том, что может накрыть. А в загадках про звезды находим предметы мелкие, но встречающиеся в большом количестве: зерно, горох, репа, булавки, гвозди; из животных: овцы, козы. Такой выбор предметов для замены вполне естествен, обусловлен предметами загадывания. Но кроме этой обусловленности в загадках о разных предметах и явлениях мы наблюдаем излюбленные именно для этих предметов, но не только рожденные их спецификой образы. Так, например, в загадках про месяц и звезды месяц чаще всего замещается караваем, калачом, краюшкой хлеба. Звезды в таких загадках — пирожки, горох и т. п. Или же месяц — пастух, а звезды — овцы, скот. В загадках про один месяц уподобление иное: конь, вол, жеребец, чаша с молоком или творогом, котел, лукошко. Таких образов нет в загадках про месяц и звезды. Возможно, что связано с какими-то генетическими особенностями, так же как и различное количество загадок о разных предметах и из разных областей хозяйственной деятельности и быта человека. Так, например, загадки об одежде не дают такого обилия предметных замен, как загадки о природе. В этом отделе преобладают загадки, описывающие функцию, признаки, свойства и качества предметов. И о каждом предмете здесь не так много вариантов загадок.

Предмет, которым заменяется предмет загадывания, принадлежит к миру вещей и явлений, окружающих человека в его повседневной жизни, но картина создается фантастическая, странная. Происходит это потому, что в описании сталкиваются признаки предмета загадывания и предмета, заменившего его. Так, если про опару говорится, что «велика звезда на печи взошла», а про

---

[4] Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. М., 1959, с. 280 (в дальнейшем: Садовников Д. Н. Загадки. . ., изд. 3-е).

кочергу — «черный конь скачет в огонь», то очевидно, что на печи не может взойти звезда, это опара поднялась, взошла; скачет черный конь, но странно, что он скачет в огонь: это возможно только для кочерги. Странную картину представляет Филат, на котором уместилось сто лат; удивителен и поп в ста ризах в загадках про лук и капусту. В. Шкловский писал: «Остранение не только прием эротической загадки-эвфемизма, оно — основа и единственный смысл всех загадок».[5] Об этом приеме говорила и М. А. Рыбакова. Приведя загадки про морковь и ковшик, она заключает, что подобные варианты осуществляют игру в несообразности — излюбленный прием загадок.[6] Это замечание вполне справедливо, но игра эта — не просто нагромождение несуразностей ради забавы. Странная, фантастическая картина в загадке необходима для того, чтобы остановить внимание слушателя, заставить его задуматься. Ведь если в загадке будет просто сказано, что черный конь скачет в лес или поле, нет необходимости раздумывать или отгадывать. Все ясно и просто. Необычность действий черного коня, скачущего в огонь, привлекает внимание, наводит на мысль о необходимости отгадывания. Остановив внимание, загадка дает и ключ к отгадке. Отгадать помогает качество, свойство предмета загадывания, приписанное заменяющему его предмету. Получается довольно своеобразное построение: предмет загадывания, названный в отгадке, в самой загадке заменен другим предметом или явлением, которому приписаны свойства и качества предмета загадывания.

Отбор признаков, свойств, качеств предмета загадывания для включения в загадку, как и самого предмета замещения, не случаен. Наблюдается стремление отобрать наиболее характерные признаки — такие, которые в других родственных предметах отсутствуют. Именно этим объясняется то, что далеко не все свойства, функции и связи предмета загадывания с другими предметами обыгрываются в загадках. Если избраны свойства, качества предмета, свойственные и другим предметам, возникает возможность нескольких отгадок.

---

[5] Шкловский В. Б. Искусство как прием. — В кн.: Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. Пг., 1919, с. 111.
[6] Рыбникова М. А. Загадки, с. 57.

Предмет замещения подбирается по тем признакам, которые хотят подчеркнуть в предмете загадывания, которые сообщаются в загадке, как ключ для отгадывания. Таковы загадки про косу, сенокос:

Щука ныряет, трава прилегает (2174).

Рыбина-белужина берега окружила и леса приклонила (2195).

Коса ныряет в траве, как рыба или утка в воде, поэтому коса чаще всего и заменяется рыбой, щукой, уткой. Деятельность обитателей муравейника производит впечатление кипения. В загадках так и сказано, что он кипит. Предметы замены: котелок, горшок, квашня.

В лесу котелок кипит, кипит, а укипи нет (718).

Зерна овса свисают, как серьги, поэтому на кургане «стоит курочка, девушка с серьгами», говорится в загадке.

Не всегда в загадке избирается один признак. В разных загадках про один и тот же предмет отмечаются разные его признаки. Соответственно возникают и разные предметы замены, разные образы. Если в загадках про пчелу отмечается, что пчелы создают тонкий узор-соты в темном улье, то избирается такой образ: «В темной темнице красные девицы (чернички, старушки) без нитки, без спицы вяжут вязеницы» (660). Если отмечается, что пчелы гудят и летят за бегущим мимо человеком, жалят, то говорится о собаках, ребятах:

В крутом буераке лютые собаки (650).

Шел я мимо Шарашина двора,
Шарашины ребята ошарашили меня (651).

Избрание разных качеств предмета загадывания создает разные загадки об одном и том же предмете, а подбор разных предметов замещения — разные редакции одной и той же загадки. Любое, даже дословное воспроизведение загадки есть вариант ее. Следовательно, то, что обычно называют вариантом, что называл вариантом Д. Н. Садовников, правильнее считать редакцией.

Поэтичность, художественное совершенство загадки зависит не только от того, как организован словесный материал ритмически и синтаксически, но и от того, насколько выразительно, метко, наблюдательно избран признак, качество предмета загадывания, определяющие предмет замещения, насколько велика творческая фантазия в выборе замены. Возьмем для примера загадки про лапти. В них встречаются два замещения: лапоть — корыто и лапоть — боровок, мышь, кот. Первое основано на зрительном сходстве формы, для его создания нужно немного творческой фантазии:

В липовом корытце живое мясо шевелится (4038).

Образ складывается малоэстетический. Второе более изощренное, включает олицетворение: стоящие на полу лапти с веревочками для завязывания похожи на животное с хвостами. Озадачивающий элемент, напоминающий, что здесь не все так, как говорится, что нужно отгадывать, тоже налицо: хвостов четыре. Для создания замещения: лапти — боровки, мыши и т. д. — нужно больше творческой фантазии, наблюдательности. Эта загадка распространена в большем количестве записей. Вот одна из них:

Два боровка, четыре хвоста (4048).

Замещающее слово может быть избрано по сходству внешнего вида или по наличию какого-либо общего с предметом загадывания признака. В некоторых загадках строение несколько изменяется: свойства не утверждаются, а отрицаются. Происходит нечто похожее на отрицательное сравнение. Например, загадка про паутину:

На потолке в уголке
Висит сито, не руками свито (755).

Паутина — сито, но сито необычное (не руками свито). Ключ к отгадыванию не в признаках предмета загадывания, а в сообщении, что предмет, который следует отгадать, похож на замещающий, но не обладает всеми его свойствами.

Иногда связь признака и предмета замещения скрытая, не такая прямая, как в приведенных выше загадках. Например, в загадке про соху подчеркивается основной,

помогающий отгадыванию признак — раздвоенная упирающаяся в землю часть сохи, названная в загадке ногой («вилами нога»). Вспоминается параллель из фольклора, из сказки: Баба-Яга — костяная нога.[7] Появляется загадка с замещающим образом — Баба-Яга и определением предмета загадывания — «вилами нога».

Привычные фольклорные образы играют большую роль в подборе предметов замещения. Так, например, в загадках про мороз или не называется никакое действующее лицо, или говорится «старик». Почему мороз — старик? Из одних загадок неясно. Видимо, потому, что в сказках мороз — дед. Образ Деда Мороза стал привычным в фольклоре; традиционен он и в загадках.

В названных выше загадках про соху, про мороз предметы замещения связаны с признаками предмета загадывания очень слабо, через посредство фольклорных припоминаний. Нередко встречаются загадки, в которых предмет замещения совсем не связан с предметом загадывания,[8] хотя строение этих загадок вполне объяснимо. Д. Н. Садовников писал о подобных загадках: «...народ, не задумываясь, измышляет предмету названия, могущие нередко поставить угадчика в тупик. Относительно значения многих слов, таким образом составленных, столько разногласия, что поставить над цифрой объяснения составных частей загадки часто нет возможности».[9] Например, загадка про звезды и про лучину:

Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам;
Не собрать этого корабля ни князьям, ни попам, ни думным дьякам, ни серебреникам (43).

Так, звезды — часть рассыпавшегося корабля, ковра, стакана. Невероятные, разнообразные замещения, ничего общего не имеющие ни одно с другим, ни с предметом загадывания, производят странное впечатление и могут натолкнуть на мысль о бессмысленности загадок, о состав-

[7] «В вариантах эта загадка явно испытала влияние сказок». — Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 299, коммент. к № 1196.

[8] В таких загадках, по мнению Ю. И. Левина («Семантическая структура русской загадки», с. 183), повышается тенденция обязательности рифмы.

[9] Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. СПб., 1876, с. 320, № 855 (в дальнейшем: Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е).

лении их по принципу: только бы непонятней, труднее было отгадать. С другой стороны, может показаться, что подобные загадки несут следы каких-то древних образов, уподоблений, ставших теперь непонятными. Тем более что таких загадок про звезды, про лучину много и в сборниках, и в устном бытовании. По нашему мнению, присутствие в загадках таких мало связанных с предметом загадывания образов вполне объяснимо. Для загадки важна параллель: рассыпался — не собрать. Именно на этом обстоятельстве и фиксируется внимание, оно основа, смысл и значение загадки. Что рассыпалось — неважно для загадки. Поэтому может быть подставлено любое слово: корабль, стакан, черкас.

Сходное явление находим и в загадке про пчелу: «Летит зверек через божий домок и говорит: „Вон моя силушка горит“» (694). Основа загадки: пчела летит через церковь и видит горящую восковую свечу. Важно, что летит через церковь, что воск (сила) горит. Неважно, каким словом заменить пчелу, лишь бы летела. Поэтому встречаются самые разнообразные замены: птица, птах, зверек, комарок, раек, бесок. Однако видеть во всех подобных загадках только безразличный подбор любого слова было бы опрометчиво (особенно в загадках про пчелу). Во многих из них слова-замены, кажущиеся бессмысленными, обусловлены промысловыми и бытовыми запретами, тайной речью, что бесспорно в следующей загадке:

Пошел я по тух-тух-ту,
Взял с собой таф-таф-ту
И нашел на храп-тах-ту;
Кабы да не таф-таф-та,
Меня съела бы храп-тах-та. — Пошел за лошадью или на охоту, взял с собой собаку, нашел медведицу (1259).

В. П. Аникин[10] именно в тайной речи видит объяснение существования в загадках странных, не связанных со смыслом образов, замещающих предмет загадывания. Действительно, многие загадки, видимо, связаны с тайной речью и отделить их от описанных выше, где предмет замещения не связан ни с признаками загадываемого

---

[10] Аникин В. П. Д. Н. Садовников и его сборник загадок. — В кн.: Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 20—26.

предмета, ни с тайной, условной речью, не так просто. Но за то, что имели место оба явления, а не только связь с условной речью, говорит то обстоятельство, что в загадке про вышедшего на охоту и встретившего медведицу непонятные слова замещают определенные понятия (собака, человек, медведица, в других вариантах — палка, ружье и т. д.), а в рассмотренных выше загадках про лучину, про звезды такой замены нет. Правда, в загадке про лучину можно считать, что стакан, корабль и т. д. — это полено, которое рассыпалось и снова не может быть собрано. Но в загадке про звезды трудно сказать, какой корабль рассыпался и получились звезды. Видимо, нельзя все загадки с неясными замещениями возводить к тайной, условной речи.

К типу загадок, построенных по принципу замещения предмета загадывания другим предметом, относится огромное большинство загадок. М. А. Рыбникова писала: «В загадке преобладает метафора-существительное. Предметность загадки определяет эту сторону ее поэтики. Глагол дается минимально. Загадка — мир существительных».[11]

Кроме загадок, построенных на замещении одного предмета другим, есть и такие, которые основаны на описании свойств, качеств неназванного предмета, способа его изготовления и применения, своеобразной его биографии. Почти все эти способы создания загадки можно проследить на загадках про хлеб:

Режут меня, вяжут меня,
Бьют нещадно, колесуют меня;
Пройду огонь и воду и конец мой — огонь и зубы (4161).[12]

Комовато, ноздревато,
И губато, и горбато,
И тяскло, и кисло,

---

[11] Рыбникова М. А. Загадки, с. 58.

[12] Об этой загадке В. П. Аникин писал: «Загадка прослеживает весь путь хлеба с поля, когда его снимают серпом, до обеденного стола. Обычный прием воспроизведения загаданного предмета. В самом этом приеме раскрывается природа фольклора как творчества трудовых масс народа» (Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 304, № 1328). О том, что многие загадки отразили опыт тружеников, непосредственно знакомых с изготовлением предмета, писала М. А. Рыбникова (Рыбникова М. А. Загадки, с. 23).

И пресно, и вкусно,
И красно, и кругло,
И легко, и мягко,
И твердо, и ломко,
И черно, и бело,
И всем людям мило. — Каравай хлеба (4221).

Свойства, качества предмета могут отрицаться; подразумевается, что предмет должен был бы обладать этими свойствами, но они отсутствуют:

Есть крылья — не летаю,
Ног нет, а гуляю,
По земле не хожу,
На небо не гляжу,
Звезд не считаю,
Людей избегаю. — Рыба (553).

В загадках часто описывается внешний вид предмета или его свойства в действии:

Маленька, светленька, весь мир одевает. — Иголка (4667).

Штучка одноручка, носик стальной, хвостик деревянный. — Коса (2155).

Травы поем — зубы вытуплю,
Песку хвачу — опять наточу. — Коса (2156).

Не менее распространен прием создания загадки указанием на функцию предмета, производимое им действие, оставляемый след, по которым и следует угадать, о чем идет речь. М. А. Рыбникова справедливо отмечала, что загадки отразили знания и впечатления людей, знакомых с предметами загадывания в непосредственном общении, в труде, знающих их в действии.[13]

В лес идет — холсты стелет,
Из лесу идет — перестилывает. — Лыжи (4745).

Хлопочет, хлопочет, а на избу не вскочит. — Мялица (4585).

Нередко загадки включают звуковой образ, звукоподражание.[14] Таковы многие загадки про молотьбу цепами на току:

---

[13] Рыбникова М. А. Загадки, с. 23—24.

[14] Звукоподражание в загадках следует отличать от звукописи в них, которая подробно рассмотрена в статье А. Н. Гербстмана «О звуковом строении народной загадки». — В кн.: Русский фольклор, т. XI, Л., 1968, с. 185—197.

Летели гуськи, дубовы носки:
«Чок, чокоты» — наговаривали (3358).

В приведенной загадке, как и во многих других, не один принцип создания образа. Здесь и замещение предмета загадывания другим, и подражание звуку при ударе по снопам. Так же и в загадке про мялку для льна:

Без черев собачка: «Вяк, вяк!» (4594).

Указание на свойства предмета загадывания, его функцию, способ его изготовления, внешний вид и т. д. в сочетании с замещением этого предмета или его части другими предметами является самым распространенным способом создания загадки. Он встречается в большинстве загадок и отсутствует только там, где вообще не называется никакого предмета, а просто сообщается о свойствах предмета загадывания, о его действии, функции, происхождении. Обо всем этом говорится без всякого иносказания. Никогда загадка не называет прямо не только предмет загадывания, но и его части или иные предметы, участвующие в отгадке. Загадкам по самой их природе противопоказано прямое называние предмета; оно дается только в отгадке.

Итак, загадка никогда не упоминает предмет, который описывает, а рассмотрение принципа построения образа убеждает, что в основе загадок лежит метафора во всех ее проявлениях. Если определить жанр, учитывая только лежащие в его основе поэтические приемы, то можно принять определение, данное Аристотелем и до сих пор разделяемое некоторыми исследователями, что загадка — хорошо сформулированная метафора. Но тут же возникнут оговорки, так как ограниченность только художественного определения загадки очевидна.

Так как загадка — это метафора, в ее основе, как и в основе метафоры, «лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим предметом»,[15] многие исследователи говорили о большом значении сравнения в загадках.[16] Но сравнение в загадках как бы косвенное. Срав-

---

[15] Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966, с. 156.

[16] Сперанский М. Н. Русская устная словесность. Ч. I. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. М., 1917, с. 455; Аникин В. П.

нив предмет загадывания с каким-то другим и найдя в них что-то общее, загадка не применит обычный способ сравнения с союзом «как». Не будет сказано про свеклу, что она в земле как алый сапог, или про морковь, что она как девица в темнице. Загадка просто заменит один предмет другим:

Алый сапог в земле горит. — Свекла (2636).

Загадки, включающие сравнительный оборот с союзом «как», в русском фольклоре очень редки. Но довольно часто встречается в загадках отрицательное сравнение, изученное А. Н. Веселовским:[17]

Желто, да не масло,
Хвостовато, да не мышь. — Репа (2612).

Такое сравнение называет признаки предмета, который нужно отгадать, чем дает ключ к отгадке, и отрицает возможность иных отгадок (масло, мышь), как бы выключая их, заставляя искать иную отгадку.

Рассматривать все проявления метафоры в загадках нет небходимости. По мнению А. Квятковского, чаще всего в загадках встречается особая форма метафорического выражения — симфора, когда «опущено посредствующее звено сравнения и даны характерные для предмета признаки».[18] Нередко также находим в загадках метонимию, когда предмет загадывания замещен названием материала, из которого он сделан. О роли олицетворения в загадке говорилось выше.

ОТГАДКА

Вторым признаком жанра загадки является необходимость угадать скрытый смысл поэтической миниатюры. Рассказывая о неназванном или скрытом за другим предмете, загадка непременно подразумевает отгадку. Если отгадки нет, загадка разрушается, утрачивает смысл: раз-

---

Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1959, с. 77.

[17] Веселовский А. Н. Психологический параллелизм..., с. 206.

[18] Квятковский А. П. Поэтический словарь, с. 264.

рушается и ее художественный образ. Возьмем, например, загадку про огурцы:

Телятки гладки привязаны к грядке (2438).

Если исключить отгадку, исчезнет иносказание, получится простое сообщение жизненного факта о том, что гладкие телятки привязаны к грядке. Только при наличии отгадки, при уверенности, что это высказывание следует отгадать, оно приобретает переносный смысл. Утратив отгадку, загадка утрачивает и основной жанровый признак, нередко становится афоризмом, может быть воспринята как пословица. Такие утратившие отгадку варианты вносились в собрания пословиц в XVII—XVIII веках. Их можно встретить и в собрании В. И. Даля. В некоторых случаях загадка, утратившая отгадку, становится бессмыслицей. Иногда отгадка, как бы дополняя загадку, оформляет ее ритмический строй. Чаще всего это бывает в загадках-вопросах:

Что в избе за приметка? — Загнетка (3363).

Что в избе гадко? — Кадка (3799).

Таким образом, отгадка является непременной частью загадки. Неотгаданная загадка нередко теряет смысл и всегда — свою жанровую сущность.

При наличии же нескольких отгадок жанровая специфика загадки не нарушается. Поскольку признаки, названные в загадке, свойственны не одному предмету, а нескольким, а также потому, что метафора, лежащая в основе загадки, многопланова, загадка отгадывается разными людьми, имеющими разный жизненный опыт, по-разному. Таких примеров много в сборниках. О разных отгадках загадок про звезды, пельмени, катание брусники, а также про замешивание хлеба говорилось выше (с. 78). Загадка про горшок на ухвате (3752) нередко сближается с загадкой про печение блинов (4254). Подобные примеры легко можно обнаружить в любом сборнике.[19]

[19] В сборнике «Загадки» (Памятники русского фольклора) в комментарии указано, в каких собраниях та или иная загадка встречается с другой отгадкой. Наличие иных отгадок указывает В. П. Аникин в комментариях к 3-му изданию сборника Д. Н. Садовникова.

М. А. Рыбникова писала: «Гибкость загадки очевидна. Она легко и быстро применяется к обстоятельствам».[20] Исследовательница привела примеры, когда школьники, не знавшие старых предметов, о которых загадывались загадки, переосмысляли их и давали им новую отгадку. Например, загадка про рукомойник: «Висит, болтается, всяк за него хватается» — московским школьником была отгадана как «петля в трамвае».[21] В наше время и эта отгадка устарела. На том же уроке загадку про светец: «Стоит Трошка на одной ножке, крошит огненные крошки» — ребята отгадали как «точильщик». «Жизнь, экономика дают новые темы, и они обрабатываются за счет векового крестьянского словесного инвентаря, необычайно богатого и мощного».[22] Приведенные М. А. Рыбниковой новые отгадки не утвердились в живом бытовании даже узкого круга.

В. П. Аникин объяснял возможность нескольких отгадок одной загадки таким образом: «Это явление объясняется не только естественным сходством предметов, но и свободой условных определений, принятых в древней иносказательной речи: одно и то же слово могло быть отнесено в зависимости от обстоятельства к разным предметам. Таким образом, соотнесенность загадочного образа с разными предметами — исконное явление в истории загадок».[23]

Существование нескольких отгадок создает условия и для так называемых двусмысленных, эротических загадок,[24] которые часто не попадают в сборники по цензурным соображениям, а также исключаются из собраний самими собирателями. Это загадки о простых, бытовых предметах, например про замок с ключом, про самовар, сарафан, колодец и бадью и т. п. Но картина, нарисованная загадкой, эротическая и позволяет подразумевать такую же отгадку:

Дедушка Сидор гнет бабушку сидя,
Сидит не гоже, дай-ка я лежа. — Сон (1605).

---

[20] Рыбникова М. А. Загадки, с. 45.
[21] Там же.
[22] Там же, с. 46.
[23] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 3-е, с. 277, № 461, комментарий В. П. Аникина.
[24] Ю. И. Левин называл их связанными с обманутыми ожиданиями (Левин Ю. И. Семантическая структура русских загадок, с. 181).

При загадывании вторые отгадки не называются, о их возможности обычно свидетельствует смех. Это те загадки, о которых Д. Н. Садовников писал,[25] что дети их загадывают совершенно спокойно, не подозревая о втором смысле, девицы — на ушко, а парни — громко смеясь.

Существуют разные мнения о природе этих загадок. М. А. Рыбникова считала, что их появление до некоторой степени объясняется тем, что «во время свадебного обряда было принято загадывать загадки не только при выкупе места для жениха рядом с невестой, но и когда ведут молодых спать. Именно в связи с этой сексуальной установкой мы имеем среди загадок громадное количество двусмысленных».[26] Возможно, что функциональный смысл этих загадок действительно ведет к свадебному обряду. Такие загадки, как загадка про самовар («У девушки-сиротки загорелося в середке, у доброго молодца покапало с конца»),[27] могли загадываться и составляться для некоторых моментов свадебного обряда. Именно там, в обряде, а не в пустом зубоскальстве можно найти практическое оправдание их существования.

Некоторые исследователи думают, что существует особый раздел эротических загадок,[28] где загадка с ее обычной отгадкой является своеобразным эвфемизмом. Может быть, какая-то часть загадок создавалась и с такой направленностью. Но возможность этого двойного смысла заложена в самой природе загадки-метафоры, в ее многоплановости.

ОБЪЕМ И ПОСТРОЕНИЕ ЗАГАДКИ

Краткость является отличительной особенностью жанра загадки. Обычно загадка состоит из одного-двух суждений, четко и образно сформулированных. С этим связан синтаксис загадок.[29] Они строятся из простых, часто неполных, назывных или безличных предложений. Сложноподчиненные и вводные предложения в народных

---

[25] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, с. 314, № 102.

[26] Рыбникова М. А. Загадки, с. 49.

[27] Живая старина, 1906, вып. 1, отд. 2, с. 62 (публикация М. Едемского).

[28] Шкловский В. Б. Искусство как прием, с. 111.

[29] Изучение синтаксиса загадок — самостоятельная лингвистическая проблема, мы же приводим самые общие сведения

загадках — редкость. Нехарактерны для них и различные осложняющие предложение обороты. Загадка должна хорошо запоминаться с первого же раза, поэтому краткость является ее основным признаком. М. А. Рыбникова, присоединяясь к мнению А. Ларне, утверждала, что первичный народный вариант загадки — простейший. Она отмечала различные переделки простых, народных загадок в XVIII веке в дворянской среде, а в XIX веке переделки мещанские, помещавшиеся в детских книжках и сборниках. «Загадка утрачивает предметность, она становится многопредметной, рассудительной, болтливой. Она избегает прямоты, идет обходными путями. Она или пессимистична или жеманна; ничего подобного нет в грубоватой и прямой загадке крестьянской».[30] Нельзя не признать правильности суждения исследовательницы о краткости исконных, первичных вариантов и пространности, «болтливости» переработок. Но едва ли следует придавать этому такой резко классовый характер.

Несмотря на краткость, по архитектонике, принципам строения загадки довольно разнообразны.

Наиболее распространены краткие сообщения, состоящие из одного-двух суждений:

В поле сережки на тоненьких ножках. — Овес (2084).

Сине море вкруг кружится,
Белый заяц спать ложится. — Жернова и мука (2900).

Нередко загадка представляет развернутую картину, рассказ об изготовлении или действии того или иного предмета. Правда, развернутым этот рассказ можно назвать только в сопоставлении с краткими загадками. Рассказ этот, а иногда целая притча весьма лаконичны:

Шел я лесом, нашел я древо, из этого древа выходят четыре дела: первое дело — слепому посвеченье, второе дело — нагому потешенье, третье дело — скрипячему поможенье, четвертое дело — хворому полегченье. — Береза (1748).

Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре. Молод был — людей кормил, стар стал — пеленаться стал, умер — мои кости негодящие бросили в ямку, и собаки не гложут. — Глиняный горшок (3699).

---

[30] Рыбникова М. А. Загадки, с. 36.

В таких загадках-рассказах обычно описываются свойства, качества, способы изготовления или применения предмета.

Немногочисленна группа загадок, построенных в форме диалога:

— Черный огарыш, куда поехал?
— Молчи, кручено, верчено, там же будешь! — Ухват и помело (3453).

Один говорит: «Светай боже!»
Другой: «Не дай боже!»
Третий: «Мне все равно, что день, что ночь!». — Окно, дверь и потолок (3069).

Загадки-диалоги бывают с начальным предуведомлением:

Летели три воробья:
— Тебя сколь кормят?
— Меня сутки па сутки.
— А меня с недели на неделю.
— Меня с году на год. — Овин, баня, печка (2288).

Такие своеобразные вступления, встречаются и в загадках-притчах, рассказах. Они не включаются в загадку, в ее ритмический строй. Таковы почти все загадки про человека, которые начинаются с сообщения «стоят вилы»; таковы загадки про комара:

Летит птица Юп,
Летит, взвивается, другом называется;
Кто эту птицу убьет, тот свою кровь прольет (799)

Большая группа загадок — вопросы. По существу каждая загадка заключает в себе вопрос, на каждую загадку требуется ответ, отгадка. Но не все они построены в вопросительной форме. Правда, в некоторых местностях принято перед любой загадкой говорить: «что», «а что»,[31] но это не распространяется на весь жанр. Говоря о вопросах в композиционном плане, мы имеем в виду простые краткие вопросы:

Что растет без коренья? — Камень (436).
Что шумит без ветра? — Вода (442).

---

[31] См. загадки, записанные П. Н. Рыбниковым в Обонежье: Песни собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864, с. 246—247.

РИТМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ЗАГАДОК

Выше было показано, что загадки разнообразны в приемах построения образа, то же можно сказать и о ритмическом строении.[32] Более трети русских загадок имеют прозаическую форму. Это обычные простые предложения, очень редко осложненные распространенными определениями. Песня, пересказанная прозой, перестает быть песней, а загадка и в прозаической форме остается загадкой, полной, поэтичной, бытующей. Прозаические загадки совершенно равноправны со стихотворными, не являются искажением, следствием забывания или умирания жанра. Они так же хороши, как и ритмически организованные, их образы не менее поэтичны и остроумны. Например:

Ночь спит на земле, а утром убегает. — Роса (195).

Отец не успел родиться, а сын пошел в солдаты. — Огонь и дым (3199).

Ритмическое строение свойственно большей части загадок, но не является обязательной, неотъемлемой их чертой, поэтому его не следует вводить в определение жанра.

Общепризнанным стало утверждение, что в народном стихе нет обязательного чередования ударных и безударных слогов, создающего мерную стопу. В его основе более или менее постоянное количество ударных слогов (два, три или четыре) и свободное количество и произвольная группировка безударных.

Фронтальный просмотр загадок, имеющих стихотворный строй, не дал возможности определить, какое количество ударений типично для ритмически организованных загадок. Может быть, это связано с их краткостью или

---

[32] Ритмическое строение загадок почти не изучено. Есть две статьи на эту тему: Вознесенский И. И. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа. Кострома, 1908; Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток. — Звезда Востока, 1965, № 11, с. 149—163. — Оба автора просто приравнивают ритмическое строение загадок строению пословиц, никак не аргументируя этого. О ритмическом строении загадок см. в нашей статье «Ритмическое строение русских народных загадок» (Русский фольклор, т. XII. Л., 1971, с. 147—161).

сложностью установления границы стиха. Трудно определить типичное для стихотворной загадки количество ударений, отличающее ее от прозаической или вообще характерное для ритмически организованного варианта. И прозаические, и ритмические загадки часто имеют одинаковое количество ударений (три, четыре, пять).

В одной квашне два теста. — Яйцо (913).

Старая собака кости жует. — Мялица (4592).

Эти загадки имеют прозаическое строение и четыре ударения. В других загадках с тем же количеством ударений явно ощущается ритм:

Рыба в море — хвост на заборе. — Ковш (3881).

У нас и у вас поросенок увяз. — Воротной засов (2917).

Границу стиха в загадках чаще всего определяет интонационный и смысловой фактор. В этом отношении загадки сближаются с фразовиками, т. е. интонационно-фразовыми дисметрическими стихами. Сколько стихов, например, в загадке:

Летит — молчит, лежит — молчит;
Когда умрет, тогда заревет. — Снег (382).

Можно определить здесь четыре стиха, а можно — два, делящиеся на два полустишья. В пользу второго — смысловой фактор. Загадка состоит из двух компонентов: определения, когда снег кричит, а когда молчит. Каждый из них составляет один стих, одну строку. Небольшая пауза в середине стиха делит его на два полустишья. Обычно загадки и составляют один-два стиха, делящиеся на два полустишья. Реже встречается деление стиха на три части, как например, в загадке про дождь:

Летит пурхан, || без пол кафтан, || без пуговиц (320).

Приведенные примеры сближаются с фразовиками членением их на стихи, зависящим от интонации и смысла. Но среди загадок есть и типичные фразовики:

Не роя, а колыбается,
Не троста, а шатается;

Сама поскрипывает,
Сама попрыгивает,
Сама песни поет. — Зыбка (3540).

Выйду в лес без топора, без долота,
Высеку две лодки ездовых,
Две доски половых,
Горшку покрышку,
Уполовнику ручку. — Желудь (1826).

В лесах родился, пню поклонился,
В избе крестился, всех перебил:
Ребенка в люльке, старца в келье,
Царя в Москве, короля в Литве. — Банный веник (2960).

Общее положение, по традиции определяющее народный стих, — свободное количество и свободная группировка безударных слогов — тоже применимо не ко всем загадкам. Во многих вариантах наблюдается довольно постоянное количество безударных слогов между ударными: наличие двух или трех безударных слогов, между ударными и своеобразный параллелизм расположения ударных и безударных слогов в полустишьях.

Параллелизм расположения ударных и безударных слогов создает определенный ритмический рисунок, отличающий эти варианты от прозаических высказываний. Например:

Узло̄ва́т Ку́зьма́ — ‖ра̄звя̄за́ть не̄льзя́. — Цепь (4562).

Расположение ударных и безударных слогов в обеих частях загадки одинаково. Иногда так же построены и загадки, состоящие из двух стихов. Ритмический рисунок и количество ударений в первом и втором стихах разное, но каждый состоит из двух полустиший, одинаковых по расположению безударных слогов между ударными:

Ше́л Ма̄рты́н — ‖ви́дӣт ты́н.
По̄ду́ма̄л не̄мно́жко — ‖по̄лез сло̄впо̄ ко́шка̄. — Жук и бревно (726).

Параллелизм может возникать не только в стихе между полустишьями, но и между стихами:

Иде́т ле́со̄м — не̄ тре́сне̄т,
Иде́т пле́со̄м — не пле́сне̄т. — Месяц (89).

Многие загадки обладают равным количеством безударных слогов между ударными во всей загадке:

Сёмьсóт сōлōвьńт нā пōдýшкāх сńдя́т. — Пчелы (636).

Бāрáн в хлēвé, нōгá в стēпé. — Крюк (3152).

Тēчéт, тēчéт — нē вы́тēчēт,
Бēжи́т, бēжи́т — нē вы́бēжūт. — Река (469).

Количество примеров можно было бы увеличить. Их обилие свидетельствует о том, что правильное чередование ударных и безударных слогов, как и параллелизм расположения ударений в полустишьях, является средством создания ритма в загадках. Следовательно, говорить о свободном расположении безударных слогов можно только для некоторой части загадок — например, для сближающихся с фразовиками.

В четко метрических загадках часто встречаются полудольные слоги, произносящиеся вдвое быстрее, чем обычные неударные, и поэтому не нарушающие ритмического строения в целом, даже в том случае, если вместо одного безударного слога появляются два:

Стōи́т Ёрмáк, зāлōмя́ кōлпáк. — Крюк (3153).

Нередко встречается соседство ударных слогов, не разделенных безударными. Причем сила их звучания почти равная:

Лēтéл пáн, нā вóдӯ пáл,
Сáм нē тóнēт, вōды́ нē мýтūт. — Лист дерева (1709).

По существу во всех приведенных примерах, как в случаях с мерной стопой, так и в отклоняющихся от четкой меры, включающих полудольные слоги или ударения, не разделенные безударными слогами, мы имеем дело с тактовиком, опирающимся не на чередование ударных и безударных слогов, а на время, необходимое для произнесения ударного и окружающих его безударных.[33] Получается, что расположение безударных слогов может быть все-таки различным, за исключением тех вариантов, которые построены на строгом чередовании ударных и безударных слогов. Но и при строгом чередовании слогов

[33] Квятковский А. П. Поэтический словарь, с. 295—298.

время, необходимое на произнесение ударного и безударного, тоже определено. Таким образом, если мы хотим выявить какой-то общий закон ритмического строения загадок, следует признать, что ритм в загадке создается чередованием интонационных комплексов, на произнесение которых отводятся равные промежутки времени. Комплексы произносятся с одинаково расположенными усилиями и ослаблениями голоса, что связано с чередованием ударных и безударных слогов и силой их произнесения, но количество безударных слогов может меняться. Если они произносятся быстро, их будет произнесено больше в данный отрезок времени, если медленно — меньше. Это сходно с музыкальными тактами, когда в интонационном отрезке могут быть две долгие ноты или несколько быстрых.

Из приведенного разбора очевидно, что все попытки применить к загадкам обычные литературоведческие нормы кончаются оговоркой, что все это так, но и не совсем так, что под обычные мерки подходит только небольшая группа вариантов и т. п. Видимо, прав был П. Г. Богатырев, когда писал: «Было бы двусмысленно говорить о тождественных формах в применении к фольклору и литературе. Так, например, понятие стиха, понятие, которое на первый взгляд имеет одно и то же значение как в литературе, так и в фольклоре, в действительности глубоко различается в функциональном отношении».[34]

Ритмический строй загадки определяется не только системой чередования ударных и безударных слогов, но и созвучием слов и окончаний. В. М. Жирмунский писал: «Наконец, по своему происхождению русская народная рифма является непроизвольным следствием ритмико-синтаксического параллелизма соседних стихов или полустиший, лишь постепенно и не во всех случаях приобретая значение как самостоятельное созвучие».[35] Тем более это относится к загадкам, которые вообще не разрастаются, в силу своей краткости, в достаточно обширные произведения. Мы не будем употреблять термин «рифма»,

---

[34] Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 380—381.

[35] Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. — В кн.: Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975, с. 404.

а будем говорить о созвучии и его роли в ритмическом строении загадки.

Значение созвучия можно проследить на многих загадках. Так, например, в загадке про зубы:

Полон хлевец белых овец (1476).

созвучие «хлевец—овец» создает ритмичность. Нарушение созвучия делает загадку обычным прозаическим сообщением:

Полон хлев белых овец.

Вариантов созвучий много. Бывают созвучны два рядом стоящие слова, причем второе вводится именно ради созвучия, ничего не прибавляя к смыслу загадки:

Сито-вито решетом покрыто. — Небо и земля (7).

Криво-кривало, где спобывало, что повидало? — Река (463).

Сама самышка, золота кубышка,
Ни рак, ни рыба, ни зверь, ни птица. — Просо (2080).

В некоторых вариантах бывает созвучно все слово:

Маленький шарик по полу шарит. — Веник (3651).

Маленький Игнат под кучкой играт. — Мышь (1212).

Или же соотносится целое слово и часть другого («Как пал, так и пропал»), или окончания слов:

Был я па копанце,
Был я на хлопанце... (см. загадки про горшок).

Наиболее широко распространено созвучие окончаний глаголов, прилагательных и существительных:

Летит, урчит,
На землю падет, землю дерет. — Жук (748).

За леском, леском кипит гора с песком. — Муравейник (723).

Кадило, кадило по миру ходило,
Домой пришло, по стенам пошло. — Серп (2125).

Бежит свинка, золотая спинка,
Носочек стальной, а хвосточек льняной. — Иголка с ниткой (4682).

Для создания созвучия и ритма повторяются одни и те же слова: «мету, мету», «еду, еду», «несу, несу», «под полом, полом» и т. д. Бывают случаи, когда слова в угоду созвучию искажаются или меняют ударение. Правда, таких вариантов мало. Их было бы, может быть, больше, но собиратели и публикаторы выправляли ошибки и искажения слов. Так, ради созвучия искажены слова в загадках:

Летит птица, не ест ни ржи, ни жита,
А ест тура да оленя до красного деня. — Овод (766).

Беленький тулунчик сшит без рубчик. — Яйцо (902).

Семьдесят одеж и все без застеж. — Курица (963).

Нередко созвучие, определенный ритмический рисунок связаны с грамматическим и морфологическим параллелизмом, повторяемостью глаголов или числительных («Два слушают, два пюхают, два за сторожа стоят»; «Мету, мету, не вымету»), существительных, частиц и союзов (без рук, без ног; ни рак, ни рыба). В подобных случаях, как и вообще в созвучии, большое значение имеет равное количество слогов в слове и место ударения. Так, в примере «без рук, без ног» повторяются предлоги, а существительные односложны.

Многие варианты построены на параллелизме грамматических категорий, однородных по грамматической функции, звучанию, расположению ударных слогов, но противоположных по смыслу:

Два братца рядом стоят:
Вместе не сойдутся, врозь не разойдутся. — Дверные притолоки (3116).

Грамматический параллелизм пронизывает иногда всю загадку, крепко связывая ее ритмическое строение:

Хозяин спит — овцы на выгоне,
Хозяин выглянет — овец не видно,
Хозяин спрячется — овцы опять обозначатся. — Солнце и звезды (128).

В некоторых вариантах ритмический рисунок создается сочетанием созвучия окончаний и грамматического параллелизма:

Раскину я рогожку,
Насыплю горошку,
Поставлю квасу кадушку,
Положу хлеба краюшку. — Небо, звезды, дождь, месяц
(56).

Созвучия сказуемых-глаголов и дополнений-существительных так прочны, что между ними можно добавлять и исключать слова без особого ущерба для ритмического строения загадки. Можно добавить или исключить «я», сказать «поставлю полную», «положу сверху». Но нельзя заменить кадушку на кадку, так как тогда нарушится сквозное созвучие «шку» в послеударном положении. Подобное же явление и в загадке про землю, снег, солнце:

Лежит дерево беспрутое,
На него летит птица бескрылая;
Приходит девица безротая
И съедает птицу бескрылую (302).

Иногда можно наблюдать, как стремление восстановить правильность чередования ударных и безударных слогов, если при этом нарушаются созвучие и грамматический параллелизм, не улучшает ритмическую структуру загадки, а нарушает ее. Так, в загадках про комара почти во всех вариантах есть компонент «нос долог, голос звонок». В нем созвучны и параллельны существительные и краткие прилагательные. Чередование ударных и безударных слогов почти правильное, но в начале сталкиваются два грамматических ударения. Это проходит почти незаметно. Но вот в одном варианте появляется частица «то», разделяющая ударения и дающая правильность чередования ударных и безударных слогов и равное количество слогов в полустишьях: «нос-то долог, голос звонок». Никаких улучшений в ритмическом строении не произошло. Наоборот, ощущается какое-то нарушение равновесия, возникает стремление добавить частицу «то» и после слова «голос».

Ритмический строй некоторых загадок зависит от чередования больших комплексов, от созвучия между этими комплексами:

Лежит Егор под межой,
Накрыт зеленой фатой. — Огурец (2435).

Загадка состоит из двух суждений, каждое из них вполне самостоятельно и воспринимается как прозаическое. Но,

соединенные вместе, они составляют ритмический комплекс, спаянный созвучием сказуемых, глаголов (лежит—накрыт) и дополнений-существительных (межой—фатой), а также повторяющимся во втором суждении расположением безударных между ударными. Из двух самостоятельных прозаических суждений создана ритмическая загадка. Если эти суждения распадутся (отпадет, допустим, второе), останется прозаическая загадка, которая вполне может существовать самостоятельно. Не так ли возникли некоторые прозаические загадки?

Близость прозаических и ритмических загадок наблюдается и в тех вариантах, которые включают прозаические суждения как свою часть. Так, начало загадки про тучу — простое прозаическое сообщение: «Летит орлица по синему небу». Вторая же часть ритмична, в ней созвучны окончания глаголов, параллельно грамматическое строение и расположение трех безударных слогов между ударными:

Крылья распластала,
Солнышко застлала.

В целом же такое сочетание прозаической и стихотворной части естественно:

Летит орлица по синему небу:
Крылья распластала,
Солнышко застлала. — Туча (250).

Рассмотренные принципы ритмического строения загадок, как видно из уже приведенных примеров, взаимодействуют. Редко встречаются загадки, построенные только с учетом чередования комплексов, произносимых в равные промежутки времени, и не включающие также созвучия. Сочетаются и разные принципы созвучий. Учесть все возможные комбинации невозможно, да и нет необходимости. Но в одном почти все загадки сходны: единого ритма в одной загадке не бывает. Только в самых кратких загадках, состоящих из одного суждения, можно обнаружить один ритмический рисунок. Если в загадке больше одного суждения, если она достаточно обширна и по законам литературного стихосложения может составить хотя бы четверостишье, в народных вариантах единого ритмического рисунка никогда не бывает. В та-

ких загадках будет не один, а два или даже три принципа создания ритма, на чем бы они ни основывались. Рассмотрим это явление на примерах.

Ста̄ри́к ӯ во̄ро́т || те̄пло́ уво̄ло́к,
Са́м не̄ бе̄жи́т ӣ сто̄я́ть не̄ ве̄ли́т. — Мороз (333).

В первом суждении («Старик у ворот тепло уволок») — трехдольник с однодольной анакрузой. Во втором суждении («Сам не бежит и стоять не велит») — тоже трехдольник, но с нулевой анакрузой. Подобное же и в загадке про косу и сенокос:

Пр̄ибе̄жа́л ко̄не́к на̄ Пе̄тро́в де̄пе́к.
Во́ло̄сы вя́нӯт, дӯбро́ва̄ шӯми́т. — Коса и сенокос (2201).

Смена ритма происходит не только в пределах трехдольника. Можно наблюдать и смену двухдольника на трехдольник, а также и другие комбинации:

Ста̄ри́к ме̄те́т по̄ го́рнӣце̄,
Ме́тлы̄ сто̄я́т по̄ о̄ко́лӣце̄. — Паук и паутина (763).

Сто̄и́т сто̄лбо́м, го̄ри́т о̄гне́м,
Нӣ жа́рӯ, нӣ па́рӯ, нӣ у́го̄льё̄в. — Свеча (3283).

Часто наблюдается тенденция к уменьшению количества слогов, к сокращению времени, необходимого для произнесения ударного с относящимися к нему безударными. Так, если в первом суждении был трехдольник, то в последнем — двухдольник. В таких загадках последнее суждение из-за уменьшения количества слогов произносится быстрее по сравнению с предыдущим, как бы скороговоркой. Эта особенность встречается во многих вариантах:

По́ле̄ не̄ ме́ря̄но̄, о́вцы̄ не̄ счи́та̄ны̄,
Па̄сту́х ро̄га́т. — Небо, звезды, месяц (70).

О̄ле́на-ца̄ре́вна̄ по̄ го́ро̄дӯ хо̄ди́ла̄, ключи́ о̄бро̄ни́ла̄.
Све́ко̄р ви́де̄л, де́ве̄рь по́дня̄л. — Роса (200).

В чем причина смены ритма в загадках, сказать трудно. Может быть, это та же «любовь к несообразностям», «стремление озадачить, удивить, остановить внимание», что и в построении образов. Этому закону подчинены почти все загадки, имеющие ритмическое строе-

ние. Именно этот закон не дает утвердиться одной системе чередования ударных и безударных слогов и сделаться народной загадке похожей на литературное стихотворение даже в том случае, если загадка основана на правильном хорее, ямбе или другом размере. Четырехстрочные загадки, построенные на одном ритмическом принципе, укладывающиеся в одну метрическую сетку, всегда настораживают своим отличием от народных вариантов и при ближайшем рассмотрении оказываются сочиненными известными или неизвестными авторами:

Принялась она за дело,
Завизжала и запела;
Ела, ела дуб, дуб,
Поломала зуб, зуб. — Пила (4550).

Он упрямый и пузатый,
Больно бьют его ребята.
Отчего беднягу бьют?
Оттого, что он надут. — Мяч (5246).

Причина отличия законов стихосложения народных загадок от законов стихосложения литературных — в специфике жанра, а не в краткости, не дающей развиться ритмической инерции, как считает М. П. Штокмар.[36] Тем более что некоторая инерция все же развивается и иногда конечное слово приобретает два ударения (Ста̄ри́к ме̄те́т по̄ го́рни̅це̄). Но вот на второе суждение эта инерция уже не распространяется. Если же инерция все-таки захватит и второе суждение, то в конце обязательно вступит в силу закон смены ритма и загадка опять уйдет в сторону от строгих правил, станет шуткой, полной неожиданностей:

Ме̄ту́, ме̄ту́ — не̄ вы́ме̄тӯ,
Го̄ню́, го̄ню́ — не̄ вы́го̄ню̄,
Е́дӯ, е́дӯ — сле́дӯ не́тӯ. — Река (468).

Может быть, закон смены ритма в какой-то мере регулирует и количество ударений в строке. Нельзя сказать, что ритмический строй загадки определяется количеством ударений, так как есть примеры прозаических и ритмических загадок, имеющих равное число ударений.

[36] Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток, с. 154.

Но в загадке не может быть очень много ударений уже в силу краткости даже прозаических загадок. Закон смены ритма как бы кладет предел нарастанию количества ударений в пределах одного ритма, одного суждения.

Закон смены ритма распространяется и на созвучия. Загадки со сквозным для всего произведения созвучием обычно состоят из одного суждения:

Кринка масла в небе ввязла. — Солнце (167).

Сквозное единое созвучие в более пространных загадках встречается редко. В подавляющем большинстве загадок созвучие меняется от суждения к суждению, т. е. и здесь действует закон смены ритма, что подтверждает важность и органичность его для стихотворного строения загадок. Смена созвучия наблюдается в самых разнообразных вариантах:

Зарится — Елесиха на коня садится;
Рассветает — Елесиха с коня слезает. — Роса (196).

В загадке есть параллелизм, два слова точно повторяются, это связывает оба суждения, но созвучие окончаний глаголов есть только внутри суждений, а не между ними. Это и ощущается как смена ритма:

Жил-был, много душ кормил;
Умер — ни погребенья, ни поминовенья. — Глиняный горшок (3719).

Таким образом, ритмическое строение русских народных загадок обусловлено: 1) равным временем, отведенным на произнесение ударного слога с относящимися к нему безударными, количество которых может быть одинаковым, но может и несколько разниться, хотя и в небольших пределах; ритмический рисунок размещения безударных вокруг ударных во втором стихе или полустишье может точно копировать рисунок первого, что еще больше укрепляет ритм; 2) созвучием слов, окончаний, целых грамматических групп, параллелизмом грамматического и ритмического строения суждений. Общим, объемлющим почти все ритмически построенные загадки является закон смены ритма, который проявляется не только в смене места, силы произнесения ударного слога и количества безударных вокруг него, но и в смене характера созвучий.

Ритмическое строение загадки не является обязательным. Вполне равноправны и прозаические варианты, которые иногда вступают во взаимодействие с ритмически организованными.

ЖАНРОВЫЕ ГРУППЫ, БЛИЗКИЕ ЗАГАДКАМ

Рассмотрение действительности, послужившей основой загадкам, законов их строения, ритмики позволяет определить жанр. Загадка — краткое, требующее отгадки, опирающееся на иносказание (чаще всего метафору во всех ее проявлениях) поэтическое произведение о явлениях природы и предметах, окружающих человека в его повседневной жизни и труде. Но если, учитывая это определение, еще раз хотя бы бегло, просмотреть любое собрание загадок, то обнаружится, что, кроме произведений, легко укладывающихся в рамки жанра, есть и такие, правомерность отнесения которых к загадкам вызывает сомнение. Это: 1) вопросы о свойствах, качествах предметов; 2) вопросы-шутки; 3) вопросы о буквах алфавита; 4) загадки-задачи; 5) иносказательная речь.

Вопросы о свойствах, качествах предметов чаще всего касаются явлений природы. Это вопросы о звездах: «Что чаще лесу?» (46). Что без учету?» (48). О солнце: «Что без огня горит?» (169). О ветре: «Чего на свете нет быстрее?» (231). При всех сомнениях и оговорках вопросы эти являются загадками: они не называют прямо предмет; требуют отгадки, нередко связываясь с нею ритмически; дают ключ к отгадыванию, указывая свойство предмета. Наконец, нередко случается, что два-три объединенных вопроса образуют развернутую метафорическую загадку:

Что выше леса, краше света, без огня горит? — Солнце (172).

Подобные вопросы при рассмотрении тематического состава загадок включаются в соответствующие рубрики.

Иное дело с вопросами-шутками, такими как:

На что поп покупает шляпу с широкими полями? — — На деньги (5463).

От чего гусь на море плавает? — От берега (5492).

Эти вопросы отличаются от загадок-вопросов о свойствах, качествах предметов тем, что не заключают в себе иносказания, в метафорическую загадку никогда превратиться не могут. Они не обладают существенными жанровыми признаками загадок. Это не сокрытие предмета за иносказанием, поэтическим тропом, перечислением его качеств. Их смысл в том, чтобы посмеяться над несообразительным человеком, не понявшим шутки, подвоха в вопросе, отыскивающим «серьезный» ответ. Кроме того, вопросы-шутки, относятся не к явлению природы, не к предмету быта, не к процессу труда. Это вопросы не о них, не о предметах даже в том случае, когда в отгадке называется предмет. Так, на вопрос: «От чего утка плавает?» — следует ответ: «От берега». Перед нами загадка не про утку и не про берег. Вопрос рассчитан на комический эффект, на непонимание омонимической игры слов: от чего? — отчего?

Подобные краткие миниатюры существуют рядом с загадками, и иногда переход одних в другие незаметен, грань зыбкая и затруднительно бывает решить, к какой группе следует отнести тот или иной вопрос. Очевидно, что вопросы-шутки отпочковались от жанра загадок и образовали довольно большую околожанровую группу, своеобразие которой, а также ее связь с загадками ощущают все, работающие с этим жанром. Это, так сказать, и загадки, и не загадки. В самостоятельный жанр их выделять едва ли целесообразно, учитывая их прочную связь с загадками, но не замечать их особенности нельзя. В сборниках загадок они обычно выделяются в особый отдел, нарушая тематическую классификацию основного жанрового состава и вызывая упреки в адрес составителей в непоследовательности.

Таким же образом с загадками связаны и вопросы о буквах алфавита, гражданского и церковнославянского:

Что возле земли стоит? — И, «иже» (5323).
Что находится посредине Киева? — Е (5322).

Создавались эти вопросы в среде грамотных людей, среди учащихся. Как и вопросы-шутки, они опираются па игру слов, рассчитанных на комический эффект. Они входят в ту же группу, что и вопросы-шутки. Но они ближе собственно загадкам, так как предметны и могут быть включены в разделы «Грамота», «Предметы, связанные с грамотой».

Загадки-задачи, так же как и вопросы-шутки, не обладают всеми жанровыми особенностями загадки, но связаны с ней краткостью и необходимостью, прежде чем сосчитать, угадать тайный смысл, подвох, шутку:

Сидело семь галиц;
Я стрелил, трех убил.
Много ли осталось? — Три, остальные улетели (5577).

Так же, как в вопросах-шутках, здесь есть варианты, которые можно отнести и к загадкам, и к задачам:

Шли одной дорогой: муж с женою, брат с сестрою, шурин с зятем. Спрашивается, сколько их всего было? — Жена с мужем да женин брат (1698).

Что это? Загадка про родственников или задача? И то, и другое. Прежде чем сосчитать, следует разобраться в родственных отношениях и в терминах.

Рассмотренные группы являются новообразованиями в жанре загадок, но он осложняется еще и осколками древнейшего смежного жанра, с которым генетически связан. Это иносказательная речь, тайная речь рыбаков, охотников, женщин, различные бытовые и промысловые запреты на произнесение тех или иных слов.

Тайная речь, как и загадка, есть иносказание, но существенно отличается от загадки. Загадка произносится с целью получить отгадку, раскрыть смысл метафоры, смысл сокрытого, причем получить отгадку сразу же от всех участников игры-загадывания. Отгадка должна быть произнесена, иначе загадка не существует. Иное дело — иносказательная речь, речь с подставными словами. Она говорится для того, чтобы запретные слова-отгадки не были произнесены. Их хотят скрыть от врагов, непосвященных, от потусторонних, демонических существ. Отгадка в иносказательной речи существует в сознании говорящих, спрятана, не высказана. И построение иносказательной речи иное. Это речь, а не отдельные краткие миниатюры. И речь эта не заботится о том, чтобы дать ключ к разгадке, как это делает загадка. Составные элементы иносказательной речи должны быть знакомы говорящим (охотники знают, какими словами заменяются обычные названия птиц и зверей; женщины знают слова, заменяющие запретные, и т. д.). А загадка, видимо, была

призвана развить способность пользоваться иносказательной речью, понимать ее.

Длительное сосуществование, близость образов, «загадочность» обоих жанров способствовали тому, что в репертуаре загадок стали встречаться отдельные элементы иносказательной речи. Таковыми можно считать большинство загадок с подставными словами, где ключ к отгадыванию весьма призрачен. Подобные загадки есть в разделе о диких животных:

Пришел шуру-муру,
Унес чики-брыки;
Мякинники увидали,
Житейникам сказали;
Житейники шуру-муру догнали,
Чики-брыки отняли. — Волк, овца, свинья, мужик (1260).

Есть подобные загадки и на тему о домашнем хозяйстве членах семьи:

Сидит лихо на печи, тихо ходит по полу: «Погляди, тихо, в окно, не летит ли ворон, не несет ли костей; ежели несет костей, поди во ад, там бурты-калты». — Свекровь, сноха, свекор, гости, голбец, пиво (1684).

Все это отрывки иносказательной речи, для их отгадывания нужно знать смысл подставных слов. Сами они ключа к отгадыванию не дают. Если считать, что загадка возникла в связи с тайной речью, для обучения этой тайной речи, то подобные варианты могли обучать терминам иносказательной речи только неоднократным их повторением в определенном контексте. Более соответствовали названной функции варианты, которые как бы раскрывали, объясняли термин:

Рында роет, скинда скачет,
Турман едет, съест тебя. — Свинья, заяц, волк (1262).

Отличия первых примеров от последнего при сопоставлении очевидны. Для «рынды» назван основной признак — «роет», как и для остальных. Это не рассказ, не речь, а как бы перечень терминов с их объяснением, раскрытием.

Новообразования (вопросы-шутки, задачи) составителями сборников, собирателями да и самими исполните-

лями осознавались как нечто отличное от загадок, а части иносказательной речи, видимо, по причине их древнейшего сосуществования с загадками всегда безоговорочно включались в собрания загадок. Кроме того, они хорошо ложились в тематические рубрики при публикации. Учитывая традицию, едва ли следует теперь исключать их, тем более из научных изданий, но учитывать их особенности необходимо. При любом определении загадок они дадут материал для опровержения той или иной стороны определения. Это очень древняя группа, состоящая из обломков смежного жанра, вклинившихся в загадки в процессе их бытования.

Таким образом, рядом с собственно загадками обнаруживаются древнейшие вкрапления обломков параллельного фольклорного образования и новые группы, еще не порвавшие связи с основным жанром, но уже обладающие заметными особенностями.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЖАНРА ЗАГАДОК

Об изменении загадок как жанра, о пополнении и изменении их репертуара первым писал И. А. Худяков. В предисловии ко второму изданию своего сборника 1864 года в общей массе записанных им загадок он отметил загадки древнейшие, мифологические, книжные, проникшие в парод после введения христианства.[37] В рассуждениях И. А. Худякова много спорного и противоречивого. Это первая попытка стройного изложения развития русских народных загадок с учетом не только древнейших вариантов, но и последующих наслоений, особенностей, внесенных различными периодами развития истории и культуры народа.

Разделяя, как и И. А. Худяков, мнение ученых мифологической школы о древнейшем происхождении загадок, Д. Н. Садовников также считал необходимым изучение позднейших наслоений и изменений их репертуара: «При поверхностном взгляде на народные загадки можно различить их главнейшие наслоения, самый порядок отложения последних. Древнейшие, каковы загадки о небесных

---

[37] Худяков И. А. Великорусские загадки, изд. 2-е, с. 22—34.

светилах и явлениях природы, носят на себе явные следы охотничьего и пастушеского быта... Следующее наслоение представляют загадки быта оседлого, земледельческого. Христианство и грамота отложили одно из последних наслоений, творчество детей внесло свою дань».[38] М. Н. Сперанский писал, что загадка «отразила на себе различные эпохи и даже события русского прошлого, поэтому можно говорить о загадках, возникших в разное время... в составе загадки мы видим, как и в пословице, и оригинальные древние, и оригинальные поздние, и заимствованные то из книжной словесности, то из той же устной».[39]

Изучение исторического развития тех конкретных загадок, которые составляют современный репертуар, выяснение того, что было внесено в него различными эпохами, может идти разными путями. И. А. Худяков, Д. Н. Садовников и др., говоря о скотоводческих и земледельческих загадках, имели в виду тематику, образы, близкие земледельцу, скотоводу, охотнику, или мифологические представления древности. Таким подходом к исследованию исторического развития загадок нельзя ограничиться, так как их тематика чрезвычайно устойчива, скотоводческие и земледельческие темы сохраняются и по сей день. Другой путь — выявление загадок, приуроченных к определенному историческому периоду, по каким-либо историческим, лингвистическим или литературным деталям. Но этот чрезвычайно трудоемкий путь не может дать сколько-нибудь ощутимых результатов хотя бы уже потому, что приурочить к какому-либо времени более четырех тысяч русских народных загадок — дело затруднительное, если не невозможное. Наукой проделана большая работа по исследованию исторического приурочения отдельных загадок, предложены методы такого приурочения, доказано возникновение некоторых загадок в ту или иную эпоху. Этими вопросами занимались почти все собиратели и исследователи загадок, однако материал оказывался все еще недостаточным для постановки проблемы исторического развития загадок. Кроме того, точность в приурочении загадок часто относительна

---

[38] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, с. II.

[39] Сперанский М. Н. Русская устная словесность, с. 456—457.

и вызывает множество возражений. Так, например, В. П. Аникин считает, что загадка про жернова («Два борова дерутся, промеж них пена валит») была создана до XIII века, так как в вариантах «боровки» чередуются с «барашками», а «боров» в значении «баран» употреблялся в письменных памятниках до XIII века.[40] Этот довод вызывает сомнения, если учесть, что исчезновение слова из письменных памятников не совпадает по времени с его исчезновением из устной речи, сфера же жизни загадки — устная, а не письменная речь. И другой пример. В. П. Аникин считает, что загадка про хвойный лес («Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан») не могла возникнуть ранее XVII века, когда было установлено капральское звание.[41] Но замена слов в загадках — дело обычное. В вариантах той же загадки встречаются слова «пан», «поп». Почему нужно считать, что загадка возникла именно со словом «капрал»?

Но даже если мы точно приурочим некоторые загадки к определенной эпохе, это будет очень незначительная часть всего репертуара и для истории развития загадок как жанра, для уяснения исторического пути их развития дает еще очень мало. Рассматривая методику исторического приурочения загадок в связи с проблемой исторического развития их, В. П. Аникин отмечает: «Может возникнуть опасение, что проблема исторического приурочения фольклора попадает как бы в „заколдованный круг“, ведь историю развития жанра нельзя воссоздать, не обладая достаточным количеством текстов, точно приуроченных к определенным периодам времени».[42] Это опасение тем более возникает применительно к загадкам, ибо точность их приурочения весьма относительна и задача соотнесения достаточного количества их вариантов с историей крайне сложна.

Более плодотворным представляется другой путь изучения истории развития загадок: выделение и историческое приурочение не отдельных вариантов на основании каких-то исторических реалий в них, а целых групп, по-

---

[40] Аникин В. П. Об историческом приурочении пословиц, поговорок и загадок. — Советская этнография, 1960, № 4, с. 47.
[41] Там же, с. 46.
[42] Там же, с. 51.

строенных определенным образом (загадок метафорических, кратких, развернутых повествований, вопросов); попытка выяснить, какие принципы построения загадок могли быть внесены той или иной эпохой, ранее какого времени не могли появиться те или иные образы, выразительные средства.

Для изучения загадок различных эпох наиболее древние сведения дают сказки и песни. В сказках собственно загадки встречаются редко, в большинстве случаев там находим иносказательную, загадочную речь. Несмотря на значительные различия, иносказание сближается с загадкой тем, что основной образ, принцип его построения в иносказании и в загадке общий; только загадка дает ключ к разгадке, а иносказание — нет: оно пользуется уже готовым, знакомым образом. Поэтому на основе иносказательной речи героев можно сделать предположение и о характере загадок того времени, принципе построения образа в них.

И. М. Колесницкая приводит перечень иносказаний, встречающихся в сказках. На вопрос: «Что ты делаешь?» — следует ответ:

Я варю идущее вверх и вниз (горох);
Я заставляю танцевать не играя (прядет);
Я делаю старое новым (чинит платье).

На вопрос: «Что делает отец?» —

Он приносит тепло из леса (рубит дрова);
Он ищет то, чего не может найти (вяжет сеть);
Он пошел за живой мертвечиной (на охоту).

На вопрос: «Что делает мать?» —

Она делает из хорошего лучшее (из молока — масло).

На вопрос: «Что делает брат?» —

Он бегает взад и вперед (пашет);
Пошел промеж ног в нави зрети (бортничает).[43]

Сопоставляя эти иносказания сказки с загадками, И. М. Колесницкая утверждает, что они имеют общий

[43] Колесницкая И. М. Загадка в сказке. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1941, № 81, с. 118—119.

принцип построения — замена одного предмета или действия другим. Но загадка — «нарочито составленная, ритмизованная, большею частью рифмованная»,[44] в ее основе — развитая метафора. Загадочная, иносказательная речь проще, в ней название предмета, действия замещается другим названием, подставным словом. Если вспомнить предположения о генезисе загадок, о их функции (служить усвоению замен для иносказательной речи), можно считать, что древнейшие загадки строились на принципе замещения предмета или действия другим. Загадок, построенных, по этому принципу, много. Конечно, нельзя сказать, что все они древние: новые загадки нередко создаются по образцу старых. Но сам принцип построения есть все основания считать древнейшим. Можно думать, что загадки начинались именно с вариантов, построенных по принципу замещения одного предмета или действия другим.

Второй принцип построения загадок, о котором можно судить на основании сказок, — принцип выключения. В сказках часто встречаются трудные задания. Невесте предлагается прийти ни нагой, ни одетой; ни пешком, ни на лошади; ни по дороге, ни без дороги; ни днем ни ночью; ни сытой, ни голодной; ни грязной, ни умытой.[45] Эти задания построены по тому же принципу выключения какого-либо признака, свойства предмета или явления, принципу отрицательного сравнения, который лежит в основе многих загадок.[46] Принцип этот, видимо, следует считать также одним из древнейших приемов создания загадок. Среди загадок, построенных таким образом, есть и очень близкие к тем мотивам трудных заданий, которые находим в сказках. Такова, например, загадка про лодку:

Спал я не на сухом и не на мокром. — В лодке (4482).

Следует учитывать, что не все загадки, построенные по этому принципу, старинные; по этому образцу создава-

---

[44] Там же, с. 119.

[45] Функциональная роль и происхождение подобных заданий убедительно вскрыты в названной статье И. М. Колесницкой «Загадка в сказке» (с. 127—129). Нас же интересует принцип их построения.

[46] Веселовский А. Н. Психологический параллелизм..., с. 205—206.

лись загадки во все времена, о чем свидетельствует их содержание, предметы загадывания. Например:

Идет не мужик и не баба,
Несет не пирог и не сгибень,
В этом пироге не творог и не рыба. —
Поп (5098).

И, наконец, третий вид загадок, уже собственно загадок, а не иносказаний, встречающихся в сказке, — вопросы о свойствах, качествах предметов и явлений:

Что всего быстрее?
Что всего жирнее?
Что всего сильнее?
Что всего светлее? [47]

Подобные же загадки-вопросы встречаются и в песнях:

Что краше лета? света? — Солнце.
Что выше леса? — Месяц.
Что выше рощи? — Звезды.
Что без умолку? — Речка.
Что без ответу? — Судьба.
Что без крыльев? — Снег.
Что шумит без ветру? — Вода.
Что бежит без повода? — Река, вода.
Что цветет без цвета? — Сосна.
Что растет без корепя? — Камень.[48]

Вопросы эти так же, как и вопросы из сказок, о свойствах, качествах предметов, о том, что лучше и больше чего, что существует без какого-либо признака и т. д. Песни, включающие эти вопросы, обрядовые, поэтому материал их не менее древен, чем материал сказок. Вопросы, так устойчиво сохранившиеся в песнях и сказках, можно отнести к древнейшему типу загадок. Возможно, что более древен тот тип, который находим в песнях, так как текст песен вообще более устойчив, чем текст сказок. Впоследствии подобные вопросы сомкнулись с вопросами литературного происхождения. Древнейший тип вопросов: о свойствах явлений природы, растений и т. п., — сохранился в устной передаче до наших дней:

---

[47] Колесницкая И. М. Загадка в сказке, с. 133.

[48] Перечень вопросов и рассмотрение песен, их включающих, см. в статье В. В. Митрофановой «Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели» (Русский фольклор, т. XI. Л., 1968, с. 118—125).

Что краше света белого? — Солнце (137).

Что без учету? — Звезды (48).

Чего на свете нет буйнее? — Ветра (230).

Итак, на основании песен и сказок можно сказать, что древнейший тип загадок — это загадки, построенные на замене одного предмета другим, на выключении какого-либо свойства или ряда качеств предмета, а также загадки-вопросы о свойствах явлений природы, животных и растений. Таким образом, основные принципы загадок сложились в глубокой древности. Конечно, не все загадки этих типов древние; по образцу старинных загадок складывались новые: о новых предметах и явлениях, входивших в быт. Возможно даже, что таких загадок о новых предметах значительно больше, чем старых, но сам тип построения загадки сложился очень давно. Последующие эпохи, оставившие письменные памятники, внесли в фонд народных загадок другие типы построения загадок, сохранив и использовав, конечно, и древнейшие.

Развитие древнерусской литературы, введение письменности и распространение христианства отразились как на художественном построении, так и на тематическом составе загадок. Загадки о книге, описывающие сшитую из листов книгу, не могли возникнуть раньше появления такой книги, загадки о гусином пере могли быть созданы только тогда, когда стали писать гусиными перьями. Все загадки о письме и грамоте создавались в разные эпохи после введения письменности, создавались по типу уже известных, старинных образцов. Грамотность принесла очень большую и сильную околожанровую группу, живущую до сих пор: шарады и вопросы о буквах алфавита. Они зафиксированы в рукописях XVIII века, касались букв славянского алфавита.[49] Возможно, что они бытовали и раньше, но начало их связано с грамотностью. Распространение христианства также внесло новую тематику, породило построенные по старому образцу загадки о служителях и предметах новой религии. В этом темати-

[49] В рукописном сборнике XVIII века (собрание Духовной академии, № 429, ГПБ) среди вопросов светского содержания есть и вопросы о буквах: «Что по правую сторону земли стоит?», «Как далеко отстоят люди от земли?».

ческом отделе возник и новый тип построения, впоследствии широко распространившийся на загадки о самых разнообразных предметах. Это тип загадок-рассказов, повествований, начавшийся с религиозных, назидательных притч, которые пришли из учительной, незидательной литературы, притч на темы Ветхого и Нового заветов. В. Н. Перетц на большом количестве примеров и сопоставлений убедительно показал, что эти загадки находятся под непосредственным воздействием рукописных источников, хотя и были записаны с устной передачи. Многие из них имеют греческие параллели.[50] Так, непосредственно связаны с рукописными притчами, заимствованы оттуда загадки про дух и землю, про Ноев ковчег, про Лота, про Моисея, Иону во чреве кита.[51] Таков же характер и загадок о христианской вере, душе, про Христа, про праведников и тело Христа, про крест, на котором был распят Христос, про двенадцать апостолов и т. п.[52] Они целиком книжного характера. Подобные загадки в устной традиции встречаются редко, и о них не стоило бы подробно говорить, если бы не их роль в истории развития загадок вообще.

Некоторые загадки на религиозные темы, заимствованные из рукописей, были переработаны в устном бытовании или получили новую отгадку. Народ стремился упростить сложные притчи, сократить их, а иногда и переосмыслить, применить к более понятным, обыденным вещам. Так, загадка про Ноев ковчег встречается в рукописи XVI века в следующем оформлении:

> Стоить град межи небеси и землею, идет з града посол нем и несеть грамоту неписану? — О. Град — Ноев ковчег, посол — голубь, а грамота неписана — лист масличный в устех принесен Ноеви ковчег.[53]

В сборнике Д. Н. Садовникова помещена почти идентичная этой загадка с той же отгадкой, а также с отгадкой — покойник:

---

[50] Перетц В. М. Студії над загадками. — Етнографічний вісник, 1932, кн. 10, с. 139—164, 194—195.

[51] Они зафиксированы в сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки...», изд. 1-е, № 2173, 2180, 2185, 2186, 2194.

[52] Там же, № 2205, 2204.

[53] Перетц В. М. Студії..., с. 144—145.

Стоит град на пути, к нему нет пути;
Идет человек нем, несет грамоту печатную,
Дает читать неученому.[54]

Загадка о переходе Моисея через море в рукописных памятниках чрезвычайно распространена. Одна из записей XVII века такова:

Деревян ключ, водян замок, заец убеже, а ловец утопе?[55]

В сборнике Д. Н. Садовникова загадка почти такая же с той же отгадкой,[56] а также с отгадкой — плотина, вода, работа:

Замок водяной, ключ древяной,
Заяц ушел, ловец утонул.[57]

Загадка про Иону в чреве китовом в рукописях встречается в пространном и кратком варианте. Последний звучит следующим образом:

Что есть: гроб хождаше, а мертвец в нем пояше?[58]

В сборнике Д. Н. Садовникова эта загадка помещена с отгадкой — Иона — почти в том же виде, как и в рукописи.[59] Но значительно больше распространена в устной традиции видоизмененная загадка и с другой отгадкой:

Гроб плывет, мертвец ревет,
Ладан пышет, свечи горят. — Туча, гром, молния.[60]

В некоторых случаях в устной традиции сохранились только такие переосмысленные, получившие другую отгадку загадки, а варианты, связанные с рукописными притчами, исчезли или никогда и не встречались в живом бытовании, сохранились только в рукописях. Так, об-

---

[54] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 2125.
[55] Перетц В. М. Студії..., с. 148.
[56] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 2187.
[57] Там же, № 1108.
[58] Перетц В. М. Студії..., с. 150.
[59] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 2194-а.
[60] Там же, № 1961. — Встречаются отгадки: ведра на коромысле, ружье, пароход.

раз коня, «грызущего» траву и не насыщающегося, встречается в нескольких притчах назидательного характера.

1. Что есть: конь стоит на голе гумне, а сыт велми? — Сиротиный человек богу молиться, а не сохнет ни о чем же...; 2. Что есть: стоит конь на гумне, а трава у него по самое чрево, а траву зря изсе? — Богатый человек в велицем богатстве живет, а на богатстве зря изсох...; 3. Что есть: конь ходит, а отаву грызет двемя головами? — Судия мздоимец с обоих сторон посулы берет.[61]

Загадка с такими образами, но с измененной отгадкой есть в сборнике Д. Н. Садовникова:

Выгляну в трубу:
Стоит конь на лугу.
Он жрет пожират,
Себе сытости не знат. — Обдирка.[62]

Родство этой загадки с приведенными выше рукописными вариантами несомненно. Изменение отгадки, приближение загадки к конкретной трудовой жизни крестьянина очевидно, как и в рассмотренных выше загадках. Отвлеченная (бедный, богатый, взяточник) отгадка нехарактерна для устной традиции. Она конкретизуется, сама загадка тоже изменяется. Притча забывается, в устном бытовании остается только переработанная загадка, унаследовавшая от рукописной притчи образы и форму — сюжетное повествование, описание целой картины.

Во всех отмеченных загадках и предметы загадывания, и образность, и лексика говорят о том, что основа и первоисточник их книжные, а не фольклорные, что загадка пришла из литературы. В таких случаях вопрос о приоритете рукописи в происхождении загадки может быть решен определенно.

Но в рукописях встречаются загадки, относительно которых возникает вопрос, не пришли ли они в рукопись из устной традиции. Связь рукописной и устной загадки очевидна, а вопрос о том, устная загадка заимствована из рукописи или рукописная составлена на основе устной, остается спорным. Такова, например, загадка о колоколе. В рукописях:

---

[61] Перетц В. М. Студії..., с. 178—179.
[62] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, 2425.

1) Что есть: живый мертваго бияше, мертвец же вонияше, и на глас мертваго стекошася множество людей? 2) Живой бьяше мертваго и мертвой вопит, и придут на глас его и спасутца.[63]

В записях XIX—XX веков довольно часто встречается

Живой мертвого бьет,
Мертвый голос издает,
На крик его народ идет.[64]

В. Н. Перетц указывает па связь этой загадки в устном бытовании п рукописных притч.[65] Загадка по своему строю, краткости, выразительности близка устным народным вариантам. Но для решения вопроса, пришла ли загадка в устную традицию из рукописной или наоборот, необходимо дополнительное изучение и дополнительные данные, которыми мы не располагаем.

В. Н. Перетц показал, что из рукописей в устную традицию пришли не только загадки, связанные с христианской религией, но и загадки о человеческой жизни, о времени, смене дня и ночи и т. д. Так, из рукописи в устную традицию перешли загадки:

Хто бежит, гопит? — День бежит, нощь гонит.
Кое два супостата бореться на земли? — День и нощь коротают век человеческий.

С этими загадками, очевидно, связаны загадки о жизни и смерти:

Коя два супостата борутся па свете? — Смерть и живот, день и нощь.[66]

В сущности здесь одна загадка с разными отгадками. Эти загадки и в устную традицию перешли с разными отгадками, они очень распространены, их записи сделаны во многих районах страны:

Кои два супостата перепираются? — День и ночь (4980).

---

[63] Перетц В. М. Студії.., с. 186.
[64] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, № 1011.
[65] Перетц В. М. Студії.., с. 186.
[66] Там же, с. 170—172.

Кто бежит и кто гонит, как два борци борются? — Жизнь и смерть (1629).

В рукописях встречаются загадки и о человеке, его внешнем виде:

Стоит гора на двух холмех, среди горы кладезь глубок, наверху горы лежат два камени самоцветные, а над ними два лютые львы. — Гора — человек на двух ногах стоит, а камение — очи ясныя, а львы лютые — брови черные, а кладезь — гортань и чрево.[67]

В устной традиции загадка о человеке мало сходна с рукописной, но принципы уподобления и построения общие:

Стоят вилы,
На вилах — бочка,
На бочке кивало,
На кивале — зевало,
На зевале — мигало,
На мигале остров,
На острове козы ходят (1349).

Устная загадка избирает более простые предметы уподобления, но схема ее та же, что и у рукописной.

Притчи-загадки, как видно из приведенных примеров, касались прежде всего христианской веры, человека, его жизни и смерти, т. е. в большинстве случаев носили назидательный характер, что вполне естественно для тех источников, из которых они пришли в устную традицию. Но встречаются среди них и такие, которые составлены о самых обыденных предметах, но в том же духе, что и приведенные выше. Они длинны, повествовательны, лексика их часто напоминает книжную. Связь их с устной и рукописной традицией более запутанная и сложная. Показательна в этом отношении история загадки про глиняный горшок. В рукописях встречается такая притча-загадка:

Некий человек прежде Адама сотворен, вознесеся на колесницу, огнем освящен, водою окроплен, а облечется в пестрыя ризы, поживет вторый век.[68]

---

[67] Перетц В. М. Студії..., с. 178.
[68] Там же, с. 187.

В. Н. Перетц считал, что под влиянием греческой традиции в славяно-русских рукописях появилась притча-пародия про горшок, потом она перешла и в устную традицию.[69] И действительно, в сборнике Д. Н. Садовникова имеем следующую загадку:

Взят от земли, яко же Адам,
Вержен в пещь огненную, яко три отрока,
Взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия,
Везен бысть на торжище, яко же Иосиф,
Ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус,
Возопи велиим гласом,
И на глас его приде некая жена,
Яко же Мария Магдалина,
И купивши его за медницу, принесе домой,
Но расплакася по своей матери, умре,
И доныне его кости лежат не погребены.[70]

Бытует и облегченный вариант:

Взят от земли, как Адам,
Посажен на колесницу, как Илия,
Вывезен на торг, как Иосиф;
Берут, покупают, для дому набирают.
Принесут — он растужится, расплачется,
Помрет — не горюют, похоронят — не плачут (3697).

Видимо, загадка про глиняный горшок в приведенном варианте связана с рукописной традицией, пришла в устное бытование из литературы. В. Н. Перетц считал, что эта загадка соединилась с давно существовавшей устной загадкой, стала перерабатываться, библейские элементы в ней исчезли.[71] Возможно, что это и так, но форма загадки осталась прежней — метафорический рассказ, повествование. Во всяком случае в устной традиции живут два варианта загадки про горшок. В одной связь с рукописной традицией очевидна, лексика книжная, образы библейские. Другой вариант, более распространенный, не имеет книжной лексики и библейских образов, в общих чертах похож на рукописный:

Был я на копанце, был я на хлопанце,
Был на пожаре, был на базаре.
Молод был — людей кормил,

---

[69] Там же, с. 190.
[70] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 334.
[71] Перетц В. М. Студії..., с. 190.

Стар стал — пеленаться стал,
Умер — мои кости негодящие бросили в ямку, и
собаки не гложут (3699).

Трудно сказать, с какой устной загадкой соединилась рукописная притча, как думает В. Н. Перетц. Скорее всего было усвоение устной традицией рукописной притчи-загадки, которая пришлась по вкусу своим озорным характером, пародийными намеками на библейские имена и становилась просто метафорическим рассказом о создании глиняного горшка.

Загадка-притча с библейскими образами отразилась в устной традиции еще и тем, что и в других загадках про горшок он наряду с именованием его Нероня, Дороня и т. п. называется еще и Адам.

Помер Адам, ни богу ни нам,
Ни душа на небо, ни кости в землю.[72]

Истории загадки про горшок подобна история загадки про жернова. В рукописи о жерновах встречается пространная и очень сложная притча,[73] а в устной традиции бытует загадка, напоминающая ее по содержанию, образам и лексике.[74]

И загадка про глиняный горшок, и загадка про жернова — пример того, что внесли рукописные памятники в устную традицию, пример загадки-повествования, возникшей под влиянием рукописной литературы. Еще один подобный пример — загадки про комара, которых в устной традиции очень много. Как и загадки про глиняный горшок, они не только часто встречаются, но составлены как метафорические повествования:

Крылья орловы, хобота слоновы,
Груди конинья, ноги львиныя,
Голос медный, носы железны;
Мы их бить,
А они — нашу кровь лить.

На море, на возморьи, на белом камне,
Сидит птица под тутуем,
Она богу молится, взмоляется,
Царю поклоняется;
Дал ей бог волю

---

[72] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 329.
[73] Перетц В. М. Студії..., с. 190—191.
[74] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 1103—1104.

В царе и царице,
В молодце и девице;
Не дал бог воли
В рыбе да в море.[75]

В рукописях встречается похожая загадка:

> В некоей веси проявилася птица; имеет у себя четыре ноги и два крыла, глава подобна медведю, нос, аки у слона; летит — ворчит, а сядет — молчит; аще кто тое птицу убиет, тот человек сам свою кровь пролиет.[76]

Кроме того, некоторые варианты загадки про комара, в которых говорится о власти комара над всеми обитающими на земле существами, напоминают библейский рассказ о сотворении человека:

> И рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию, и да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, (и зверми), и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли (Кн. Бытия, I, 26).

К притчам и библейским текстам ведет и начало некоторых вариантов: «В мае месяце, четвертой тысячи...».

Можно предположить, что варианты загадок про комара, построенные в форме рассказа, связаны с литературой, с притчами, библейскими рассказами.

Если сопоставить все приведенные выше загадки, то у них найдутся общие особенности: 1) все они встречаются в рукописных памятниках и в устной традиции; 2) многие бытуют в фольклоре других славянских народов в близких вариантах; 3) образы их взаимосвязаны как в устной традиции, так и в повествовательной литературе средневековья; 4) все они представляют развернутые повествования метафорического характера. Они потому и повествовательны, что связаны с повествовательной литературой; это рассказы, притчи аллегорического характера. Придя в устную традицию, они видоизменились, несколько упростились, меняли отгадки. Некоторые не удержались в устной традиции, иные стали очень редкими, но они принесли особый тип загадок — развернутые рассказы, описания, создающие целую картину с не-

---

[75] Там же, № 1641, 1646.
[76] Перетц В. М. Студії..., с. 194.

сколькими действующими лицами. Под их влиянием, очевидно, и в устной традиции стали появляться загадки-диалоги «царицы Клюковицы» с «царем Космачем» (кочерга и помело), «Лютора с кохтаркой» (ястреб и курица), «Турицы с Косареем» или «Чегоры с Таратором» (мышь, петух, сверчок),[77] в чем нашла отражение и давняя связь загадок с тайной речью, бытовыми и промысловыми запретами.

Когда создалась та или иная загадка — установить трудно, так же как точно определить круг загадок, которые перешли в устную традицию из письменной. Новые данные сравнительного изучения древнерусской литературы и фольклора откроют новые возможности приурочения отдельных загадок, установления связи их с рукописями или зависимости рукописи от народной традиции. Однако имеющихся сейчас материалов, собранных и опубликованных В. Н. Перетцем, достаточно, чтобы сделать первые заключения о типе построения загадки-притчи, рассказа, который был внесен в устную традицию из рукописных памятников. Когда это могло произойти? Видимо, не в каком-то году и даже не каком-то веке. Отдельные варианты, детали накапливались и упрочивались в устной традиции постепенно.

Рукописные памятники, учительная литература внесли в устную традицию еще один тип загадок. Из «Беседы» и других рукописных произведений в устную традицию проникли не только загадки метафорические и аллегорические, но и загадки-вопросы. Главным образом это были вопросы на библейские сюжеты, о событиях и героях священной истории. Таковы:

Кто не рожен, а умре? — Адам.

Кто не рожден умре, а рожден не умре? — Адам и Илия.

Кто мерьтвый не погребен и не истле? — Жена Лотова[78]

Нет необходимости перечислять все вопросы на библейские темы, встречающиеся в рукописях. Многие перешли в устную традицию. В сборнике Д. Н. Садовникова встре-

---

[77] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 311, 940, 1555—1567.

[78] Перетц В. М. Студії..., с. 195.

чаются как все приведенные выше вопросы, так и другие, связанные с библейскими сюжетами.[79]

Значение подобных вопросов для истории русской загадки не в том, что они создали тип загадки-вопроса — этот тип существовал в устной традиции издревле, — а в том, что под их влиянием возникли в устной традиции вопросы сначала иронические по отношению к библейским, а потом и вообще иронический вопрос. Так, В. Н. Перетц отмечает, например,[80] что по образцу загадки-вопроса про крест, встречающейся в рукописях и в устной традиции («Кто родился — не крестился, на себе Христа носил?» — 5034), появился вопрос иронического по отношению к книжному характера:

> Родился — не крестился; умер — не спасся, а Христа носил? — Осел.[81]

Подобным же способом образованы, по мнению В. Н. Перетца, и вопросы:

> Кто два раза родился, ни разу не крестился, а один раз умер? — Птица.
> Кто в избе родится без отца, без матери? — Щель в бревне.[82]

Количество подобных иронических по отношению к библейским вопросов можно увеличить.

Вопросы книжного, литературного происхождения смыкаются с древнейшими вопросами о свойствах явлений природы, что обеспечивает им устойчивость и популярность. Это особенно отчетливо проявляется в группе вопросов, связанных, очевидно, с «Беседой» и с устными вопросами: «Что всего быстрее?» «Что всего милее?» «Что всего слаще?» и т. д. Они встречаются и в «Беседе», и в сказках, но ответы на них разные. В рукописном памятнике на вопрос: «Что есть всего быстрея и резвея у человека?» — следует ответ: «Очи у человека и мысль во мгновение ока доиде до небеси».[83] В сказке на тот же вопрос подавляющее большинство ответов космогонического ха-

---

[79] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 2174, 2175, 2181, 2182.

[80] Перетц В. М. Студії..., с. 196—197.

[81] Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 1-е, № 2201.

[82] Там же, № 1591, 27.

[83] Памятники старинной русской литературы, изд. Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, с. 175.

рактера: солнце, ветер, вода. Возможно, что вопросы из учительной, назидательной литературы переходили в устную традицию, привлеченные туда аналогичными же вопросами о качествах, свойствах предметов, явлениях природы, издавна бытовавшими в устной традиции. Здесь они упрощались, приспосабливаясь к устному бытованию. То, что вопросы возникали в письменной литературе, подтверждается характером ответов, чаще всего назидательных. Сложность вопросов и в устной традиции, и в рукописной разная, есть трудные для отгадывания, есть более простые, но всегда устные вопросы проще, чем рукописные, более бытовые и жизненные.

В некоторых случаях можно даже проследить, как вопрос упрощался, изменялся, делался более бытовым, близким обыденной жизни. Так, в одном из списков «Беседы» есть вопросы:

Что есть сладчае всего человеку? — Сладчае всего человеку грех: в мале сластит, а во веки мучит.

Что есть лутчея всего человеку? — Лутчие всего человеку — богу угодити и душа спасти...

Что есть лучше всего человеку и корыстнее? — Здоровие телесное и счастие доброе, аще лежит человек при смерти, тогда богатство и брашно не угодно ему есть.[84]

Эти вопросы не идут друг за другом, они разделены другими, но различные ответы на один из тот же по существу вопрос производят впечатление размышления. Человек размышлял над поставленными вопросами, ответы его становились все конкретнее: не философствование, что лучше всего угодить богу, а вполне реальный жизненный и бытовой ответ — лучше всего быть здоровым. Это размышление можно продолжить, опираясь на вопросы устной традиции. Когда человек отвечает, что лучше всего быть здоровым, то он не шутит, это серьезное, вдумчивое наблюдение. Но вот блеснули искорки юмора, свойственного устной речи, устной поэзии, и вопрошающий получил ответ: лучше всего на свете сон. Это уже не следовало записывать, это осталось в устном бытовании.

Таким образом, в истории загадок-вопросов намечаются следующие периоды. Древнейшие вопросы космого-

---

[84] Там же, с. 175.

нического характера о свойствах предметов и явлений природы притянули в устную традицию из рукописных памятников, построенных в вопросно-ответной форме, аналогичные вопросы о связанных с жизнью человека предметах и явлениях. Из той же литературы приходят — правда, в небольшом количестве — вопросы библейского содержания, под влиянием которых появляются иронические по отношению к ним варианты об обыденных предметах.

Развитие русской культуры и литературы в XVIII веке шло таким образом, что народное творчество стало привлекать внимание писателей и ученых как самостоятельное, ценное само по себе явление. О фольклоре начинают писать, его собирают, публикуют. В то же время произведения народного творчества перерабатываются писателями и поэтами в духе литературы того времени. Примером этого может служить деятельность М. Д. Чулкова и В. А. Левшина. М. Д. Чулков в «Парнасском щепетильнике» помещал фольклорные материалы, в том числе и загадки.[85] Они озаглавлены «Древние русские простонародные загадки». И это, действительно, простонародные загадки, без какой-либо правки или стилизации. Например, загадка про дорогу:

Лежит лось, протепя нос,
А встанет — так до неба достанет.[86]

Совсем другое дело — загадки из сборника В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» (М., 1773). Они чужды народным по самому своему существу. Вот, например, загадка про сердце:

Хотя меня никто не видит, но я заподлинно ведаю, что всякому я мил и всякой меня желает. Без меня ни быть, ни жить не можно, и я никому не отдаюсь прежде, как уже искренне влюблюсь.[87]

Таковы же и загадки о речи, разговоре, красоте, шпаге, вздохе, любви и т. п.

---

[85] Парнасский щепетильник, 1770, май.
[86] Там же, с. 46.
[87] Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени, изданные В. А. Левшиным. М., 1773, с. 7, № 13.

Много в сборнике и загадок, посвященных конкретным предметам, о которых часто загадываются и народные загадки. Иногда образы этих загадок близки образам народных. Но судить о том, где эти образы исконны очень трудно. У нас нет данных, чтобы установить были ли распространены образы, близкие загадкам из сборника В. А. Левшина, в устной традиции до появления сборника или перешли в устное бытование из литературных источников. Скорее всего имело место и то и другое. Иногда можно сделать некоторые предположения. Так, в сборнике В. А. Левшина есть загадка о дожде:

«Иногда я на земле приключаю неудовольствие, а временем приятность. Сколько б ни было народа, все, увидя меня, прячутся. В городах во мне нет нужды, а земледельцы почитают дорого».[88]

В начале XX века В. М. Красноженовой была записана следующая загадка:

Меня просят, ждут,
А только покажусь,
Все прятаться начнут.[89]

Образ дождя, от которого все прячутся, вряд ли принадлежит древней, устной традиции. Скорее всего он создан в городской среде и, может быть, восходит к сочинениям XVIII века.

Таков же образ в загадке про часы:

Хотя я беспрестанно путь мой продолжаю, но с места сойти не могу. Отдыха никогда не знаю, разве во время моего повреждения. Жизнь моя на волоске, который не растет. Часто меня без всякой вины вешают.[90]

В народной традиции XIX века есть загадка про часы, которая, как и загадка про дождь, тематически более связана с городской средой и тоже могла впервые появиться в сборниках, а потом часть ее приняла форму вопроса:

Что всегда ходит, а с места не сходит?[91]

---

[88] Там же, с. 9, № 19.

[89] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961, с. 222, № 596.

[90] Загадки, служащие для невинного разделения..., с. 15—16, № 37.

[91] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 279.

Из приведенных примеров видно, что загадки сборника В. А. Левшина далеки от народных, особенно своим строем: они состоят из нескольких сложных предложений, содержащих придаточные и вводные. Такие загадки трудно запомнить, их нужно заучивать, они не могут бытовать в устной традиции.

Третий тип сборников, бытовавших в конце XVIII — начале XIX века, представляет нечто среднее между сборником В. А. Левшина и собраниями устных загадок. Таков рукописный сборник начала XIX века «Отгадай — не скажу, или любопытные загадки с отгадками для смеха и удовольствия».[92] В сборнике отражены типы загадок, бытовавших в XVIII веке: старинные, рукописные, сочиненные в XVIII веке или обработанные, устные народные. Почти половина загадок — вопросы самого разнообразного содержания: шутливые, светские и библейские.

Кто прежде был, борода или человек? — Борода, ибо козел сотворен прежде человека.

Что будет завтра и что было вчера? — День.

Какого животного в ковчеге Ноевом не было? — Рыбы.[93]

Есть в сборнике загадки, близкие устным, встречающимся в записях XIX—XX веков, и, очевидно, принадлежащие устной традиции, лаконичные и образные. В сборник попали и загадки, которые пришли в устную традицию из рукописных памятников средневековья. Такова известная многим народам загадка сфинкса.

Кто поутру имеет четыре, в полдень две, а ввечеру три ноги? — Человек.[94]

Самое любопытное в этом сборнике то, что некоторые загадки, связанные с устной традицией и с рукописными памятниками средневековья, здесь встречаются в вариантах, переработанных в духе XVIII века, но не как у Левшина, а в ином стиле, менее тяжелом. Такова загадка о колоколе:

---

[92] Рукописный отдел ГПБ, собрание П. Н. Тиханова. № 930.
[93] Там же.
[94] Там же.

Хотя я мертв, но есть ли ты станешь меня бить, то закричу.[95]

Что есть: живый мертваго бияше, а мертвый же вопияше, на глас его стекошася множество народа? — Живый — то есть звонарь, а мертвый — то есть колокол.[96]

Живой мертвого бьет,
Мертвый голос подает,
На крик его народ идет (5046).

Сопоставление этих вариантов показывает особенности загадок в древнерусских памятниках, в сборниках XVIII века и записях устных вариантов XIX века. Для устного варианта характерна простота, четкость, он построен из простых предложений. В нем нет «хотя», «но», «то». Вариант XVIII века по сравнению с устным менее четок, состоит из сложноподчиненного предложения, но по сравнению с вариантом из древнерусской рукописи более краток и прост. Если сопоставить загадки сборника «Отгадай — не скажу...» с загадками из сборника В. А. Левшина, то очевидна их бóльшая простота и близость устной традиции. Такие загадки, как загадки сборника «Отгадай — не скажу...», уже могли перейти в устное бытование и там упроститься настолько, что приблизились к исконным устным вариантам.

Таким образом, XVIII век не внес сколько-нибудь значительного вклада в историю русской народной загадки. Появились, конечно, загадки о новых предметах и явлениях (и дальнейшие исследования будут делать все новые открытия в этой области), но нового вида загадок создано не было, XVIII век отразился только в стиле и лексике.

Развитие русской литературы, и в первую очередь поэзии, в XIX—XX веках отразилось на загадках. Начинают появляться загадки, построенные в виде небольшого рифмованного стихотворения. До середины XVIII века подобные загадки-стихотворения появиться не могли, так как не слагались подобные стихи. Утвердившись в литературе, силлабо-тонический стих появляется и в фольклоре.

---

[95] Там же.
[96] Памятники старинной русской литературы, вып. III, с. 176.

Например:

Он упрямый и пузатый,
Больно бьют его ребята.
Отчего беднягу бьют?
Оттого, что он надут (5246).

Это уже не старинные ритмические загадки, это хореическое стихотворение.

В наши дни репертуар загадок интенсивно пополняется из литературы, из детских книг и учебников. Так, загадка про пилу, сочиненная С. Маршаком, загадка про ромашку, сочиненная О. Тарнопольской (и та и другая отмечались выше), неоднократно зафиксированы в устной традиции.

Возникают новые загадки о новых предметах, а также о старых, уже имеющие варианты в устной традиции. Примером новых загадок, возникших в устной традиции, могут служить загадки про пароход, паровоз, электричество, трамвай.

Воронко ушел, ржет и домой нейдет. — Паровоз (4504).

Создаются и получают все большее распространение около-жанровые группы, например шарады.

Историческая жизнь загадок продолжается. Они и в наши дни остаются живым, развивающимся жанром.

Глава четвертая
Загадки и другие фольклорные жанры[1]

ОБЩИЕ СХОДСТВА

Все жанры народной поэзии живут и развиваются в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Э. В. Померанцева справедливо отмечает, что резкие границы между фольклорными жанрами отсутствуют.[2] Загадки испытывают влияние других жанров и сами влияют на них. С одними связь более тесная, с другими отдаленная. Кроме своих специфических образов загадки варьируют общефольклорные, типичные для всей художественной системы народных произведений поэтические образы и детали. Выше уже отмечалось, что только фольклорными припоминаниями можно объяснить, почему мороз в загадках всегда старик, дед, почему соха — Баба-Яга.

В загадках, как и в былинах, песнях, сказках, нередко встречаются устойчивые обороты: конь вороной, чистое поле, добрый молодец, красная девица, лебеди белые, море синее, гуси-лебеди, буйная голова:

В чистом поле, на воле стоит конь вороной,
Ни проехать, ни пройти, ни рукой провести. — Змея (624).

Собой не одинака, а нужна одинако
Младенцу, и мертвецу, и доброму молодцу. — Рубашка (4007).

---

[1] Основные положения данной главы: Митрофанова В. В. Специфика русских народных загадок. — В кн.: Русский фольклор, т. X. М.—Л., 1966, с. 89—102 (вторая часть статьи).

[2] Померанцева Э. В. Баллада и жестокий романс. — В кн.: Русский фольклор, т. XIV. Л., 1974, с. 203.

Красна девица в зеркало глядится. — Солнце (153).

Полно подполье белых лебедей. — Зубы (1501).

Долгие вожжи через сине море хватят,
Через буйну голову не хватят. — Взор человека (1450).

Некоторые имена и образы загадок напоминают героев сказок — Ягу, семь Семионов, Сивку-Бурку:

Стоит Яга, во лбу рога. — Воронцы у печи (3022).

Семь Семионов, осьмая Матрена. — Ступа и пест (2825).

Бурко бежит, а оглобли стоят. — Река (481).

Сказочный образ наливного яблочка на золотом блюдечке возникает при загадывании загадки про солнце:

Золотое яблочко по серебряному блюдечку катается. —
Солнце (139).

Близость этого образа к сказкам отмечает В. П. Аникин,[3] а в некоторых зачинах загадок про комара, про смерть он видит «ощутительное влияние образов и стилистики народных присказок».[4]

Среди моря-океана, среди острова Буяна...; на море, на океане, на горе Вассиане...; на море, на океане, на острове Буяне... (768, 770, 1641).

Последний образ перекликается с традиционным оборотом заговоров:

На море, на океане, на острове на Буяне есть бел горюч камень Алатырь.[5]

Некоторые образы загадок напоминают былины. Так, в загадке про стол, накрытый скатертью, или про овин, несмотря на отсутствие былинных имен и выражений, образ имеет определенное былинное оформление:

---

[3] Садовников Д. Н. Загадки русского народа. Изд. 3-е. М., 1959, с. 320, № 1891.

[4] Там же, с. 327, № 2116.

[5] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов, т. II. М., 1868, с. 132.

Стоит Никола в полуподгорье,
Копьем уперся, камкой уплелся. — Стол со скатертью (3557).

Стоит Егорий в полу-угорье,
Шатром покрылся, копьем подперся. — Овин (2304).

А. Н. Веселовский отмечал, что «иные загадки напоминают образность песенных запевов».[6] Действительно, загадки про мак, не имея с песней ни текстового, ни ритмического, ни сюжетного сходства, напоминают песни красочностью образов, названиями городов и эпитетами, к ним относящимися:

Пал порошок, стал городок,
Краше Казани, краше Астрахани. — Мак (2536).

Кину порохом, станет городом,
Красной Москвой, Белой Литвой. — Маков цвет (2537).

Иногда в загадке намечается какой-то сюжет, действие, напоминающее песню. Такова, например, загадка про лодку:

Купался барин на Черной реке и выкупался,
Вышел на берег и вымарался (4486).

В. П. Аникин считает эту загадку «видоизмененным отрывком из песни».[7] Действительно, такая песня широко распространена.

На этой на речке купался бобер,
Купался, купался и выкупался,
Не выкупался, да весь вымарался,
На горку взошел, отряхивался.[8]

Какова причина этой общности эпитетов, названий, имен, действий и ситуаций, фразеологических сочетаний, можно установить в результате исследования каждого от-

---

[6] Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. — Собр. соч., т. I. СПб., 1913, с. 205.

[7] Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Н. Садовников. М., 1959, с. 311, № 1590 (в дальнейшем Садовников Д. Н. Загадки.., изд. 3-е).

[8] Великорусские народные песни. Изд. проф. А. И. Соболевским, т. V. СПб., 1899, № 192.

дельного совпадения, а также изучения не только загадок, но и былин, песен, сказок и т. д. Очевидно, могло быть и заимствование загадкой образа или словосочетания из песни, прибаутки, сказки, как и обратная связь. Но чаще прямого заимствования, прямого воздействия, видимо, не было. Скорее всего при загадывании загадок вспоминался герой сказки, песенный оборот. Сходство создавалось за счет того, что и загадки, и сказки, песни, прибаутки черпали изобразительный материал из общего фонда русского фольклора. Кроме того, общие детали в каждом жанре подчинены своим особым задачам и законам. Метафоры в сказке или песне не исчерпывают произведения и не составляют его основу, как в загадке. Иванушка, семь Семионов, Сивка-Бурка в сказках — основные герои. Их нельзя заменить кем-либо другим, их имена тоже довольно постоянны. В загадке же они легко варьируются без ущерба для смысла или художественного строя загадки.

ЗАГАДКИ И ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

С некоторыми жанрами у загадок несколько иные связи, более тесные. Наиболее близкими к загадкам жанрами, с которыми у них есть даже некоторые общие жанровые признаки, являются детские считалки и потешки, пословицы и подблюдные песни-гадания.

Подблюдные песни сопровождали гадание молодежи во время зимних календарных праздников и исполнялись хором. Каждая песня, очень короткая, обозначала будущее, судьбу гадающих. Но прямого описания судьбы в ней не было: описывалось какое-нибудь событие, действие, которое имело определенный смысл. Каждая песня заканчивалась пением славы или заклинательной формулой: «пусть сбудется, не минуется». Что сбудется, нужно разгадать: песня представляет собою своеобразную загадку.

Сидит воробей на Беле-городе,
Глядит воробей на чужу сторону. — Быть на чужбине.

За рекой мужики, все богатые, гребут лопатами. —
Прибыль.[9]

---

[9] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. М., 1911, с. 296, № 1081, 1086.

На связь подблюдных песен с загадками впервые было обращено внимание еще в собрании песен П. В. Киреевского. В первом выпуске новой серии к подблюдным песням сделано примечание редактора: «Обозначены подблюдные песни-загадки, поэтому в конце каждой — отгадка».[10] Прямое текстуальное совпадение некоторых подблюдных песен с загадками отмечал А. В. Марков: «Некоторые подблюдные, чисто гадательные песни представляют собою не что иное, как загадку».[11] Марков имел в виду подблюдную песню «Несут корыто, другим покрыто», вне связи с гаданием являющуюся загадкой о гробе (1657). О связи подблюдных песен и загадок писал В. И. Чичеров, отмечая как дословные совпадения, так и общую близость подблюдных песен с загадками: «Очень многие подблюдные песни имеют форму загадок, а иногда и полностью повторяют их».[12] И действительно, некоторые подблюдные песни целиком совпадают с загадками:

На печи звезда высоко взошла.

Обулся не так, оболокся не так,
Заехал в ухаб, не выехать никак.

В подполе блоха толкача родила.[13]

Подобные дословные совпадения подблюдных песен и загадок свидетельствуют о том, что между этими жанрами есть какая-то принципиальная внутренняя общность, позволяющая произведению одного жанра перейти без каких-либо существенных изменений текста в другой жанр и начать там новую жизнь.

Как уже было отмечено, подблюдная песня не описывает судьбу гадающего человека, а подменяет ее описанием другого предмета или действия. Что означает это описание, нужно угадать; предмет, образ, заключенный

[10] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. 1. М., 1911, с. 295—296.

[11] Марков А. В. О методе изучения загадок. — Этнографическое обозрение, 1909, № 4, с. 85.

[12] Чичеров В. И. Русское народное творчество. М., 1959, с. 367.

[13] Загадки: Садовников Д. Н. — Загадки русского народа. СПб., 1876, № 466, 2121, 762. Песни: Шейн П. В. — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. I. СПб., 1898, № 1089, 1097, 1111.

в песне, должен быть угадан, истолкован в определенном смысле. Песня сопровождается отгадкой, как и загадка, и без отгадки она теряет смысл, не представляет интереса для исполнителей. Ведь и поют-то подблюдную песню для того, чтобы узнать, угадать, что ожидает человека в будущем, ради отгадки. Связь подблюдной песни с отгадкой такая же, как и загадки с отгадкой.

Объединяет подблюдную песню и загадку и их метафоричность, преобладающая роль в их художественной системе метафоры. Совершенно прав был В. И. Чичеров, отмечая, что «метафорический язык, каким характеризуются загадки, вообще связан с древними формами обрядовых заклинательных формул, использование его в подблюдных песнях допустимо считать их исконной чертой».[14] Следует, однако, учесть, что в отгадывании подблюдных песен, в их образах большее место, чем в загадках, занимает символ (венец, перстень, сват, гость — замужество, полотенце — дорога или смерть). Для загадок символика не имеет такого значения. Отгадывание происходит на основании тех признаков или действий, которые сообщаются о загадываемом предмете, а не с учетом того, что символизирует данный в загадке образ.

Подблюдные песни, как и загадки, коротки, состоят всего из нескольких строк. Составлены они, как и загадки, из простых предложений, часто неполных, безличных или назывных. В тех случаях, когда песня строится из сочиненных или подчиненных предложений, части их простые и краткие, нередко, как и в загадке, встречается пропуск подчинительных союзов, а также членов предложения. Это создает своеобразную цезуру в середине песни.

Конечно, среди подблюдных песен встречаются и такие, которые не напоминают загадок, например известная песня о кузнеце, кующем злат венец:

Идет кузнец из кузницы,
Кузнец кует мне златой венец,
Из остаточков золот перстень,
Из обрезочков булавочку.[15]

[14] Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, с. 109. — Подобные же наблюдения имеются и в статье З. И. Власовой «К вопросу о поэтике подблюдных песен» (Русский фольклор, т. XIV, с. 74—100).

[15] Песни, собранные П. В. Киреевским, № 1079.

Песня многопланова, но иносказательность ее, необходимость отгадать ее смысл все же сближает ее с загадками.

У загадок с подблюдными песнями наблюдается сходство даже в возможности нескольких отгадок. О том, что загадки могут иметь несколько отгадок, говорилось выше. О возможности разных разгадок некоторых подблюдных песен писал В. Я. Пропп.[16]

Подблюдные песни и загадки роднит и их значение в культурной жизни народа. И те и другие были тесно связаны с одним и тем же кругом воззрений, с зимним циклом праздников и гаданий, которые были направлены на то, чтобы воздействовать на природу в нужном для земледельца направлении. Загадывание загадок считалось обязательным на святках;[17] тогда же происходили и подблюдные гадания.

Сходство некоторых жанровых признаков подблюдных песен и загадок не дает все же оснований для того, чтобы объединить их или вывести подблюдные песни за пределы песен. У подблюдных песен, кроме общности с загадками, есть и довольно существенные отличия. Загадки загадываются обычно о предметах, явлениях природы, они конкретны. Подблюдные песни касаются действий, состояний, их смысл более отвлеченный, общий. Подблюдная песня тесно связана с напевом, чего совершенно лишена загадка. Едва ли есть необходимость и генетически связывать эти два жанра, хотя вопрос этот сложен и требует специального рассмотрения.

ЗАГАДКИ И ПОСЛОВИЦЫ

Другой жанр фольклора, близкий к загадкам своей краткостью и ритмическим строением, — пословицы. Эта близость привела к тому, что загадки долгое время публиковались не только в одних сборниках с пословицами, но даже не отделялись от них. Как происходило обособление загадок от пословиц в публикациях середины XIX века, было показано в первом разделе данной работы.

При постановке исследовательских проблем тенденция к объединению загадок и пословиц продержалась зна-

[16] Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963, с. 109—110.
[17] Чичеров В. И. Зимний период..., с. 109—110.

чительно дольше, чем в публикациях. Мысль о тесной связи пословиц и загадок постоянно присутствует в обширном труде Ф. И. Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Это имеет у Ф. И. Буслаева научное обоснование. Для него загадки, поговорки, пословицы — «разрозненные члены одного общего сказочного предания», составляют дидактическую часть народного эпоса.[18] И пословицы, и загадки, по мнению Ф. И. Буслаева, происходят «из одного общего зародыша» и находятся в тесном родстве, как изречения «мудрости народной вообще».[19]

Объединение загадок и пословиц, рассмотрение этих жанров как родственных находим и у М. Н. Сперанского: «Загадки по форме, отчасти по содержанию и употреблению приближаются к пословице: та же краткость, сжатость изложения, иногда стихотворно-ритмическая форма ее, репертуар тем, близких к быту и народной морали, то же назначение — развлечение, украшение речи с претензией на остроумие».[20] М. Н. Сперанский не развивает своего утверждения, да и едва ли возможно сделать это, так как из всего сказанного реально только первое: пословицу и загадку объединяет краткость, сжатость изложения и — не всегда — стихотворный ритмический строй.

Нельзя сказать, что тенденция к объединению пословиц и загадок господствовала в науке. Она как бы сосуществовала с взглядом на загадки как особый жанр. Уже Д. Н. Садовников писал: «В первых (загадках, — *В. М.*) отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку, в последних (пословицах, — *В. М.*) — вся житейская мудрость и нравственная личность простолюдина».[21]

Развитие фольклористики показало, что стремление исследовать загадки в непосредственной связи с пословицами, делать какие-то общие выводы, а тем более переносить итоги изучения одного жанра на другой не приводит к положительным результатам. Исследователям при-

---

[18] Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 33.

[19] Там же, с. 129.

[20] Сперанский М. Н. Русская устная словесность. Ч. I. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. М., 1917, с. 455.

[21] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, с. 1.

ходится или говорить о пословицах и загадках обособленно,[22] или уделить внимание какому-то одному жанру, механически приписывая полученные выводы другому.[23] И несмотря на это, объединение изучения загадок и пословиц сохранилось вплоть до настоящего времени.[24]

Общие черты у загадок с пословицами, конечно, есть. Это прежде всего краткость, ритмичность, а также то, что в пословице, как и в загадке, есть скрытый смысл, который нужно понять. Это позволяло включать загадки в старинные собрания пословиц. По форме и внешнему облику некоторые загадки настолько близки пословицам и поговоркам, что вполне могут быть приняты за поговорки, особенно если утратят отгадку и превратятся в ритмически организованные суждения с неясным смыслом, как например:

Замолола безголова. — Коловорот (4572).

Среди загадок есть варианты, которые полностью или частично текстуально совпадают с пословицами. Можно предположить, что в таких случаях загадкой была использована пословица или утратившая отгадку загадка в процессе бытования превратилась в пословицу.

Загадки:

Хоть малая, хоть большая,
Где стоит, там и шумит. — Береза (1740).

На моху, на болоте
Не жнут, не молотят,
А денежки колотят. — Мельница (2864).

Пословицы:

Береза не угроза — где она стоит, там и шумит.

Тати не молотят, только замки колотят.[25]

---

[22] Так, например, поступил В. П. Аникин (Об историческом приурочении пословиц, поговорок, загадок. — Советская этнография, 1960, № 4, с. 44—62).

[23] Вознесенский И. И. О складе или ритме и метре кратких изречений русского народа. Кострома, 1908.

[24] Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток. — Звезда Востока, 1965, № 11, с. 154.

[25] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961, с. 24, 35 (Памятники русского фольклора).

Но подобная близость, подобные совпадения не могут служить основанием для того, чтобы объединять пословицы и загадки. Это два самостоятельных жанра, различные в принципах отбора жизненного материала, законах художественного отражения действительности, функции. Загадки в прошлом были тесно связаны с обрядом, входили в игры зимнего календарного цикла.[26] Они служили целям воспитания и призваны были испытывать сообразительность человека. В отличие от загадок пословица и поговорка служат для того, чтобы отчетливее выразить мысль, обобщают опыт народа, его коллективную мудрость.[27] Еще больше отличий у загадок и пословиц в выборе объекта изображения. И загадки, и пословицы действительно касаются «тем, близких к быту и народной морали», как писал М. Н. Сперанский. Но темы эти достаточно различны. Пословицы касаются морали, этики и т. п., выражают общее, философское, обобщают наблюдения и размышления человека над рядом близких или повторяющихся фактов, поэтому и применимы не к одному факту или случаю.[28] Загадки, как об этом сказано выше, говорят о вещах, предметах, явлениях, окружающих человека, их свойствах, качествах. Это становится особенно очевидно при сопоставлении тематических отделов в сборниках пословиц и загадок.

В. И. Даль в своем сборнике «Пословицы русского народа» расположил материал по следующим тематическим разделам: судьба — терпение, надежда; счастье — удача; богатство — убожество; радость — горе; неправда — обман; суд — лихоимство; ум — глупость и т. д. А в сборниках загадок тематические отделы таковы: жилище, одежда, лес, поле, домашние животные и т. д. И то и другое касается жизни, быта человека, но тематика пословиц относится к морали, этике, общественным отношениям, характеру человека; тематика загадок — вещи, природа, животные, окружающие человека в быту и труде. Еще бо-

---

[26] Рыбникова М. А. Загадки. М.—Л., «Academia», 1932, с. 49; Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, с. 65—66; Чичеров В. И. Зимний период..., с. 109.

[27] Аникин В. П. Традиция жанра как критерий фольклорности в современном творчестве (частушки и пословицы). — В кн.: Русский фольклор, т. IX. М.—Л., 1964, с. 92.

[28] Там же, с. 92—93.

лее очевидно это при сопоставлении конкретного материала пословиц и загадок из тематических отделов, совпадающих по названию. Пословицы в отделе «Грамота»[29] говорят о пользе грамоты, трудности обучения, твердости и незыблемости того, что написано, и т. д.:

Грамоте учиться — всегда пригодится.

Сперва аз да буки, а там и науки.

Написано пером — не вырубишь топором.

Загадки в тематическом разделе «Грамота и книжная мудрость» говорят о вещах — книге, пере, чернилах, бумаге:

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает. — Книга (4877).

Родился от плоти, а крови нет,
Грамоте не знаю, а век пишу. — Перо гусиное (4832).

Белое поле, черное семя,
Кто его сеет, тот разумеет. — Бумага и письмо (4848).

Пословицы из раздела «Человек» говорят о месте человека на земле, о положении его в обществе и отношении к другим людям, о свойствах человеческого характера, дают определенные рекомендации в поведении:

Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля.

У бедного шуба овечья, а та же душа человечья.

Человек человека стоит.

Человек не для себя родится.

Рысь пестра сверху, а человек лукав изнутри.

Береги честь смолоду.[30]

Загадки подобных вопросов не касаются, они говорят о внешнем виде человека:

---

[29] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957, с. 418, 419.
[30] Там же, с. 303—306.

Стоят вилы,
На вилах короб,
На коробе шарик,
На шарике сено. — Человек (1345)

Два клубка через грядку висят. — Глаза (1418).

Таким образом, несмотря на то что и загадки, и пословицы изображают, казалось бы, одну область действительности, конкретное избрание предмета изображения настолько различно, что объединять эти жанры нет оснований, не учитывать их особенностей нельзя, хотя пословицы и остаются одним из самых близких к загадке жанров.

ЗАГАДКИ И ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Текстуальные совпадения, а следовательно, и близость некоторых особенностей у загадок обнаруживаются с детским фольклором (песенками, потешками, считалками). Бытование загадок в течение длительного времени в среде детей также создавало благоприятные условия для перехода загадок в состав детских песенок и обратного воздействия: заимствования загадками некоторых вариантов детских песенок и считалок. В настоящее время среди детских песенок немало таких, которые почти дословно совпадают с загадками. Так, например, загадки про зарю совпадают с игровой приговоркой, бытовавшей, по свидетельству П. В. Шейна, в среде детей:

Загадка:

Заря-заряница, красная девица,
Врата запирала, по полю гуляла,
Ключи потеряла.
Месяц видел, солнце скрало. — Роса.[31]

Песня:

Заря-заряница, красная девица,
По полю ходила, ключи обронила,
Ключи золотые, ленты голубые,
Кольцы обвитые, за водой пошла.[32]

---

[31] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 1935.

[32] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. I. СПб., 1898, № 270.

Очень напоминает часть общеизвестной детской песенки «Дождик, дождик, перестань...» загадка про дождевую тучу:

Я у бога сирота отворяла ворота,
Людей не пустила, коней напоила.[33]

Про загадку о замке и ключе:

На дубу, на вязе два бога увязли,
Пришел к ним спас, выколол им глаз —

Д. Н. Садовников писал, что ему приходилось ее слышать как детскую песенку.[34]

В некоторых случаях загадки перекликаются с такими детскими потешками и песенками, которые в прошлом (да и сейчас еще в некоторых районах) были присказками при рассказывании сказок, небыличками. Сопоставление загадок с подобными детскими потешками выявляет не только сходство, но и различие. Несмотря на большую близость образов, оборотов, загадки более коротки, вся их образная система сжата, сконцентрирована, направлена на то, чтобы дать сжатую, яркую замену предмету загадывания.

Загадки:

Сивая свинья на дубу гнездо свила,
Детки по веткам, а сама в коренек. — Горох (2449).

Рыжий красного спросил:
«Чем ты бороду красил?»
— Я не краской, не замазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал. — Рябина.[35]

Детская потешка:

Облоухая свинья на дубу гнездо свила,
Поросила поросят ровным счетом шестьдесят,
Распустила поросят все по маленьким сучкам..[36]

Ехал рыжий на быке как по речке по реке,
Рыжий красного спросил: «Чем ты бороду красил?»

---

[33] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 1928.
[34] Там же, с. 314.
[35] Там же, № 1380.
[36] Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 215—216, № 54.

— Я не краской, не помазкой,
Я на солнышке лежал, кверху бороду держал.[37]

Во всех приведенных примерах скорее всего можно предположить заимствование и переработку загадками текста детской песенки, чем обратное влияние. Образность и строй этих вариантов довольно далеки от типичных загадок. Все они рассказывают о каких-то событиях, действиях, многоплановы. Уподобление тучи сироте, отворяющей ворота, гороха свинье необычно для загадок. Этого нельзя сказать только о загадке про зарю: уподобление солнца, зари девице для загадок традиционно. Кроме того, образ этот встречается не только в песнях и загадках, но и в заговорах.[38]

В детском фольклоре встречаются и прямые заимствования из загадок, особенно в считалках:

Села муха на колеса,
Поехала на небеса.
Там тетка Никола,
Сестра Куликова.
Ни окошек, ни дверей,
Полна горница людей.[39]

Две последние строки представляют собою загадку про огурец. Они присоединены здесь механически; смешение, разнородность образов очевидны.

Совпадения каких-то существенных жанровых законов, как это было у подблюдных песен с загадками, у детских песенок и потешек с загадками нет, но их сближает стремление к несообразностям, к звукоподражанию, образованию необычных слов. Так, например, в загадках про похороны: «Певунчики поют, ревунчики ревут, текунчики текут, бегунчики бегут...»; «Поревунчики ревут, потекунчики текут»; «пометушки метут, поскребушки скребут...».[40] В детских считалках и песенках: «Первинчики, другинчики убили голубинчики...»;[41] «Первинчики,

---

[37] Там же, с. 215, № 51.

[38] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения..., т. I. М., 1865, с. 86; т. III, М., 1869, с. 101.

[39] Рыбникова М. А. Загадки, с. 57.

[40] Садовников Д. Н. Загадки..., изд. 1-е, № 2106, 2106-ж, 2106-з.

[41] Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по отделению этнографии, т. I, вып. 1. СПб., 1902, с. 137.

дружечники, беребенчики, трынцы, волынцы, поповы ладанцы...».[42] В детских потешках часто встречается: «Тюшки, тютюшки, веселы ли душки...».[43] Подобное же есть и в загадках:

Сидит тютюшечка, ни зверь, ни птушечка. — Лягушка (609).

ВКЛЮЧЕНИЕ ЗАГАДОК В ПЕСНИ И СКАЗКИ

Загадки могут полностью включаться в произведения других жанров фольклора, не теряя своих жанровых признаков, не переставая быть загадками и выполняя в этих жанрах присущую загадкам функцию. Это происходит в песнях и сказках.

Песни, включающие загадки, разнообразны по сюжетам. В одних говорится о девице, убившей посмеявшегося над нею молодца и в иносказательной форме рассказывающей об этом в кругу подруг.[44] Очень распространена песня, где говорится о трудных, невыполнимых заданиях, которыми обмениваются молодец и девица (сшить сапоги из желта песочка, напрясть дратвы из дождевой капли и т. д.).[45]

В первом примере мы имеем дело по существу не с загадкой, а с иносказанием, которое, бытуя самостоятельно, вне песни, иногда включается в собрания загадок. Во втором — с трудным заданием, которое не отгадывается, и в ответ на него вопрошающий получает такое же невыполнимое задание.

Загадки включаются и в песни, связанные с обычаем в далеком прошлом решать спор путем загадывания и отгадывания загадок. Одна песня рассказывает об освобождении из плена донского казака, сумевшего разгадать загадки.[46] Другая, видимо, представляет собой осложненную загадками песню о том, как девица выиграла у мо-

---

[42] Великоруссе в своих песнях..., т. 1, вып. I, № 238.

[43] Аникин В. П. Русские народные пословицы..., с. 204, № 21, 23.

[44] Великорусские народные песни. Изд. проф. А. И. Соболевским, т. I. СПб., 1895, № 156; Песни, собранные П. В. Киреевским, № 421.

[45] Великорусские народные песни, т. I, № 449—459.

[46] Там же, № 469.

лодца его корабли с товарами.[47] Две названные встречаются редко, третья, распространенная в большом количестве вариантов, рассказывает о состязании молодца и девицы в разгадывании загадок.[48] В начале песни обычно говорится, что девица идет по лугу или берегу реки. Иногда она моет платье, черпает воду; реже сидит в тереме или на крыльце. В вариантах, записанных от казаков, упоминается берег Дуная, где девицы гуляют, вьют венки и отгадывают загадки. Непосредственно за вступлением развертывается диалог молодца и девицы. Она в подавляющем большинстве вариантов — девка-семилетка, поэтому и песня часто называется песней о семилетке. Молодец (сын купеческий, сын дворянский) задает вопросы: что краше лета, выше леса, чаще рощи, что без коренья, без умолку, без ответа и т. д. Девушка всегда загадки отгадывает: это солнце, месяц, звезды, камень, река, конь. Число вопросов в вариантах разное, вопросы тоже разные. Цель состязания не ясна. Только в редких вариантах — это свадьба. Распространены песни о семилетке повсеместно. Среди них есть игровые, плясовые, свадебные. Рассмотрение вариантов русской песни о семилетке и близких ей славянских песен[49] убеждает в том, что песня эта обрядовая, связана с весенним циклом аграрных праздников. Видимо, она очень древняя, давно утратила связь с обрядом и получила новые приурочения. Загадки в ней довольно стабильны. Поэтому можно считать, что такой тип загадок — вопросы о явлениях природы, растениях и животных — древний.

В сказках, как и в песнях, находим загадки и загадочную речь, включенные в разные сюжеты. Первая исследовательница роли загадок в сказках Е. Елеонская считала, что загадка отвечает стремлению сказки занимать, украшает речь сказочных героев, направляет и оживляет действие.[50] Как показала И. М. Колесницкая,[51] роль загадок в сказке гораздо более значительна. Ею установлены

---

[47] Там же, № 325.

[48] Там же, № 459—469; Великорусс в своих песнях..., т. 1, вып. 1, № 814—815.

[49] Подробно см.: Русский фольклор, т. XI. Л., 1968, с. 118—125.

[50] Елеонская Е. Н. Некоторые замечания о роли загадки в сказке. — Этнографическое обозрение, 1907, № 4.

[51] Колесницкая И. М. Загадка в сказке. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1941, № 81.

сюжеты, включающие загадки, типы загадок, там встречающиеся, роль их в сказке и связь с исторической действительностью.

Загадки и загадочная речь включаются в сюжеты: А851 — Загадки;[52] А921 — Умные ответы; А926 — Сосватанные дети; А920 Сказки о Соломоне; А927 — Загадки осужденного; А922 — Акир Премудрый; А875 — Семилетка; А1545 — Солдатские загадки; А922 — Беспечальный монастырь.[53]

Рассматривая эти сюжеты, И. М. Колесницкая отмечает, что роль в них загадок весьма существенна для сюжетообразования: разгадывание загадок является центром и направляющей нитью сказки. Функция их сродни разнообразным трудным заданиям волшебной сказки; поэтому сказки с этими сюжетами, относимые обычно к новеллистическим, родственны волшебным сказкам и могут быть отнесены к ним.[54] Замечание это исследовательницей обосновано, но все же вызывает некоторые сомнения. Необходимо иметь в виду, что в системе трудных заданий сказок можно наметить некоторую градацию: 1) трудные задания, выполняемые с помощью волшебных помощников или волшебных свойств героя (постройка дворца, тканье ковра и т. п. за одну ночь); 2) трудные задания, выполняемые благодаря знанию, участию героя в предшествующих событиях (шитье башмаков, платья — герой передает предметы, привезенные им из других миров); 3) трудные задания, отстраняемые путем предложения встречных, таких же невыполнимых заданий (на предложение высидеть цыплят за одну ночь из вареных яиц следует требование вырастить за тот же срок зерна из вареных семян и т. п.); 4) разгадывание загадок или иносказательной речи. Первые две группы встречаются в волшебных сказках, две последние — в новеллистических: для их выполнения требуются не волшебные свойства, а ум и смекалка героев. Поэтому утверждение И. М. Колесницкой о неправильности отнесения к новеллистическим сюжетов, заключающих отгадывание загадок и загадочной речи, требует проверки и дополнительного рассмотрения.

---

[52] Номера по указ.: Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

[53] Колесницкая И. М. Загадка в сказке, с. 105.

[54] Там же, с. 109—110.

Сказка, как установила И. М. Колесницкая, отразила реальное явление, происходившее на ранних стадиях развития общества: предсвадебное испытание жениха, ритуальные состязания царей «загадками», испытание «мудрости», которое приводило к приему в род, к воцарению или, в случае поражения, к гибели.[55] Загадки, включаемые в сказки, не многочисленны и не разнообразны. В основном это вопросы о свойствах явлений природы и растений,[56] а большинство из вопросов, задаваемых испытуемому, представляет собою иносказательную, загадочную речь.[57] Материал сказок имеет большое значение для изучения генезиса и исторического развития загадок. Изучение же сказок, включающих загадки и трудные задания, — особая проблема.

---

[55] Там же, с. 115.
[56] Там же, с. 133.
[57] Там же, с. 118.

Заключение

Завершая рассмотрение основных вопросов, связанных с изучением русских народных загадок, можно сказать, что это древнейший жанр русского фольклора, бытующий до настоящего времени, выполняющий свое исконное воспитательное назначение, пополняющийся новыми образцами. Загадка таит в себе много неясного не только для отгадывающего ее смысл, но и для исследователя, изучающего ее как жанр фольклора. Она любит удивить, заставить задуматься, задает немало сложных и интересных вопросов. Некоторые из них мы попытались прояснить, обобщая достигнутое наукой. Но немало важных и интересных вопросов еще ждут своего изучения: лингвистические проблемы, соотношение образа загадки и символа, народные загадки в литературе, использование их в творческой работе писателей и поэтов. А если начать задавать «почему?» по поводу поэтических образов и приемов загадок, то это будет бесконечный ряд простых и в то же время сложнейших вопросов. Почему много загадок о сороке и почти нет о вороне, граче? Почему в загадках месяц — котел? Действительно ли это след скотоводческих времен в жизни народа, как думали мифологи? Действительно ли, олицетворяя солнце в образе красной девицы, люди воплощали таким образом его животворную силу, как думал А. Н. Афанасьев? Но ведь и морковь — красная девица в темнице!

Ряд таких вопросов бесконечен. Многие можно объяснить случайностью, поэтическим тропом, но не все же.

А если выйти за пределы русских загадок, то вопросов будет еще больше.

Загадки существуют у всех народов. И всюду они касаются предметов быта, явлений природы. Естественно, что предметы, о которых загадывают, бывают общие. Но можно найти и общие образы, и даже дословные совпаде-

ния в загадках далеких по языку и территории народов. Что это? Общность типологическая, заимствования? Откуда общие, дословно совпадающие загадки у русских, немцев, французов? Общий книжный источник? Но на Руси не зарегистрировано сборников загадок до XVIII века, а сборники XVIII века далеки от народных вариантов.

Еще больше вопросов возникает в связи с близостью славянских загадок. Близость эта велика: и дословные совпадения, и образы. Особенно много совпадений в загадках русских, белорусов и украинцев. Здесь проще говорить о загадках отличающихся, а не совпадающих, так как совпадает почти весь репертуар. И это трудно объяснить только исторической близостью народов: в других жанрах фольклора такой общности не наблюдается.

Неизученного много, и большею частью все это важно не только для исследования загадки, но может прояснить многое в истории фольклора вообще, в соотношении его жанров и взаимодействии фольклора разных народов.

Оглавление

Вера Викторовна Митрофанова

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *А. А. Крундышев*
Художник *Д. А. Данилов*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректор *Г. И. Суворова*

ИБ № 8484

Сдано в набор 30.12.77. Подписано к печати 17.05.78. М-08516.
Формат 84×108$^1/_{32}$. Бумага № 3. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 5$^3/_4$. Усл. печ. л. 9.66.
Уч.-изд. л. 9.41. Тираж 10000. Изд. № 6678. Тип. зак. 1067.
Цена 60 коп.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин.,

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12